Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени

Переведено специально для группы
˜”*°•†Мир фэнтези†•°*”˜ http://Wfbooks.ru
Оригинальное название: Serpents of Sky and Flame
Автор: Ребекка Ф. Кенни / Rebecca F. Kenney
Серия: Безжалостные Драконы #1 / Merciless Dragons #1
Переводчик: nasya29
Редактор: maryiv1205

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Аннотация

Дракон похищает девушку. Девушка превращает жизнь дракона в сущий ад…

В конце жестокой войны колдун накладывает проклятие, которое уничтожает всех самок драконьей расы. В отместку принц драконов Киреаган возглавляет набег на королевство колдуна, где драконы похищают человеческих женщин и уносят их в своё царство. Принцесса Серилла, попав в плен к самому принцу драконов, охвачена яростью и страхом. Но больше всего она полна решимости: сделать жизнь дракона настолько невыносимой, чтобы он либо убил её, либо был вынужден отпустить.

Разочарование Киреагана своей красивой пленницей усугубляется тем фактом, что его план — превратить всех человеческих женщин в самок драконов — не работает. Заклинательница, которую он пленил, недостаточно сильна для такого заклятия; всё, на что она способна, — даровать драконам возможность принимать человеческий облик на несколько часов в день.

Пока Серилла и другие пленённые женщины плетут интриги ради обретения свободы, драконы сталкиваются с трудностями в новых человеческих телах. Но никто из них не подозревает, что за ними внимательно наблюдает куда более могущественный враг, готовый уничтожить их всех.

Этот пикантный, взрослый фэнтези-роман станет идеальным выбором для поклонников Ребекки Яррос, Кариссы Бродбент, Л. Дж. Эндрюс и Кейти Роберт.

ВОРЕЙН
ЭЛЕКСТАН
ОСТРОВА МЕРРИНВОЛД
ГИЛХОРН
СТОЛИЦА
УРОСКЕЛЛЕ
ЮЖНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Оглавление

1. Киреаган 5
2. Серилла 9
3. Киреаган 18
4. Серилла 21
5. Киреаган 24
6. Серилла 32
7. Киреаган 37
8. Серилла 40
9.Киреаган 47
10. Серилла 56
11. Киреаган 66
12. Серилла 77
13. Киреаган 83
14. Серилла 87
15. Киреаган 99
17. Киреаган 110
18. Серилла 114
20. Серилла 130
21. Киреаган 139
22. Серилла 144
23. Киреаган 159
24. Серилла 168
25. Киреаган 171
26. Серилла 177

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

1. Киреаган

Дождь хлещет по крыльям, когда я поворачиваю влево и выпускаю ровную струю жидкого пламени из пасти, освещая участок городской стены. Солдаты роняют оружие и корчатся, крошечные четырехногие создания мечутся в огненном сиянии, мгновенно оседая на камни.

Мой огонь — это милость. Горячее любого человеческого пламени, он приносит смерть за считанные секунды. Если я точен, могу превращать камни в пепел.

Для тех, кто выживет и будет вынужден сдаться королю Ворейна, смерть придет куда медленнее.

Тяжелый взмах крыльев справа привлекает мое внимание. Мордесса скользит рядом со мной, ее золотые крылья раскинуты шире, чем мои.

— Еще одна битва, может быть две. И домой, — говорит она на языке драконов.

— Домой, с островами Мерринволд в качестве награды, — отвечаю я.

— У нас будет достаточно еды для брачного сезона и выводка детенышей. — Она медленно моргает своими золотыми ресницами глядя в мою сторону.

Я пытаюсь найти в себе то теплое чувство, которое должен испытывать, — прилив радости, гармонии. Но все, что могу выжать из себя по отношению к моей Нареченной, это чувство дружбы, приятной верности. Этого достаточно.

Этого должно быть достаточно.

Порыв ветра проносится над нами — черная фигура с белыми пятнами на крыльях. Моя сестра Вилар выпускает линии раскаленного света по оставшимся стражникам на городской стене.

— Прекратите глазеть друг на друга и вернитесь к делу, вы двое, — советует она.

Я ныряю ниже, уклоняясь от кислотной бомбы, выпущенной с ближайшего дирижабля.

Мы должны завершить эту битву здесь, у Гилхорна, и пережить еще одну, чтобы захватить столицу и заставить королеву Элекстана сдаться. Мы ожидали, что она сдастся несколько недель назад, но ее гордость оказалась сильнее, чем мы думали. Она послала целые полчища своих людей на смерть. К этому моменту у нее почти не осталось войск, да и припасов с оружием едва хватает. Какой правитель способен разрушить свое собственное королевство таким образом?

Наши союзники из Ворейна понесли потери, и мой клан потерял двух драконов. Но мы уничтожили сотни солдат Элекстана.

Еще немного, и мы победим. Еще чуть-чуть, и моя костная клятва отцу будет выполнена. Больше не будет войн, не будет убийств. Не придется больше смотреть, как люди пляшут, обуглившиеся насекомые, в молниях Мордессы, или превращаются в дым под яркими лучами Вилар.

Самки драконов были самыми решительными в этой войне. Они знают, что поставлено на карту — выживание нашего рода. Первобытный страх движет ими в каждой битве, заставляя переходить границы вины, где необходимость и страх

смешиваются с жестокостью. Я видел, как это происходит, и мечтал о том дне, когда мы все вернемся домой, а угроза вымирания больше не будет гнать нас вперед.

Вилар поднимается выше в небо, отдавая приказы на языке драконов. Она — главный связной с армией Ворейна и точно знает, какие шаги мы должны предпринять. Я тоже был на военных советах, но, хотя я и первенец Костяного Короля, у сестры лучше работает голова в битвах, поэтому она взяла на себя руководство этой кампанией.

Из клубов дыма впереди вырывается большой красно-черный дракон. Гриммав, мать Костяного Короля — моя бабушка. Одна из старейших в нашем клане, все еще грозный воин, несмотря на периодические боли в хвосте и крыльях. Отец взял с нее костную клятву перед своей смертью… но я никогда не спрашивал ее, какое обещание заключено в кусочке его позвоночника, который она носит на шее.

— Гилхорн пал, — говорит она, зависая рядом с Мордессой и мной. — На самой высокой башне крепости развевается черный флаг.

— Символ бесчестья и мрачного дня. — Я склоняю голову, чувствуя, как облегчение наполняет меня. — Значит, все кончено. Возможно, королева наконец сдастся, и мы сможем избежать полной битвы за столицу.

— Возможно… — начинает Гриммав, но прежде чем она успевает продолжить, ее тело пробегает судорога. Пасть распахивается на мгновение, словно она пытается что-то сказать.

Она падает. Крылья обмякли, шея безжизненна, хвост неподвижен… она падает.

Я бросаюсь за ней, но золотая тень привлекает мое внимание. Сперва мне кажется, что Мордесса ныряет, чтобы помочь мне поймать Гриммав, но затем я понимаю — она тоже стремительно летит вниз, потеряв сознание.

Гриммав врезается в здание и катится по улице, осыпая все вокруг градом кирпичей. Люди с криками разбегаются, но некоторые мгновенно оказываются раздавлены, когда золотое тело Мордессы с грохотом обрушивается на землю. Одно из ее крыльев сносит три хрупких здания, валя их одно за другим.

Я приземляюсь между своей бабушкой и моей Нареченной. Рычанием я предупреждаю людей держаться подальше, и они в панике разбегаются.

Когда я поворачиваюсь к Гриммав, то вижу то, чего боялся больше всего — дымчатая змея скользит из ее раскрытой пасти. Она извивается в небо и исчезает прежде, чем я успеваю закричать.

Я оборачиваюсь к Мордессе как раз в тот момент, чтобы увидеть, как ее дух тоже покидает тело — золотистый, словно туман, серпантин. Он поднимается высоко в небо, растворяясь в хаосе горящих зданий и дымящихся башен, что некогда были процветающим городом Гилхорн.

С ночного небосвода я вижу, как один за другим падают драконы, сверкая чешуей, с безжизненными шеями и хвостами, с крыльями, изогнутыми под странными углами. Звук каждого удара сотрясает город. Оглушительный гул при каждом падении тяжелого тела. Грохот рушащихся зданий и содрогающаяся земля от силы столкновений.

— Киреаган! — кричит мой брат Варекс, его голос полон горя и ужаса. Мы с Варексом и Вилар родились в один сезон вылупления — редкость среди драконов. — Киреаган, что происходит?

Катастрофа. Конец света. Голос не подчиняется мне, мысли не могут сложиться…

— Киреаган! — Это Эшвелон, один из наших командиров, темно-серый дракон с даром ледяного пламени. — Мой принц, мы не можем оставаться на земле. Полетели. Нам нужно подняться.

Под его призывом и подталкиванием острого кончика крыла брата я нахожу силы подняться на крышу ближайшего здания и взлетаю с нее, прежде чем она рушится под моим весом. Человеческие строения, как и их тела, хрупки и слабы.

Эшвелон, Варекс и я взмываем в воздух треугольным строем. Набирая высоту, я замечаю самую высокую башню в городе — ту, о которой говорила Гриммав, ту, что несет флаг капитуляции.

Сестра насажена на этот флагшток, металлический штырь которого пропитан ее кровью. Тело Вилар свисает с крутой конусообразной крыши башни, черные крылья раскинуты на фоне красной черепицы. Белые пятна на крыльях сияют, как отраженный лунный свет.

Мы с Варексом одновременно издаем рев, красное пламя вырывается из моей пасти, а черная магия пустоты — из его. Сфера пустоты, выпущенная Варексом, летит прямо к близлежащему дирижаблю, втягивает все судно внутрь и тут же разрушается сама по себе.

— Это самки, — говорит Эшвелон. — Чувствуете?

Но ни я, ни Варекс еще не прошли свой первый брачный сезон. Мы не имеем той связи с самками нашего рода, что есть у более старших самцов.

— Мы не чувствуем этого, — рычу я на него. — Говори! Что происходит? Какое-то заклинание нацелено на самок в этой битве? Нам стоит сказать остальному клану отступить?

Глаза Эшвелона распахнуты, в них страх.

— Слишком поздно. Они уже мертвы.

Я ощущаю, как огонь нарастает в моем животе. Огонь и паника.

— Все самки-воины, мертвы?

— Не только воины, — Ашвелон медленно бьет крыльями, в его голосе звучит опустошение. — Все. Все самки-драконы, любого возраста, везде.

— Какого хрена?! — выдавливает Варекс.

Все самки-драконы, любого возраста, повсюду.

Я расправляю крылья, делая мощные взмахи, поднимаясь все выше и выше. Остальные драконы следуют за мной, поднимаясь прочь от горящего, поверженного города.

Нас осталось вдвое меньше. Я быстро осматриваю всех, взглядом обшаривая мрак, замечая челюстные шипы и локтевые шпоры у каждого дракона. Все они — самцы.

Эшвелон прав.

Я оборачиваюсь к старшему дракону, у которого на челюстях больше шипов, чем у любого из нас.

— Ты почувствовал это? Это правда? Все они...

— Да, мой принц. — Он плачет, огромные слезы катятся по его чешуе и капают с морды. Я никогда не видел, чтобы самцы плакали. Среди драконов слезы — это признак величайшей скорби.

Все самки нашего рода, мертвы, а до брачного сезона остается всего одна неделя...

Это никогда не входило в план. Ворейн никогда не давал понять, что их враги способны на такую разрушительную магию. Если бы мы знали, отец никогда бы не согласился на этот союз. Это неправильно, этого не может быть, это кошмар, конец света...

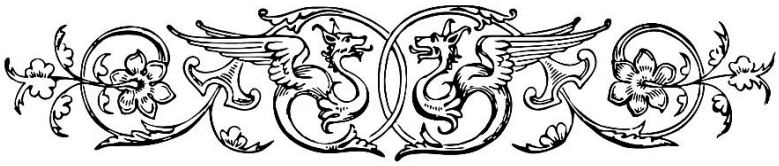
— Киреаган, — Варекс касается кончиком крыла моего. — Что нам делать?

Мой гнев разгорается медленно, но когда вспыхивает, то пылает жарко и яростно. Я чувствую его сейчас — он бурлит в груди, обжигая каждый нерв.

— Мы выясним, кто за это в ответе, — объявляю я остальным драконам, и мой рык разносится по небу. — И мы заберем у них то, что они отняли у нас.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

2. Серилла



— Я сама испекла эти пирожные. Хотите попробовать? — Я поднимаю воздушное лакомство, посыпанное сахаром, и протягиваю его воину, сидящему на кровати.

Он смотрел на свои забинтованные пальцы, но теперь поднимает глаза на меня, его взгляд, как раскаленные угли на лице, испещренном пеплом. — Спасибо, принцесса. Со всем уважением, я не в настроении жевать пирожные.

— Может быть, позже? Сладкое всегда поднимает мне настроение, когда я подавлена. — Я вынимаю нежную льняную салфетку из корзинки, которую несет моя служанка, и кладу ее на кровать рядом с ним. Я ставлю пирожное в центр салфетки, слегка поворачивая его, чтобы сахарная корочка выглядела наилучшим образом.

Воин фыркает, пытаясь рассмеяться, но вдруг задыхается и начинает кашлять, расплескивая темную кровь на мою руку. Капли крови покрывают пирожное.

На мгновение все застывают — моя служанка, воин и я с окровавленной рукой.

Мои телохранители делают шаг вперед.

Как палец, пронзающий корочку пирожного, моя блестящая оболочка разрушается. Я чувствую, как это происходит — яркая, ободряющая улыбка медленно сползает с моих губ, отчаянно радостная маска тает в глазах.

— Простите, Ваше Высочество, — хрипит воин.

— Это моя вина, — напряженно отвечаю я. — Это была глупая идея. Вот, вам нужно отдохнуть. — Я смахиваю пирожное с кровати, откидываю одеяло и поправляю подушки, чтобы он мог на них откинуться. — Это приказ вашей принцессы.

Воин откидывается на подушки и подтягивает ноги на кровать. Я не могу не заметить, насколько грязные у него ноги.

— Норрил, принеси мне таз с водой.

Мой телохранитель немедленно подчиняется и ставит таз рядом с кроватью воина. Мой взгляд останавливается на плотной ткани, которой накрыта корзина с пирожными. То, что нужно. Я вытаскиваю ткань, и пирожные рассыпаются. Смочив ткань в тазу, я начинаю вытирать грязь с ног воина.

— Эти сладости были идеей моей матери, — тихо говорю я, продолжая работу. — Я неплохо готовлю, и она подумала, что для поднятия боевого духа будет хорошо, если я буду прогуливаться по лазарету в своем лучшем платье. Красивое лицо и немного выпечки. Я должна была догадаться, что это не сработает.

— Неплохая идея, — тяжело дыша, отвечает он. — Многие раненые будут рады и сладостям… и красивому лицу.

— Но вы ранены сильнее, чем думал врач, не так ли? — Я снова оборачиваюсь к телохранителям. — Норрил, немедленно приведи врача, или лучше целителя.

— Я попробую, принцесса, — отвечает Норрил. — Но кузен говорит, что целителей сейчас не хватает. Большинство из них нужны в ожоговых отделениях.

Его тон пробирает меня холодом. Я не проходила по ожоговым отделениям, но видела мужчин и женщин, которые выходят оттуда, навсегда изуродованные, несмотря на усилия врачей или магию целителей. И ожоги эти не только от огня. Есть

обморожения от ледяных драконов, ожоги кислотой от драконов, что плюются ядом, и ожоги от тьмы, оставленные драконами, изрыгающими черную энергию. А те, кто получил ожоги тьмы, — это еще счастливцы. Говорят, что если кого-то поразит сфера тьмы полностью, его затягивает в центр, и он исчезает навсегда.

Драконы вступили в войну всего шесть недель назад, и именно из-за них мы проигрываем войну с Ворейном. В тот момент, когда король Ворейна заключил союз с этими чудовищами, мы были обречены. Мать была слишком упряма, чтобы признать это. Она и Верховный колдун утверждают, что они работают над секретным оружием, которое изменит ход войны в пользу Элекстана. Но вместо этого мы продолжаем умирать.

Говорю «мы», но это они. Наши сильнейшие граждане, скормленные военной машине, раздавленные ее шестернями, как этот воин на кровати, дыхание которого скрипит в его груди, словно Смерть стучит холодными пальцами по его ребрам.

— Оба отправляйтесь искать врача, целителя — кого угодно, — приказываю я охранникам. — Не возвращайтесь без кого-либо из них. Поспешите!

— Но, Ваше Высочество, наша обязанность — защищать вас, — возражает Норрил. — Одна из медсестер может…

— Взгляни вокруг, Норрил. Здесь всего две медсестры, обе заняты другими пациентами. Со мной все будет в порядке. Я не сдвинусь с места, обещаю. А теперь идите!

Телохранители спешно уходят, подгоняемые очередным приступом кашля раненого воина. Я снова ополаскиваю грязную ткань, выжимаю ее и протягиваю воину, чтобы он мог вытереть окровавленную ладонь.

За эти семнадцать месяцев проклятой войны я много раз чувствовала себя беспомощной, но никогда так сильно, как сейчас.

Я бросаю взгляд через плечо на свою служанку, Парму. Ее лицо белое как соль, и она выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок.

— Парма, раздай пирожные всем, кто захочет, — говорю я. — Я останусь с ним.

Она кивает и спешно уходит между кроватями раненых.

Я поворачиваюсь к воину, как раз в тот момент, когда он снова начинает кашлять. Инстинктивно я хватаю его за руку, и он с благодарной отчаянностью сжимает ее.

— Хотела бы я знать, что делать, — шепчу я. — Как помочь тебе.

Он не отвечает. Ему тяжело дышать.

Поспеши, Норрил. Пожалуйста, поспеши.

Если бы у меня была магия. Если бы я могла коснуться груди этого человека и направить целительную энергию по его телу, успокоить сосуды, расслабить мышцы, остановить внутренние раны, облегчить спазмы легких.

— Держись, — говорю я ему. — Держись. Помощь уже в пути.

Но его тело напрягается, глаза широко распахнуты, тело выгибается, судорожно пытаясь вдохнуть воздух. Его пальцы сжимают мою руку с безумной силой.

— Помогите! — кричу я. — Нам нужна медсестра!

Но две медсестры, которых я видела в этом отделении всего мгновение назад, должно быть, ушли за чем-то. Здесь больше никого, кроме меня, Пармы и раненых солдат. Женщина на ближайшей кровати, кажется, без сознания, и никто из остальных не откликается на мой зов. Возможно, смерть стала для них привычной, или они слишком измотаны и подавлены, чтобы помочь кому-то еще.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Рука воина слабеет в моей. Когда я смотрю на него, он уже расслабился на подушках. Его рот приоткрыт, а глаза остекленели, больше не видя. Кровь стекает из уголка его губ.

Мертв.

Я оборачиваюсь на звук быстрых шагов, надеясь на чудо, которое могло бы спасти его, но это всего лишь девушка, одетая как королевский посланник. Я узнаю ее; она одна из любимиц моей матери, на несколько лет младше меня, возможно, около шестнадцати.

— Принцесса! — выдыхает она. — Меня послали сообщить вам это тихо, прежде чем все узнают — война закончена.

У меня замирает сердце, хотя я знала, что это произойдет.

— Мы проиграли.

— Да. Драконы и ворейнцы захватили Гилхорн прошлой ночью и направляются сюда. Королевская стража собирается дать последний бой в столице, но...

— Нет никакой надежды на победу. — Я медленно вдыхаю, пытаясь справиться с горем от смерти воина, падением королевства и неясностью своего будущего за один вдох. Я чувствую, как все нервы в теле натягиваются.

— Ваша мать хочет, чтобы вы покинули город и направились к южной границе, — говорит посланница.

— Уже поздно. Она должна это понимать. — Я нахмурилась, сбитая с толку. — Убегать нужно было еще месяц назад или хотя бы на прошлой неделе. Если мы побежим сейчас, драконы настигнут нас задолго до того, как мы доберемся до границы. Кроме того, король Ворейна обещал, что если мать сдастся, он нас не убьет. Нас отправят в изгнание на какой-нибудь дальний форпост под стражей, но нам не нужно бежать.

Посланница нервно прикусывает губу и понижает голос.

— Думаю, этого соглашения больше не существует, принцесса. Понимаете, Верховный колдун мертв. Он погиб, совершив последнее великое заклинание.

— Черт, — выдыхаю я. — Что он сделал?

— Я не знаю точно. Королева не сказала, но я подслушала сообщение, в котором говорилось, что драконы падали с неба десятками. Примерно половина драконьей армии была убита в считанные минуты.

— Черт возьми, — шепчу я. — Они будут в бешенстве.

Посланница кивает.

— С вашего позволения, моя леди, — я пойду домой к родителям. Что бы ни случилось, я бы хотела быть с ними.

— Конечно. — Я ободряюще касаюсь ее руки, но вдруг вспоминаю, что мои пальцы испачканы кровью и грязью. Я резко убираю руку, и мы обе смотрим на следы, оставленные на ее белом рукаве.

— Я бы хотела, чтобы вы бежали, Ваше Высочество, — в глазах девушки блестят слезы. — Драконы — мстительная раса. Они убьют вас за то, что сделал Верховный колдун.

— Сколько времени до того, как они доберутся до столицы?

Но едва я произношу вопрос, как слышу далекий, нарастающий звук тревоги, гласящий о приближении драконов. Он усиливается, пока его ужасный рев не наполняет комнату, город и все небо. Один из дирижаблей, парящих над столицей,

заметил драконов вдалеке. Драконов, летящих, чтобы убить нас огнем и тьмой, молниями и льдом.

Парма кричит, роняет корзинку и бежит ко мне.

— Мы должны уходить, принцесса!

— Куда? — я беспомощно смеюсь. — Они все равно убьют меня, и черт возьми, если я умру, прячась в каком-то углу или бегая в панике. Беги, Парма. Вы обе, бегите!

— Но, Ваше Высочество... — возражает девушка-посланница.

Я не спорю с ней. Меня охватывает идея — вдохновленная смертью Верховного колдуна, полагаю. Он погиб, да, но успел забрать с собой десятки этих крылатых тварей. Если я смогу убить хотя бы одного, прежде чем меня сожгут, думаю, я умру счастливой.

Я наклоняюсь и быстро целую лоб мертвого воина. Игнорируя рыдания и мольбы посланницы и служанки, я бегу через палату выздоравливающих и выскакиваю через задние двери в сумрачный полдень. Утром шел дождь, но с тех пор тучи отступили, и сквозь них прорываются лучи золотисто-персикового света.

Временные госпитали расположены вдоль северо-восточной границы города, чтобы наших солдат можно было быстро доставить за стены для лечения. Я подхватываю свои пышные розовые юбки обеими руками и бегу по булыжной мостовой к внешней стене. Рев драконьей сирены стихает — ее задача выполнена. Солдаты бегают туда-сюда, выкрикивая приказы или повторяя их. Один из них зовет меня, но я не отвечаю.

Каменные ступени, ведущие на боевой парапет, невероятно узкие и еще мокрые после утреннего дождя. Я с трудом поднимаюсь, покачиваясь и почти оступаясь с края. Когда я добираюсь до вершины, дыхание сбивается, затылок вспотел, несмотря на прохладный полуденный ветерок.

Мой разум наполняется музыкой, пока я взбираюсь вверх, словно торжественная симфония труб и струнных, гимн последней битве этого города. Хотела бы я, чтобы у меня был оркестр, чтобы сыграть ее для всех. Но у меня никогда не хватало смелости поделиться своей музыкой с кем-либо.

Верхняя часть стены покрыта причудливым узором, более старые камни встроены в более новые, чтобы заделать глубокие бреши. Десятилетия назад части города были поражены молниями Мордворрена — разумного магического суперштorма, который движется по океану непредсказуемыми траекториями. Иногда он нависает над островом или городом на несколько дней, обрушивая на все внизу едкие молнии и оглушающий гром. Магия ведет себя странно под тенью Мордворрена. Когда шторм заканчивает затоплять улицы и разрушать дома, он уходит к своей следующей цели.

Нам повезло, что Мордворрен не заходил так далеко вглубь суши очень давно. Возможно, это милость Создателя. А может, шторм просто признает, что мы сами прекрасно справляемся с уничтожением себя.

Я сгибаюсь, упираясь ладонями в бедра, чтобы перевести дыхание. Никто меня не замечает. Каждый воин, стоящий вдоль стены, смотрит наружу и вверх, вглядываясь в горизонт и облака в поисках драконов. В такие серые дни, как этот, я слышала, что драконы любят летать над облаками и внезапно нападать сверху.

До сих пор столице удавалось избегать таких вторжений. Пять городов, окружающих королевскую резиденцию, вооружены катапультами, огромными арбалетами, дирижаблями с пушками и другими мерами, специально разработанными для защиты от драконов. Но два бастиона пали в прошлом месяце, и с падением

Гилхорна прошлой ночью мы остались уязвимы. Если слухи слуг верны, мать отправила оставшиеся у нас оружие и технологии для укрепления других городов. Не уверена, что у нас осталось достаточно, чтобы защитить себя.

Но я знаю, что на вершине ближайшей башни стоит большой арбалет. Капитан Ритчелд разрешил мне выстрелить из него однажды, когда я посещала стражников на стене, чтобы поднять их боевой дух — конечно, по указу матери.

— Нет ничего более вдохновляющего для мужчины, чем вид той самой прекрасной принцессы, которую он поклялся защищать, — сказала она.

Честно говоря, мое присутствие действительно, казалось, ободрило стражников, независимо от их пола. Для меня же лучшим моментом того дня было, когда я крутила рычаг, чтобы зарядить гигантский арбалет, направляла его на цель и выпускала огромную железную стрелу в небо.

Конечно, тогда я не стреляла по реальной цели. Сегодня, если я доберусь до одной из этих великих машин, точность будет иметь значение. Я не умею владеть мечом или метать ножи, но неплохо стреляю из обычного ручного арбалета. Жаль, что этот навык не так полезен, когда арбалет размером с мою кровать с балдахином, а стрела — с меня.

Я подбираю юбки как могу и взбираюсь по лестнице на башню. Два стражника стоят там, фланкируя огромный арбалет на его поворотной установке.

При скрипе моих туфель по камню один из мужчин оборачивается.

— Ваше Высочество! — Он и его спутник поспешно кланяются.

— В этом нет необходимости. — Я стягиваю ленту с запястья и собираю свои желтые волосы в узел, чтобы они не мешали. — Насколько близок враг?

— Наземные войска Ворейна еще не видны. Обычно драконы остаются с армией Ворейна, но сегодня они улетели далеко вперед. Они летят прямо к нам. Вам следует укрыться, миледи. — Первый стражник указывает на горизонт, где я могу различить черные крылатые фигуры на фоне темно-серого и золотого неба.

На таком расстоянии драконы все еще выглядят такими маленькими. Такими безобидными. Трудно поверить, что они виноваты в неделях ужаса и боли моего народа.

— Я позову капитана, принцесса, — говорит второй стражник. — Мы можем выделить нескольких охранников, чтобы сопроводить вас в безопасное место.

— Но больше нет никакого безопасного места, — возражаю я. — Пожалуйста, не говорите капитану. Я хочу остаться здесь.

Солдаты переглядываются, не зная, что делать.

— Но ваша досточтимая мать, королева…

— Мне все равно, что скажет моя мать. Я не хочу прятаться в каком-то углу, чтобы потом меня вытащили и публично казнили. Если мне суждено умереть, я предпочитаю быть здесь, с вами, сражаясь за мой город и мое королевство. Позвольте мне эту честь.

Они снова переглядываются, затем уступают.

— Как пожелает принцесса.

— Отлично. — Я становлюсь за арбалет и берусь за рукояти, направляя его в небо. Сгибаю колени, как показывал капитан, выравнивая прицел на наконечник железной стрелы. — Будьте готовы перезарядить после первого выстрела. Я намерена сбить по крайней мере полдюжины этих переросших летучих мышей.

Первый стражник нервно прочищает горло.

— У нас только три стрелы, Ваше Высочество.

— Всего три? — Я откидываюсь от прицела и смотрю вниз на каменную нишу, где обычно хранится боеприпас. — Нам придется достать еще.

— Их больше нет. Два дня назад приказали отправить все в Гилхорн. Три стрелы на башню — это все, что у нас осталось.

— Тогда, возможно, вам стоит сделать выстрел. — Я с трудом глотаю и отступаю назад. — Я стреляла из этого оружия всего один раз.

— А это на один раз больше, чем мы, — отвечает стражник.

— Подождите, вы никогда не стреляли из него?

Оба стражника качают головами.

Я хмурюсь, пристальнее вглядываясь в них. Шлемы и доспехи делают их старше, но теперь, когда я присмотрелась, думаю, они моложе меня. Семнадцать или восемнадцать, полагаю.

Мать обороняет стены мальчишками, отправляет девочек с важными, срочными посланиями. Она лила жизни в эту войну, как воду в решето, пока в нашем королевстве не остались одни дети.

Ненависть к ней, к драконам и к Ворейну закипает горячей волной в груди. Я вдруг чувствую острое, яростное желание защитить этих мальчишек, хотя мне всего двадцать три, и я ненамного старше их.

— Как вас зовут? — спрашиваю я.

— Листор, — отвечает один.

— Веррос, — говорит второй.

— А я Серилла. Так вы меня и будете называть, если мы собираемся сражаться вместе, не «Ваше Высочество» и не «принцесса». Теперь, какое еще у нас есть оружие?

— Ручная пушка, длинный лук, дюжина стрел, копье и наши мечи, — с виноватым видом говорит Листор. — Мы просто вспомогательная башня. Башни у ворот и по углам стены имеют больше припасов, больше людей.

— Почти всех отозвали к замку, чтобы защищать королеву, — добавляет Веррос.

— Значит, остальной город должен защищаться сам?

— Я бы никогда не осмелился говорить плохо о капитане или королеве, или генералах...

— Может быть, кто-то должен был сказать что-то плохое до того, как все зашло так далеко. — Возможно, это должна была сделать я. Мне хочется кричать, рыдать, бить кулаками в грудь матери, а может, даже врезать капитану Ритчелду, но я не могу сделать ничего из этого. Я расправляю свои пышные юбки, подтягиваю низкий вырез платья и снова хватаюсь за рукояти большого арбалета. — Мне понадобится ваша помощь, чтобы перезарядить его после выстрела. Черт, они приближаются. Они всегда летают так быстро?

— Не уверен, Ваше Высочество… то есть, Серилла, — ответил Веррос.

— Они злятся, — бормочу я, почти чувствуя ярость драконов в острых контурах их крыльев, в углах их шеек и хвостов, в напряженной, устремленной силе их тел, несущихся к моему городу, как стрелы судьбы.

Когда клубы дымчато-синих облаков рассеиваются, сквозь них пробиваются потоки золотого света, озаряющие крыши окраин города, дома и лавки тех, кто не достаточно богат, чтобы жить за городскими стенами. Свет также отражается от далеких полей пшеницы и кукурузы, отдаленных пастбищ и поясов густых лесов. Он проникает сквозь крылья драконов, превращая их в огненные, полупрозрачные

очертания. Быстрый подсчет подсказывает мне, что к нам летят как минимум тридцать драконов, возможно, и больше.

Во главе приближающейся стаи - гладкий черный дракон с мускулистыми, чешуйчатыми ногами, зловещей мордой, двумя длинными рогами и хребтом, украшенным жуткими шипами, каждый из которых, вероятно, длиннее моего тела, хотя с такого расстояния трудно сказать точно. Я никогда не видела дракона так близко — за исключением одного дракончика, когда мне было семь. Это была часть циркового представления, которое приехало развлекать нас при дворе. У дракончика были скованные железом крылья и морда, и я так сильно заплакала при виде этого, что мать была вынуждена отослать артистов.

Теперь я старше и понимаю, что самые безобидные, милые существа могут вырасти в крылатых разрушителей, лишенных всякой жалости — как тот, что сейчас направляется прямо к башне, на которой я стою.

Не уверена, почему именно этот черный дракон нацелен на мою башню, если только мое розовое платье, развевающееся на резком весеннем ветру, не действует как маяк, вызов, крик о внимании.

Дракон резко поднимает свою длинную шею и ревет в небо — это крик ярости и приказа. Немедленно остальные драконы отрываются от группы, широко обходя город, чтобы напасть с разных направлений.

Но он не меняет курса. Он летит прямо ко мне.

— Черт, — дрожащим голосом говорит Веррос. — Он прямо на нас летит.

— Только если я не попаду в него первой. — Я сгибаю колени, прицеливаюсь из арбалета и тянусь к спусковому крючку. Он такой огромный, что мне придется использовать всю руку, чтобы выстрелить.

Глубокий, медленный вдох. И еще один выдох.

Целюсь чуть выше, чем нужно, чтобы учесть траекторию дракона.

Что-то гремит справа от меня — это пушка, выстрелившая с другой башни. В воздухе висит горький запах порохового дыма.

Ладони потеют. Черт.

Выравниваю прицел. Еще одно небольшое исправление.

Или сейчас, или никогда, Серилла. Стреляй, черт возьми.

Я дергаю за спусковой крючок.

Железная стрела с громким свистом вылетает из пружины, оглушив меня. Я оказываюсь на земле, отброшенная отдачей, грудная клетка болит. Я забыла отскочить в сторону после выстрела, как показывал капитан Ритчелд. Кажется, уши заложило ватой. Голоса стражников звучат глухо, невнятно, но в голове звенит так громко, что заглушает все остальное.

— Я попала? —голос звучит приглушенно. Покачав головой, чтобы стряхнуть дезориентацию, я встаю и бреду к парапету.

Огромное темное тело взмывает вверх, заполняя мое поле зрения блестящей черной чешуей на брюхе, кинжалообразными когтями и паром, вырывающимся из ноздрей. Над этим длинным, узким рылом сверкают два злобных желтых глаза, впивающихся взглядом в меня.

Когти дракона сжимаются вокруг края башни, ломая камни и раствор. Веррос и Листор кричат. Веррос обстреливает чудовище из ручной пушки, а Листор тычет в его брюхо мечом.

Длинная шея дракона изгибается. Его пасть смыкается на голове и верхней части тела Листора, и он сбрасывает стражника с башни, словно человек стряхивает паука с рукава.

Предсмертный крик Листора пронзает туман в голове и становится первым звуком, который я четко слышу с тех пор, как выстрелила из арбалета.

Дракон снова открывает пасть и бросается на Верроса…

— Нет! — кричу я. — Нет, нет!

Я хватаю копье, прислоненное к боевому зубцу, и бросаюсь вперед, прямо между Верросом и зияющей пастью. Я втыкаю копье в небо дракона с максимально возможной силой. Не думаю, что оно вошло глубоко.

— Ваше Высочество, осторожнее! — кричит Веррос.

— Беги! — воплю я ему.

Солдат спешно спускается по лестнице с башни, и я готовлюсь последовать за ним.

Дракон мотает головой и перекусывает копье, ломая его пополам. Он рычит что-то, что звучит как ругательство, но я не говорю на языке драконов, так что не могу быть уверена.

Я стою на вершине лестницы, ноги – на ступеньках, а руки держатся за каменный парапет с обеих сторон. Дракон смотрит прямо на меня, раздувая ноздри. Из них вырывается дым, доказательство того, что он мог бы сжечь меня одним вздохом.

Но он этого не делает. Вместо этого он поднимает голову, глядя за мою спину.

Я оборачиваюсь, следуя его взгляду, и понимаю с ужасом, что другие драконы на самом деле не сражаются. Они уклоняются от атак стражников, не утруждая себя изрыганием огня или кислоты на солдат. Пушки одного из дирижаблей, парящего над головой, осыпают их пулями и кислотными бомбами, но драконы игнорируют их, устремляясь глубже в город, иногда опускаясь на улицы, прежде чем снова подняться. Каждый дракон, взлетающий в небо, сжимает в когтях кого-то — человека.

Они забирают людей. Зачем? Как пленников? На еду? Для пыток?

Сильный порыв ветра ударяет в меня, когда я цепляюсь за лестницу. Юбки взмывают к бедрам, волосы выбиваются из ленты… а потные руки соскальзывают с камня.

В следующую секунду я лечу назад, при самом неудачном положении я проскочу мимо верхнего яруса стены и разобьюсь на камнях двора внизу. Меня размажет по булыжникам.

На мгновение, сердце замирает, я нахожусь в воздухе, живот сжимается от ужаса, конечности разлетаются в стороны, в голове проносится мое неизбежное падение и смерть…

И вот меня хватают, огромные когти сжимают меня и поднимают высоко в небо, в неясном вихре огромных, бьющих крыльев.

Я даже не могу кричать.

Но черный дракон кричит — пронзительный крик триумфа, зов. Его крылья яростно рассекают воздух, поднимая все выше и выше над моим городом. Я вижу замок, где мать ведет последний бой. Он кажется крошечным, а я болтаюсь высоко над ним, зажатая в клетке когтей дракона, обхвативших мое тело и ноги.

И вот тогда я кричу. Но крик тонок и слаб здесь, в этом необъятном воздухе и солнечном свете. Это как крик кролика в когтях могучего орла.

— Отпусти меня! — кричу я.

И глубокий голос отвечает:

— Как пожелаешь.

Когти раскрываются, и я падаю.

Я лечу к земле, платье и волосы развеваются на ветру. Слезы струятся по лицу. Я не могу дышать.

Тень дракона проносится надо мной, и его когти вновь аккуратно выхватывают меня из объятий гравитации, снова удерживая.

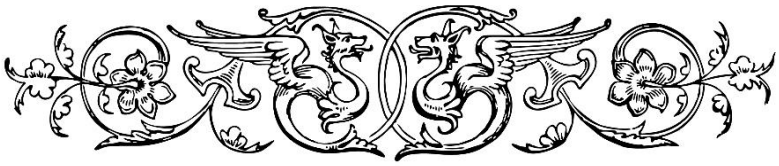
— В следующий раз, когда будешь просить о свободе, выражайся точнее. — Его голос эхом разносится сквозь темные кости этих когтей, проникая в мое тело. Это пугает — глубина его голоса. Ичто он говорит на Эвента. И что это существо играло со мной, как с добычей.

— Ты, должно быть, не знаешь, кто я, — выдыхаю я. Не уверена, что стоит ему говорить, но, возможно, это даст мне либо быструю смерть, либо ценность в качестве заложницы.

— Я прекрасно знаю, кто ты, — отвечает он. — Смешной наряд, более легкомысленный, чем у других людей, — золотые украшения, свисающие с твоих ушей и шеи, раздутое чувство собственной важности и умений, — а этот солдат назвал тебя «Ваше Высочество». Ты — наследная принцесса Элекстана, единственная дочь королевы. Но с сегодняшнего дня этот титул ничего не значит. Теперь твой единственный титул — «пленница», и твое место — в моем гнезде. Твоя воля, твое будущее и твое тело принадлежат мне.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

3. Киреаган



Мордесса.

Гриммав.

Вилар.

Элегрин.

Эштерел.

Нирeза.

И еще десятки других.

Я повторяю имена павших, пока лечу вместе с другими самцами к Уроскелле, самому большому архипелагу скалистых островов, которые наш род называет домом уже тысячелетия.

Я уже знаю, что мы там найдем. Немногочисленных самцов, которых мы оставили, оплакивающих скелеты остальных самок. Все они — мертвы.

По крайней мере, для тех, кто умер на Уроскелле, можно провести церемонию погребения. Но мое сердце болит за тела любимых драконов, лежащих в городе Гилхорн.

Моя бабушка, моя сестра, моя Нареченная… все они мертвы.

Когда умер отец, я заключил пакт с братом и сестрой, что, хотя я первым пробил скорлупу яйца, я не стану новым Королем Костей. Вместо этого мы будем править втроем: два принца и принцесса. Мы будем следить друг за другом, уравновешивать и поддерживать друг друга, под руководством Гриммав, чья вековая мудрость намного превосходила нашу.

Теперь одна часть нашей семейной троицы исчезла, и остались только Варекс и я.

Низкий стон вырывается из моей груди при мысли о Вилар, пронзенной этой башней. Когда солнце взошло этим утром, ее тело должно было рассыпаться в прах, который развеялся ветром, оставив после себя только кости. Мы — существа неба и огня, и когда наш огонь угасает, мы возвращаемся в воздух.

Мне следовало остаться и собрать кости Вилар, Мордессы и Гриммав. Но я был слишком поглощен своим планом, слишком отчаянно стремился воплотить его, прежде чем успел бы передумать. Я убеждал себя и других воинов, что это идеальное решение, высшая месть.

Я поступил правильно. Похитив дочерей наших врагов, мы отправили послание Элекстану, что магический геноцид их Верховного Колдуна не остался без ответа. Мой клан отомщен.

Но никакие хрупкие человеческие самки не смогут заменить славных воительниц, сильных матерей и прекрасных спутниц, которых мы потеряли.

Я снова стону, громче. Ответные стоны скорби раздаются от ближайших драконов.

— Я понимаю, что ты расстроен, — чирикает маленькая человеческая девочка в моих когтях. — Правда ли, что колдун моей матери наложил заклинание, убившее многих драконов?

— Он убил всех самок-драконов, повсюду, — я сжимаю когти сильнее, пока она не вскрикивает.

— Значит, ты зол, — ее голос теперь напряжен, в нем появилась нотка ужаса. — Ты страдаешь. Я понимаю это. Но съев меня тебе не станет лучше.

— Почему я должен есть такого тощего маленького червяка, как ты? На твоих костях едва ли есть мясо. Ты, наверное, отвратительна на вкус. Изнеженная маленькая пьяница с перенасыщенной духами кожей и слишком большим количеством волос.

— Я не пьяница, я нанесла только немного духов, и у меня как раз столько волос, сколько нужно.

— Человеческие волосы странные. Если бы это была шерсть, или мех, или кожа, это было бы более логичным, но они просто растут на верхушке ваших голов безо всякой причины.

— Они растут и в других местах тоже, — упрямо отвечает она.

— В каких местах?

— Ну, у мужчин бывают бороды — ты же наверняка это замечал. А еще есть... другие места... которые тебя не касаются, и почему я вообще это обсуждаю с тобой? Мы что, летим над океаном? О, нет... Поставь меня на землю, ты, большая уродливая ящерица, или я клянусь…

— Или что? — отвечаю я. — Что ты сделаешь? Что мягкий маленький слизняк вроде тебя может сделать дракону?

— Я могу сделать твою жизнь невыносимой.

Грубый смех вырывается из моего горла.

— Моя жизнь уже невыносима.

Она замолкает на несколько благословенных мгновений, а затем говорит:

— Мне жаль, что это произошло. Я не была причиной этого и не знала, что моя мать и Верховный Колдун замышляли нечто столь ужасное. Если бы у меня была хоть какая-то власть, или право голоса, я бы остановила их. Я бы остановила всю эту войну, еще несколько месяцев назад.

— Но ты не сделала этого.

— Потому что не могла.

— У Принцессы не было права голоса в делах королевства?

— Нет.

— Это попахивает ленью с твоей стороны.

— Черта с два! — она дергается в моих когтях. — Ты ничего не знаешь о моих отношениях с матерью или о моей стране. И я не вижу, чего ты добьешься, похитив меня или кого-либо еще. Мать скоро будет мертва или в тюрьме, и некому будет заплатить за меня выкуп, так что, если ты не собираешься меня съесть или убить, лучше бы ты меня отпустил.

Я продолжаю лететь, крылья медленно и ровно разрезают воздух. Другие драконы держатся неподалеку, каждый парит на определенном расстоянии. Интересно, столь же болтливы ли их пленницы, как моя. Кажется, моему брату Варексу трудно удерживать свою пленницу.

Этот мой план был импульсивным, но я уверен, он сработает. Должен.

Мы уже скользим над морем. Темная вода с белыми пятнами пены колышется внизу, а небо над нами пылает красками. Разорванные облака светятся янтарным, розовым и золотым. Мне нравится думать, что сами небеса воздают честь павшим...

— Я голодна.

Чертовы люди. Я проигнорировал ее замечание и расширил ноздри, вдыхая соленый вечерний воздух. Величие неба не может не...

— Я голодна.

— Тебе придется подождать.

— Но я умираю от голода. Я не ела с завтрака, и это был всего лишь кусок фрукта и маленький ломтик сыра. Я пекла весь день и часть утра, готовила пироги для раненых солдат, поэтому пропустила обед, и я так голодна, что мне плохо. Мы не можем развернуться и вернуться? Может, я найду ягоды или стащу пирог с чьего-нибудь подоконника... люди ведь так делают? Оставляют свои пироги на подоконниках, чтобы они остыли? Я видела такую картинку в сказке однажды... Ты знаешь, что такое сказка? Ты когда-нибудь читал книгу? Конечно, нет, потому что драконы не умеют читать...

Я издаю низкий рык и снова сжимаю когти. Девушка задыхается от боли, но продолжает говорить.

— Послушай, я не знаю, что ты планируешь со мной сделать, но если я умру от голода, прежде чем ты этого добьешься, это разочарует нас обоих. Мне нужна еда, и она нужна мне сейчас.

— Я накормлю тебя, когда мы доберемся до места назначения. Люди не умирают от голода за несколько часов без пищи. — Я сказал это уверенно, но на самом деле плохо разбирался в привычках и уходе за людьми. Придется кое-что изучить, когда мы прибудем в Уроскелле. Возможно, один из старейшин...

— Куда мы летим? Какая у вас там еда?

— Клянусь костями моих предков, неужели мне так и не дадут закончить мысль? — Я ответил, сдерживая раздражение. — У нас есть мясо, ягоды, овощи. Иногда рыба.

— У вас есть чай?

— Что, черт возьми, такое чай?

— Это напиток. Я его очень люблю. Выпиваю по несколько чашек в день. Легкий фруктовый чай за завтраком, более темный и крепкий утром, холодный сладкий чай на обед, пряный чай с медом после полудня и травяной сбор, чтобы успокоиться перед сном. Последнюю чашку пью с каплей молока.

— Но... что это вообще такое?

— Это горячая вода, настоянная на разных листьях, в зависимости от вкуса и свойств, которые ты хочешь получить.

Горячая вода... с листьями.

Я начинаю сожалеть о своем выборе человека. Глубоко сожалею. Если бы я мог вернуться назад и схватить другую, я бы это сделал. Почему я выбрал эту пушистую розовую девочку с башни, а не нормальную крестьянку в простой одежде и с толикой здравого смысла?

Я бросил взгляд на Варекса и с изумлением увидел, как его женщина карабкается по его передней лапе. Она каким-то образом умудрилась забраться ему на плечо и сесть верхом на его шею. Варекс предложил ей это, или она сама додумалась? Ее рыжие волосы развевались, пока они летели, и даже когда Варекс делал пару резких виражей и спусков, она оставалась прочно сидящей на его спине.

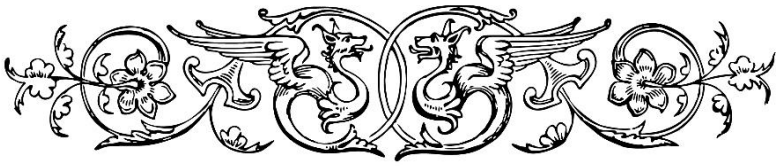
— Я хочу пить, — пожаловалась принцесса.

Я с трудом сдержал стон.

Полет до Уроскелле никогда не казался таким долгим.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

4. Серилла



Темно, когда мы приземляемся. Из-за клочьев облаков, разбросанных по ночному небу, почти нет ни света звезд, ни света луны. Похоже, драконы видят в темноте; они не нуждаются в источниках света. Все, что я могу разглядеть в нашем месте назначения, — это огромную, громоздкую гору.

Черный дракон влетает в каменный тоннель. Холодный ветер пронзает его крылья и обдувает мое лицо. Мы вырываемся в открытое пространство, но лишь на секунду, а затем начинаем петлять между каменными столпами, темные колонны мелькают по обе стороны с захватывающей дух скоростью, и я так уверена, что мы врежемся в одну из них, что едва не кричу. Он взмывает вверх, почти касаясь отвесной скалы, пока не достигает вершины. Затем устремляется в пещеру и, пролетев немного внутрь, роняет меня.

Я резко вдыхаю, ожидая болезненного падения на каменный пол, но вместо этого приземляюсь на толстый слой мягкой, пушистой травы. Или на что-то похожее на нее. Все вокруг погружено в глубокую, чернильную темноту, за исключением округлого входа в пещеру, светящегося более светлым, меловым оттенком черного, словно окно в ночь.

Я слышу, как дракон приземляется, его когти скребут по камню, крылья хлопают в темноте. Он выдыхает, и на мгновение пещера освещается его раскаленным воздухом. Вокруг меня — каменные стены, покрытые символами, и я лежу в гигантском гнезде.

Когда огонь в его дыхании угасает, единственный свет исходит от слабого мерцания двух желтых глаз дракона — недостаточно ярких, чтобы что-то осветить, но достаточно, чтобы я поняла, что он смотрит на меня.

— Я уйду на большую часть ночи, — говорит он. — Как принц Уроскелле, я должен навестить скорбящих и принять дань из костей от мертвых. После этого я принесу тебе еду, и мы поговорим о твоем предназначении здесь. А пока спи. Не покидай гнездо.

С порывом крыльев и раскаленным дыханием он уносится из пещеры.

Кости ломит, и каждая точка, где его когти касались меня, болит. Утром я буду покрыта синяками. Но не боль не дает мне уснуть. Меня терзают его слова, которые он произнес сразу после того, как схватил меня.

— Отныне твой единственный титул — «пленница», и твое единственное место — в моем гнезде. Твоя воля, твое будущее и твое тело принадлежат мне.

Однажды, когда я была слишком мала, чтобы слышать подобное, я услышала историю о драконе, обезумевшем и изгнанном из своего клана, который похищал человеческих женщин и насиловал их, пока они не умирали от травм. Даже тогда я понимала, что он был исключением, а не монстром, по которому можно судить обо всех драконах. На самом деле, до тех пор, пока драконы не объединились с Ворейном и не начали убивать мой народ, они меня скорее восхищали.

Но во время войны я увидела их истинную природу. Их жестокость. И теперь я могу представить, как они мстят самыми ужасными способами.

Именно поэтому, пока дракон нес меня, я продумала стратегию. Я стану самой надоедливой пленницей, которая когда-либо была у дракона. Я буду раздражать своего похитителя день и ночь. Я буду критиковать, требовать, ныть и жаловаться, пока мысль о том, чтобы желать меня, станет для него последней мыслью в голове. Я сведу его с ума, пока он не освободит меня или не убьет.

Таким образом, я избегу страданий, быть изнасилованной до смерти его огромным, шипастым драконьим членом.

Если быть честной, я никогда не видела драконьих гениталий. Самцы держат свое хозяйство спрятанным и показывают его только чтобы помочиться или для размножения. Но я слышала, что драконьи члены — это колючие, шипастые, зубастые чудовища всех возможных форм и размеров. Самки драконов, вероятно, крепки внутри и могут выдержать такую грубую вязку, но человеческие гениталии разорвутся мгновенно.

Я полна решимости не допустить этого. Но что насчет остальных женщин, которых забрали? Я видела их издалека, пока мы летели; мне даже показалось, что я узнала пару из них. Спасая свою жизнь я должна думать и о них. В конце концов, их плен — вина моей матери. Моей проклятой матери и ее Верховного Колдуна.

Я точно не смогу уснуть. Ни с этими синяками, ни в этом платье, ни с урчащим желудком и безумными мыслями, ни с этой травой, которая шуршит каждый раз, когда я хоть немного двигаюсь. Но я могу попытаться устроиться поудобнее.

Сначала я снимаю свои туфельки и чулки. Затем расстегиваю жесткий кринолин и верхнюю юбку. Это было нелепое платье для похода в госпиталь, но мать велела служанкам его мне подготовить, и я не привыкла отказывать ей в мелочах. Я научилась, что если хочу сказать ей «нет», сначала нужно заработать на это право - заслужить одно «нет» тысячей маленьких «да».

Без кринолина мне намного комфортнее. Я расстилаю шелковую юбку на своем месте отдыха, надеясь, что она сделает траву менее шумной.

Глаза едва привыкли к темноте, и я не рискую выбираться из гнезда в поисках пути к бегству. В любом случае, я подозреваю, что выхода нет — только отвесная скала, уходящая вниз прямо от входа в пещеру.

Когда я снова устраиваюсь поудобнее, то понимаю, мне нужно в туалет. Здесь, конечно, нет уборной, но это меня не останавливает. Мой план — стать неприятной для дракона, и неприятной я буду. Так как мне не хочется лежать в собственной моче часами, я ползу к дальнему краю гнезда и справляю нужду на траву. Уверена, что у него острый нюх, и он обязательно почувствует запах.

Я возвращаюсь на место и устраиваюсь, размышляя о всех способах, как могу его разозлить. Я буду повышать голос, бесконечно ныть, петь самые однообразные песни, какие знаю. И никогда не прекращу попытки сбежать. Никогда.

Сколько бы я ни старалась сосредоточить мысли на плане, они все равно возвращаются к судьбе моего королевства, моего народа. Моим телохранителям, таким родным, словно братья. Моим служанкам, которые рассказывали мне самые пикантные сплетни и шептали вещи, которые моя мать не хотела, чтобы я знала. Дворцовым поварам, прачкам, мастерам по ремонту и садовникам, которые делились со мной своими умениями и знаниями всякий раз, когда я спрашивала, и были так рады, что я замечаю и ценю их труд. Веселым герцогам и красивым лордам, которые всегда умели заставить меня смеяться на праздниках.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Так давно не было праздника. Последний был на мой двадцать третий день рождения. Позже я узнала, что мать конфисковала весь запас сахара одной деревни, чтобы создать тот огромный торт, которым мы наслаждались той ночью. Я не знала. Не понимала, насколько все было плохо. Когда узнала, мне стало дурно и стыдно за то, что я съела два куска того торта. Я пыталась поговорить с матерью об этом, но она не захотела меня видеть. Слишком занята, сказал ее управляющий.

Двадцать три года, а королева все еще обращалась со мной, как с подкидышем, а не с собственной дочерью. Но я ее, в этом нет сомнений. Мне бесчисленное количество раз рассказывали эту историю — как у нее начались роды во время заседания суда. Она отправила всех из тронного зала, родила меня прямо там, в окружении слуг и стражи, и отдала меня кормилице, пока сама поправляла юбки и возобновляла разбор дел. «Все правда,» — сказал придворный врач, когда я спросила его об этом. — «Женщина из льда и стали.» Затем он нервно оглянулся, словно боясь, что его слова могли подслушать.

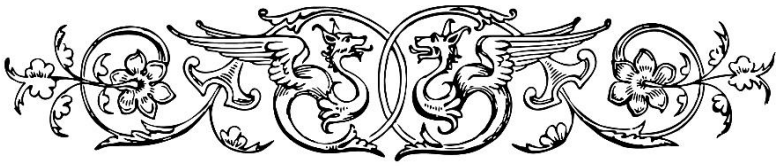
Женщина из льда и стали. Эта фраза прочно засела у меня в голове, и именно так я всегда ее и представляю. Высокая и величественная, с тонкими губами и выразительными скулами. Ее глаза сверкающие, как кинжалы. Черные волосы, пронизанные серебристыми прядями. Я больше похожа на отца, а не на нее. Она никогда не говорила мне, кто он. Наверное, какой-нибудь крестьянин или стражник, с которым она переспала по прихоти, не позаботившись о последствиях. Пожалуй, мне повезло, что она решила не прерывать беременность с помощью магии или трав.

Раньше я гадала, пытался ли отец когда-нибудь найти меня — возможно, она убила его или заточила в тюрьму, чтобы держать его подальше. Я бы не удивилась, если бы это было так.

Где бы моя мать ни находилась сейчас, сомневаюсь, что она думает обо мне. Так что я решительно выкидываю ее из головы. Слезы, что текут из глаз, не для нее, а для людей во дворце, тех, кто воспитывал меня и любил, когда она не могла уделить мне времени.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

5. Киреаган



Горе — это отсутствие покоя.

Горе не даёт передышки, не оставляет ни мгновения для облегчения. Оно гложет сердце, бесконечная ноющая боль с редкими уколами острых зубов.

Самая длинная ночь. Я уже посетил множество семей, охваченных утратой, и шнурок на моей шее отяжелел от костных подношений. Когда я доберусь до своей пещеры, сниму этот шнурок и положу его в сухое место, пока не вырежу крюк, на который смогу его повесить.

Каждая кость — от одного из драконов, которых мы потеряли. Некоторые семьи отдали мне зуб, другие — коготь, кусок позвоночника или палец. На каждом подношении вырезаны символы на драконьем языке с именем погибшего. Семьи оставляют себе несколько костей. Кто-то носит реликвии, кто-то выставляет их в своих пещерах.

Варекс летит рядом со мной по пути к следующей пещере. Как принц равного ранга, он тоже мог бы попросить костное подношение, но предоставил эту честь мне.

В течение следующих нескольких недель мой клан разместит оставшиеся кости павших на равнинах острова, создавая дорожки и спирали, узоры, которые мы сможем видеть с неба. Со временем кости осядут в землю, трава покроет их, и мы обретём покой.

— Семья Мордессы — последняя, — шепчет Варекс.

У моей Наречённой было два отца — Ардун и Ианет. Они объединились десятилетия назад и удочерили Мордессу после того, как её родители погибли при обвале. С тех пор Мордесса стала их любимой дочерью, их гордостью и радостью.

— У меня нет её кости, чтобы отдать отцам. — Мой голос охрип от стенаний, которые я разделял с другими семьями. — Я совершил ужасную ошибку, Варекс. Нам следовало остаться в Гилхорне до рассвета и собрать кости павших. Я был слишком поспешен в своём стремлении к мести.

— Мы должны были захватить столицу внезапно, — отвечает он.

— Нет, мы могли бы подождать и напасть с армией. Мы могли бы захватить женщин позже, после того, как город пал бы.

— Король Ворейна мог и не отдать нам женщин, — замечает Варекс. — Такое подношение не входило в наш договор с ним. Мы договорились, что обеспечим его победу над Элекстаном, а он взамен отдаст нам острова Мерринволд.

— По крайней мере, нам следовало остаться и убедиться, что столица Элекстана пала, прежде чем мы отправились домой. Мы оставили последнее сражение.

— Победа Ворейна была неизбежной, — уверяет меня Варекс. — Наш клан выиграл войну для короля Рахзиена. Договор был выполнен.

Технически мы действительно выполнили договор. Но мне следовало остаться для последнего разговора с королём, лицом к лицу, чтобы подтвердить победу и закрепить наше право на острова, которые он обещал. Вместо этого я отправил ему свой план через одного из его командиров и не стал дожидаться ответа.

Нам нужны эти острова. Они богаты пастбищами, полны диких свиней, оленей и коз. Несколько месяцев назад странная болезнь пронеслась по Уроскелле и соседним островам. Она убила нескольких драконов, включая моего отца, и опустошила запасы животных.

С тех пор дичи стало меньше, её едва хватает для прокорма существующих старейшин и первенцев, особенно учитывая растущее число болотных волков, которые прячутся в узких трещинах гор, куда драконы не могут добраться. И логова воратрисов тоже забирают добычу — больше, чем мы можем себе позволить. Как только появятся новые дракончики, мы столкнёмся с угрозой голода. Нам необходимы острова Мерринволд как новые охотничьи угодья.

Мы могли захватить острова силой или охотиться там без разрешения. Но это не наш путь. Когда отец пал от чумы, он уже заключил сделку с Ворейном и заставил меня поклясться, что я буду соблюдать договор. Я дал ему свою костяную клятву — самое священное обещание среди нас. Если костяная клятва нарушена, дракон, нарушивший её, теряет своё пламя навсегда.

И так, во имя Костяного Короля, я возглавил бойню бесчисленного количества людей.

Но люди восстановятся быстро. Они размножаются почти ежедневно и порождают множество потомства. Нашему роду не так повезло.

— Ты оставил свою женщину в пещере? — спрашивает Варекс.

Я был так погружён в свои мысли, что его вопрос застал меня врасплох.

— Я… да.

— Некоторые из других самцов собрали своих женщин в той старой пещере, где мы раньше держали стада. Ты знаешь её — у подножия Свистящего Пика. Роткури подумал, что им будет комфортнее на земле.

— Там они будут более уязвимы для волков.

— Забор всё ещё цел. К тому же, Госрик там на страже.

— И на Госрика можно положиться? — фыркаю я. — Возможно, тебе стоит пойти и проверить их.

— Я так и сделаю, после того как мы навестим Ардуна и Ианета. А затем мне нужно будет присмотреть за своей собственностью. Она… упряма.

— Я видел, как она каталась на тебе?

Варекс рычит.

— Да.

— Похоже, ты и я выбрали самых беспокойных женщин из всех, — сухо усмехаюсь я. Это ощущается неправильно, как предательство. В горле становится тяжело от чувства вины, словно там образовался камень.

Впереди я вижу остроконечный вход в пещеру Ардуна и Ианета. Через мгновение мне придётся встретиться с ними. И мне придётся встретиться с утратой моей Наречённой.

Я не готов.

Она здесь, в моей памяти, с этими великолепными жёлтыми крыльями, каждая чешуйка словно сияющая монета. Ярче меня, больше меня, и всё же она выбрала меня, любила меня, а я…

Недостоин. Это слово отдается в голове, проходит сквозь кости. Я был недостоин её любви. Я недостоин отомстить за неё, недостоин нести эту ужасную весть её отцам.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Сердце грохочет в теле, словно могучие волны ударяются о гору. Огненная жидкость в животе, источник моего пламени, бурлит и кипит, пока давление не становится невыносимым… мне кажется, я взорвусь. Лёгкие сжимаются, и, хотя я вытягиваю шею, стараясь сделать глубокий вдох, у меня не выходит. Думаю, что умираю. Пламя прорвётся из горла, ужасное и неконтролируемое, а затем сердце разорвётся. Оно никогда не билось так быстро, даже в битве. Оно не выдержит такой скорости долго.

Я резко поворачиваю в сторону и приземляюсь на каменистый склон крутой горы. Я цепляюсь за поверхность, выдыхая прерывисто, дыхание окрашено оранжевым огнём.

Варекс приземляется рядом со мной, его янтарные глаза полны беспокойства.

— Брат.

— Минута, — выдыхаю я. — Мне нужен минута.

Это глупость. Это слабость. Мне нужно успокоиться, успокоиться, чёрт возьми, успокоиться!

— Я здесь, — тихо говорит Варекс. — Я всё ещё здесь. Ты и я — мы всё ещё сильны.

Я выплёвываю комок жидкого пламени. Оно не вспыхивает и не взмывает в яростном огне, как обычно — вместо этого оно стекает с моих челюстей на камни, плавя их.

— Дыши, Киреаган, — настойчиво говорит Варекс. — Медленно. Один долгий вдох, полностью.

— Я стараюсь.

— Ты сможешь это сделать.

Его уверенный голос проникает сквозь мои чешуйки, и мне удаётся ослабить напряжение. Сердце замедляется, и я могу сделать один полный, глубокий вдох.

Крылья разрывают ночной воздух над нами, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как Эшвелон и Фортуникс снижаются. Фортуникс не сопровождал нас на войну на материке. Он старше Гриммав, ему сто двадцать пять лет. Если он переживёт ещё двадцать пять, его жизнь закончится сразу после следующего сезона спаривания. Ни один дракон не живёт дольше ста пятидесяти лет.

— Мои Принцы, — говорит Эшвелон, изящно приземляясь на выступ чуть выше по склону. Фортуникс усаживается рядом с ним и складывает свои огромные покрытые шрамами крылья. Он пережил трудное время сорок лет назад, когда люди Элекстана сочли забавным охотиться на драконов ради развлечения. Полагаю, эта тёмная история между нашими расами оправдала контракт с Ворейном в глазах моего отца. Враг нашего врага может считаться союзником.

Присутствие этих двух воинов — одновременно утешение и вызов. Я — их повелитель, и не должен выглядеть слабым, поэтому изо всех сил стараюсь взять дыхание под контроль.

— Я продолжаю собирать костные подношения, — сообщаю я им. — Эшвелон, как идёт дело с твоей женщиной?

Он обменялся встревоженным взглядом с Фортуниксом.

— Я только что говорил Фортуниксу, что… я… уронил её.

— Ты что? — восклицает Варекс.

— Она выскользнула из моих лап. Я не успел её поймать, и она исчезла, унесённая морем. Было темно… я не видел её нигде. Я подвёл вас, мой лорд. И я… я убил её. — Он склоняет рогатую голову.

— Ты не подвёл меня, — успокаиваю я его. — И её потеря не имеет большого значения в такое время. Запиши её в счёт тех потерь, что мы уже пережили, и не терзай себя. У меня есть для тебя другое задание, и я надеюсь, что его ты выполнишь с большей осторожностью. Мне нужно, чтобы ты нашёл чародейку Телизу, дочь Верховного Колдуна Элекстана, и доставил её в Уроскелле.

— И, возможно, немного припасов, — сухо добавляет Фортуникс. — Ты привёз сюда много человеческих женщин, но не имеешь ничего, чтобы заботиться о них.

— Потому что я намерен заставить чародейку превратить всех их в самок драконов.

— Да. Эшвелон рассказал мне о твоём плане. — Фортуникс издал звук, почти похожий на фырканье. Если бы он был моложе, я бы ответил на такое неуважение вызовом, но он — старейшина, поэтому я позволяю это и игнорирую.

— Мой план основан на фактах, — говорю я ему. — Роткури сказал мне, что Хинаракс сказал ему, что он слышал от солдата Ворейна, что Телиза способна превращать стада овец в кроликов или кур в крыс. Кузен солдата был этому свидетелем. Целый вид, превращённый в другой. Она сможет сделать это для нас. Эшвелон, проследи, чтобы у неё было всё необходимое для заклинания.

— Эшвелону нужен спутник для этой миссии, — говорит Фортуникс. — Я отправлюсь с ним.

— Ты? — удивлённо переспрашивает Варекс. — Но ты же так… — Он осекается и кашляет. — Я имею в виду… ты не участвовал с нами в войне.

— Потому что я внёс свою лепту в сражения, — резко отвечает Фортуникс, бросая на него острый взгляд. — А не потому, что я слаб и немощен. Я вполне способен долететь до материка и помочь Эшвелону нести припасы. Или, возможно, я сам понесу чародейку, раз наш друг Эш, кажется, не слишком надёжно держит добычу в когтях. — Он слегка подталкивает Эшвелона краем крыла.

— Я был бы рад твоей компании, — тихо отвечает Эшвелон.

— Мы отправимся на рассвете, но перед отъездом, принцы, не хотите ли, чтобы я объяснил вам, как правильно ухаживать за человеческими женщинами и чем их кормить?

— Ты когда-нибудь заботился о такой? — спрашиваю я.

— Не совсем, но у меня больше опыта с людьми, чем у вас обоих.

В его манере есть что-то раздражающее. Возможно, я переутомлён, терпение истончено горем, но последнее, чего я хочу, — это цепляться за этот склон и слушать, как Фортуникс разглагольствует о привычках людей.

— Мы союзники с людьми уже несколько недель, — говорю я. — Думаю, мы сумеем понять, как поддерживать их в живых. И все мы более или менее бегло говорим на общем языке, так что они смогут сказать нам, что им нужно.

— О, они точно скажут тебе, — усмехается Фортуникс. — Люди — требовательные и наглые создания. Ладно, мои принцы. Пойдёмте готовиться к путешествию. — Он поднимается и взмывает в воздух, немного паря, прежде чем, приложив усилия, взлететь с помощью мощных взмахов крыльев.

Эшвелон уже собирается взлететь следом за ним, но я быстро говорю:

— Эш… принеси что-нибудь для чая.

Он наклоняет голову, сбитый с толку.

— Что-нибудь для чая? Что это значит?

— Откуда мне знать? Спроси чародейку, что потребуется.

— Как пожелаете, мой принц. — Он наклоняет голову в знак уважения и взлетает.

Мы с братом застываем в темноте, не двигаясь. Моё ночное зрение не так хорошо, как у него, но я могу определить по напряжению его челюстей и углу шейных шипов, что он тоже страдает. У него не было Наречённой, но он, как и я, потерял Гриммав. И мы оба потеряли Вилар. Эта утрата бьёт сильнее. Двадцать пять лет мы трое были неразлучны.

— Помню, как вылупилась Вилар, — тихо говорю я. — Я уже был вне яйца целый день и считал себя экспертом в окружающем мире. Но когда она вышла, она пролезла дальше, расправила крылья шире и кричала громче, чем я. Она всегда была самой умной и быстрой среди нас. Наши родители были в восторге от того, что стали свидетелями нашего вылупления. Их первое спаривание не принесло яиц, и они не могли поверить в свою удачу, когда после второго сезона в гнезде оказалось три яйца. После того как появились я и Вилар, все ждали твоего появления.

— А я опоздал. Как обычно, — голос Варекса дрожит от волнения.

— Да, ты опоздал. На несколько недель. Родители думали, что ты умер в яйце, и были готовы отнести тебя в море, но Вилар обвила твое яйцо крошечными крыльями и не позволила им забрать тебя. К тому моменту она уже выучила несколько слов и всё время говорила: «Моё. Моё». Так что тебя оставили в гнезде, и в конце концов ты вылупился.

Варекс издаёт хриплый звук, его плечи дрожат. Он запрокидывает голову и выпускает свою магию — огромную сферу пустоты, окантованную фиолетовыми молниями. Это небезопасно — выпускать такое большое заклинание здесь, но я не укоряю его. Я вцепляюсь в скалу изо всех сил, пока сфера пустоты не схлопывается сама в себя, и её всасывающее притяжение исчезает. Как драконы, мы защищены от собственного огня и в основном устойчивы к магии друг друга, но магия пустоты Варекса — опасное исключение.

— Нам пора. Я готов, насколько это возможно. — Я отрываюсь от склона и раскрываю крылья, ловлю порыв ветра и ухожу в планирование. Варекс следует за мной в сторону пещеры семьи Мордессы.

К этому моменту Ардун и Ианет уже знают, что их дочь мертва. Они слышали траурные возгласы членов клана и понимают, что случилось что-то ужасное. Мне предстоит объяснить детали и предложить то утешение, которое я могу.

Другие родственники павших в Гилхорне понимали, почему я не принес кость каждого погибшего дракона. Они были разочарованы, но смирились. Мне остаётся лишь надеяться, что отцы моей Наречённой поймут это так же.

Мы приземляемся на выступ их пещеры. Шесть кубических дайр-камней светятся вдоль пола, озаряя пространство. Дайр-камни находят в самых глубоких пещерах острова. Когда их разогревают драконьим пламенем, они ярко светятся в течение нескольких часов, после чего их нужно разогревать снова. Каждая семья обладает такими камнями для освещения, так как качество ночного зрения у драконов варьируется. В ночи траура или праздника скалы усеяны красновато-золотистым светом десятков дайр-камней.

Внутри пещеры Ианет и Ардун сидят рядом, их плечи плотно прижаты друг к другу. Обоим самцам по семьдесят пять лет, это первенцы, полные мудрости и силы, но

Ардун потерял зрение в ужасной схватке с воритром. Ему повезло выжить, и с тех пор Ианет стал его глазами. Ни один из них не смог сопровождать нас на войну, но они послали вместо себя свою могучую дочь. И теперь они ждут, что я скажу те слова, которые я никогда не думал, что придётся произнести.

— С глубочайшей скорбью я должен сообщить вам… Мордесса пала, и её дух вознёсся, — я борюсь, чтобы удержать голос ровным и спокойным. — Она ушла в окружении великих драконов, среди которых были моя бабушка и моя сестра.

— Как? — хрипит Ардун. — Ты клялся, что наша армия могущественна, что у людей нет сил противостоять нам. Ты говорил, что риск минимален, что их кислотные бомбы слабы, дирижабли хрупки, а арбалеты неточны. Что произошло?

Я раскрываю челюсти, но не могу вымолвить ни слова.

Варекс выходит вперёд.

— Когда Верховный Колдун Элекстана увидел, что его народ одолеют, он наложил проклятие, более ужасное, чем любое заклинание, когда-либо сотворённое в этом мире. Он умер, сотворив его, и унес с собой всех самок драконов. Никто не мог знать, что такое возможно.

— Вы верите, что Ворейнцы, ваши союзники, не знали о такой магии? — произносит Ардун

— Если бы они знали, думаю, они бы предупредили нас, — отвечает Варекс. — И сами были бы осторожнее, чтобы не оказаться под действием его заклятия.

— Убить тысячи людей было бы намного труднее, чем проклясть несколько десятков драконов, — медленно и вдумчиво говорит Ианет. — Но не стоит думать о том, что могло бы быть, лишь о том, что есть. Мы разделяем вашу скорбь по поводу утраты Гриммав и Вилар, мои принцы.

— И я разделяю вашу скорбь по утрате Мордессы, — отвечаю я. Её имя звучит чуждо у меня на зубах — уже не имя живого существа, а лишь тень воспоминания.

— Она была рада быть твоей Наречённой, — говорит Ианет. — Она говорила о тебе всё время. Она говорила, что счастлива найти такую любовь — любовь, как у меня и Ардуна. — Его скорбный взгляд встречается с моим. — И ты любил её искренне, я уверен. Ты принёс кость-подношение?

Вот тот момент, которого я страшился.

— Мы не могли ждать рассвета в ночь битвы. Мы должны были быстро лететь к столице, прежде чем силы Элекстана успеют перегруппироваться и приготовиться к нашему прибытию. Ворейнская армия немедленно двинулась из Гилхорна, а мы полетели вперёд.

— Ты не взял для нас кость, — голос Ардуна дрожит. Его бледные, изуродованные шрамами глаза лишены зрения, но в них, кажется, ещё больше скорби и гнева, чем в глазах Ианета. — Ты взял её для себя?

— Нет.

— Ты был её Наречённым, — он трясётся, и его голос поднимается. — Ты не дождался её гибели?

— Я видел, как её дух уходит, Ардун, но мы должны были уйти. Нам нужно было найти способ отомстить, способ спасти наш род.

— Я слышал, — огрызается он. — Я слышал, что вы все вернулись с человеческими женщинами. Будто эти ничтожные создания могут заменить тех, кого мы потеряли.

— Не заменить, нет, — сжимаю зубы я. — Но мы должны были что-то сделать. Мы не можем пережить сезон спаривания без самок.

— Ианет и я пережили сезоны спаривания без самок, — парирует Ардун.

— Да, потому что вы рождены, чтобы процветать вместе. Но большинству из нас нужна энергия брачного безумия, надежда, которую приносит новое поколение, радость сезона вылупления. Это питает нашу силу, укрепляет наши тела, связывает нас вместе как клан. Наше число уже меньше обычного из-за чумы и войны. Что если придёт новая чума или новая война? Если мы подождём двадцать пять лет до следующего сезона спаривания, нас может остаться слишком мало, чтобы вновь заселить Уроскелле.

Невольно я позволил голосу окрепнуть и набрать силу, и он раскатисто пронёсся по пещере и за её пределы.

— Брат. — Варекс касается носом моей шеи. Это знак подчинения, сочувствия и предупреждения.

Он прав. Я должен владеть собой. Я пришёл сюда, чтобы оплакать утрату вместе с отцами моей Наречённой, а вместо этого обрушился на них, будто они – враги. Оба дракона сидят, стиснув челюсти, гордые и молчаливые.

— Простите меня, — говорю я. — Я долго был вдали от дома, и это не то возвращение, на которое я надеялся. Я позволил собственной скорби и гневу затмить вашу утрату, это не было моим намерением. Простите за отсутствие кости-подношения, прошу вас.

— Я мог бы это пережить, — говорит Ардун, — зная, что её кости не украсят зелёные поля под безоблачным небом, но чтобы ничего… — его голос прерывается.

— Мне жаль, — выдавливаю я. — Если это хоть немного поможет, помните, что у меня тоже ничего нет. Ничего от моей сестры, или Гриммав. Ни от кого из них.

Я выхожу из пещеры и вырываюсь в ночь, поднимаясь как можно выше и быстрее, несмотря на встречный ветер. Я взмываю всё выше, пока дыхание не перехватывает, крылья не занывают, и звёзды не окружают меня, словно блестящий лес. Меня злит, как они сверкают там, приятно далёкие, не тронутые разрушениями, которые мы переживаем внизу, среди скал и городов.

Круто поворачивая голову из стороны в сторону, я выпускаю длинные языки пламени в это чёрное небо, в пустоту. Но я не могу сжечь звёзды.

Варекс присоединяется ко мне, когда мой огонь иссякает до капли. Он скользит ниже, безмолвный. Наконец он говорит:

— Все прошло не так, как надо.

— Нет. Не так.

— Но это сделано. А теперь ты должен отдохнуть.

— Как? Как можно отдыхать после такого дня и такой ночи?

— Судя по тому, что я видел, ты истощил свой огонь. Твоё тело будет жаждать отдыха, чтобы восстановить его. Ты сможешь уснуть, по крайней мере, на время.

— А ты? — Я смотрю вниз на него.

— Мне нужно поговорить с женщиной, которую я забрал, — говорит он. — А потом я тоже постараюсь отдохнуть.

Мы спускаемся, направляясь к утёсу на восточной стороне, где находится моя пещера. Его пещера расположена на другой горе, в той же долине.

Пока мы летим, внутри меня нарастает признание, тяжесть, которая тяготила моё сердце с момента, как я оказался в Гилхорне. Внезапно я больше не могу её нести.

— Я не любил Мордессу. — Признание повисает в ночном воздухе, холодное, как свет звёзд. — Не так, как она любила меня. Не так, как её отцы любят друг друга.

— Ты заботился о ней, — говорит Варекс.

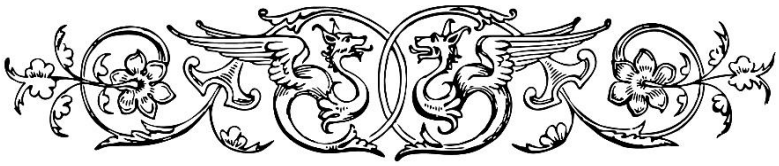
— Недостаточно. Не так, как она заслуживала.

Он не отвечает, и я уважаю его за то, что он не пытается утешить меня ложью. Я не произношу вслух остальную часть мыслей, но вонзаю их истину в своё сердце, как окровавленный осколок кости.

Если я не мог дать ей ту любовь, которую она заслуживала, значит, я недостоин любви.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

6. Серилла



Слабый свет пробивается сквозь розовый фильтр моих век.

Ресницы вздрагивают.

Вместо бархатного балдахина с золотыми кистями, передо мной камень. Камень, покрытый множеством тонких узоров — переплетённые круги, пересекающиеся треугольники, завитки, ромбы и волны.

Вместо прохладных атласных простыней и роскошного матраса, я лежу на своей брошенной одежде и на толстом слое утрамбованной, мягкой травы.

Вместо нежных голосов служанок, пробуждающих меня, и шипения горячей воды, наполняющей мраморную ванну, меня встречает низкий, повторяющийся гул и далёкий шёпот океана.

Воспоминания накрывают меня, словно тошнота, словно кинжал в мозгу.

Все исчезло. Война окончена. Проиграна. Мать повержена, возможно, уже заключена в темницу или мертва. Королевство разорено. Все, кого я когда-либо знала, все, кого считала неизменными, исчезли. Мои служанки, телохранители, повара и садовники, курьеры и слуги, клерки и врачи, конюх и его подмастерья, фермеры, привозившие свои тележки ко дворцу и наполнявшие наши кладовые лучшими продуктами. Я любила встречать их и расспрашивать о семьях. Они всегда радовались, когда я вспоминала подробности об их близких. Иногда, если они приводили с собой детей, я дарила малышам маленькие подарки, чтобы увидеть, как светятся их глаза.

Одним из тех, по кому я особенно сильно скучаю, был милый маленький сын второй поварихи, Тарен, чьё рождение я видела два года назад. Его мать, Хули, спросила меня, стану ли я его опекуном, если с ней что-то случится, и я согласилась. Я обожаю детей, но этого маленького мальчика я люблю всем сердцем… я заботилась о нём и играла с ним столько раз, что и не сосчитать. А теперь я даже не знаю, в безопасности ли он и его семья.

Всё исчезло.

Из-за этих чертовых драконов. Из-за моей матери, из-за Ворейна, из-за целого ряда причин — и безрассудных, и разумных, что привели к этой войне. Но сейчас весь мой гнев и горечь сосредоточены на огромном черном драконе, который спит на каменном полу. Остроконечные шипы вдоль его спины поднимаются и опускаются с каждым медленным вдохом.

Говорят, утром все кажется лучше, но он так же огромен и страшен, как и вчера. Его черные чешуйки сверкают в свете, струящемся у входа в пещеру.

В любой другой день мне, возможно, понравился бы этот нежный утренний свет и кусочки розовых облаков, которые я могу увидеть снаружи. Я могла бы наслаждаться полетом морских птиц в небе, их пронзительными криками, свежим ветерком, что подхватывает их и врывается в пещеру, мягко касаясь моих щек. Но мои боль, страх и неопределенность слишком сильны, чтобы утреннее великолепие могло их унять.

Может, немного это все же поднимает мне настроение. Дает мне достаточно сил, чтобы вспомнить свою стратегию — раздражать черного дракона, пока он не сойдет с

ума. Сделать его жизнь настолько невыносимой, насколько смогу. Узнать о нем все, чтобы ранить его словами, даже если я не могу поразить его оружием.

Он умен и горд — это ясно. И это играет мне на руку. Умные люди легче раздражаются — мелкие досадные вещи задевают их сильнее. А люди с истинной гордостью особенно чувствительны к несправедливым обвинениям.

Эти более изощренные пытки придут позже. Пока начну с чего-то абсурдно простого. С того, что проверит терпение моего тюремщика. Возможно, это закончится тем, что меня сбросят с обрыва, но я рискну.

Сначала я тихо справляю нужду в другой части гнезда. Ноздри дракона вздрагивают, но его дыхание не меняется, и глаза остаются закрытыми.

Гнездо было гигантским, достаточно большим, чтобы вместить двух драконов его размера и оставить еще место. Неподалеку от него тонкая струя воды вырывалась из каменной стены и текла вниз, пробегая по канавке в полу, прежде чем вновь исчезнуть в скалах. Я выбралась из гнезда и принюхалась к воде. Она пахла чистотой. Осторожно попробовав, я почувствовала, что она была сладкой и свежей, и принялась пить большими глотками, пока мой язык и горло не перестали ощущать сухость.

Удовлетворив первостепенные потребности, я направилась вдоль ближайшей стены пещеры, едва касаясь кончиками пальцев рядов декоративных узоров. «Красиво», тихо сказала я себе, но подавила это восхищение и мелодичные строки, что всплыли в моей голове — гимн восхитительному искусству, проявившемуся в столь жестоком месте.

Песни приходят ко мне вот так, в моменты, когда я теряю бдительность. Обычно появляется одна или две строчки, полностью сформировавшиеся, с идеальным сочетанием музыки и слов, и тогда я мысленно играю с этой идеей, пока не превращу её во что-то полное и насыщенное.

Но я отказываюсь сочинять песню об этом месте. Мой тюремщик и его клан убийц не заслуживают её. Поэтому, вместо той, я выбираю самую раздражающую песню, которую знаю, и начинаю петь её. Громко. Радостно.

— Когда-то у меня была жена,
Что забрала мою жизнь,
И похоронила меня
Под водой морской.
Моряк поймал меня в свою сеть
С лодки, что выиграл в пьяном споре.
Я поглотил его душу,
Чтобы стать целым,
И отправился в таверну, чтобы выменять эль,
И трактирщица молила: «Расскажешь мне историю?»
И я ответил...
Когда-то у меня была жена,
Что забрала мою жизнь,
И похоронила меня
Под водой морской.

На третьей строчке глаза дракона распахиваются. Длинная шея выпрямляется, поднимая огромную треугольную голову с элегантными, заостренными челюстями. Он моргает густыми черными ресницами, прикрывающими желтые глаза с вертикальными зрачками, и слегка встряхивается. Надбровные гребни сдвигаются в

выражении, так похожем на озадаченный хмурый взгляд, что мне едва удается удержаться от смеха. Но я продолжаю петь, а он продолжает смотреть на меня, словно полагает, что я сошла с ума.

Я вижу тот самый момент, когда он понимает, что это песня по кругу, та, которая никогда не кончается, и что я собираюсь петь ее бесконечно.

— Я очень мало спал, — его глубокий голос разносится по пещере, вызывая легкую дрожь на моей коже, но я продолжаю петь в том же ритме, не обращая внимания на его слова. — Ночь была трудной. Но ты человек, так что, полагаю, нет смысла просить немного уважения.

Уважения? Будто не он похитил меня вчера. Какое наглое высокомерие. Ему повезло, что у меня приятный голос. Это могло бы быть намного хуже для него.

Дракон поднимается и садится, приняв позу, которая кажется собачьей, что я вспоминаю еще одну потерю — гончие в охотничьих псарнях дворца. Я часто тайком навещала их, хотя мать строго-настрого запрещала мне это. Она говорила, что это дикие звери, выведенные для охоты и убийства. Но ни один из них никогда не поцарапал меня даже зубом.

Я пою громче, добавляя в слова вызывающий акцент.

Дракон фыркает с отвращением, затем обнюхивает воздух, его взгляд становится подозрительным.

— Ты… ты пописала в моем гнезде?

— Я поглотил его душу, чтобы стать целым, а затем отправился в таверну обменять её на эль, — сладко продолжаю я, нарочито игнорируя его возмущение.

— Ты хоть представляешь, сколько времени я потратил на это гнездо? Собирал материалы, выбирал только лучшие куски, утрамбовывал травы, формировал и сплетал края… — вместо того чтобы повышать голос, дракон говорит все глубже и мрачнее, словно надвигающийся гром, и его тело с каждой секундой кажется выше, шире, страшнее. Его плечи и грудь тяжело вздымаются от яростных вдохов, а в ноздрях вспыхивает оранжевый жар.

Я хочу оставаться дерзкой, но дрожь все же проникает в мой голос, несмотря на все усилия.

— Это гнездо было для нее. Для наших детенышей. — Пламя мелькает у него в пасти, пока он говорит. — А ты загадила его.

Мой голос срывается, превращаясь в испуганный писк, когда он бросается ко мне. Его широкая, чешуйчатая щека ударяет меня в плечо, сбивая с ног и швыряя обратно в гнездо.

— Когда детеныши мочатся или гадят в гнезде, мы тычем их морды в грязь, чтобы они поняли, что нельзя портить место, где они спят. — Дракон поднимает мускулистую переднюю лапу и переворачивает меня когтями, укладывая лицом вниз. Один из его когтей цепляется за спину моего платья, и он тащит меня к тому месту, где я облегчилась этим утром.

— Я не детеныш, — выдыхаю я, отчаянно. — Я взрослая, я принцесса.

— Все принцессы мочатся в своих постелях?

— А куда мне еще было идти?

— Куда угодно.

— Ты сказал мне оставаться в гнезде, — цепляюсь я за эти слова, чувствуя, что в них может быть мое спасение. — Ты сам это сказал, помнишь? Я лишь подчинялась.

Он останавливается, и я съеживаюсь, мое лицо всего в нескольких дюймах от влажного пятна.

— Да, я это сказал. Ты права… Мне следовало быть более точным. Я должен был учитывать твои физические нужды. — Его коготь скользит с моего платья, и я тут же отодвигаюсь, подальше от запачканной травы.

Челюсть дракона напрягается под чешуей.

— Прошу прощения за недосмотр. Я не привык заботиться о столь слабом, беспомощном существе.

Мне хочется возразить, что я вовсе не слабая и не беспомощная, но это правда, по сравнению с ним я действительно такова, как бы мне ни хотелось это отрицать.

— Да, ну… ты - ужасный похититель, — говорю я. — Любой уважающий себя похититель знает, что должен обеспечить пленника едой, водой и местом для уединения. Две из этих нужд мне пришлось решить самой. Так что ты полностью провалился в этом деле.

Желтые глаза дракона расширяются.

— Точно. Ты все еще голодна. Черт.

— Да, — я обхватываю руками живот. — Это твой план? Заморить меня голодом до смерти?

— Я… нет. — Он резко поворачивается, его огромные крылья расправляются. Я почти не заметила их утром, они были так плотно прижаты к телу. — Я скоро вернусь с едой для нас обоих.

Он взмывает в воздух и уносится прочь из пещеры.

Я обессиленно падаю на солому, глубоко вздыхая. Мне удалось его разозлить, это уж точно. И я узнала кое-что важное — он собирался делить это гнездо с самкой. Она погибла вчера.

Это можно использовать.

Я направляюсь к выходу из пещеры, сжимаясь в комок, когда подхожу к самому краю обрыва. Вчера подъем по ступеням городской стены был пугающим, но желание выстрелить в драконов было настолько сильным, что я почти не замечала опасности. Теперь, когда это безумное возбуждение исчезло, вернулась моя обычная осторожность по отношению к высоте. А эта высота ошеломляюща. Если бы я могла видеть, насколько высока эта гора прошлой ночью, я бы, вероятно, кричала всю дорогу до её вершины.

Зрелище, тем не менее, потрясающее. На другом конце долины передо мной виднеются еще горы, ниже, чем эта. Между ними я могу разглядеть плоские участки лугов, а дальше — вновь резкие вершины и утесы, кое-где покрытые лесом. Слева, за входом в долину, я замечаю океан, мелькающий между высокими скалами.

По ветреным лугам острова тянутся белые линии. Сначала мне кажется, что линии выложены из ракушек, но потом я понимаю, что нахожусь слишком высоко, чтобы обычные ракушки так выделялись. Я гадаю… могут ли это быть… кости? Да, это должно быть так — огромные кости, выбеленные солнцем и морем. Кости драконов.

Я щурюсь, вглядываясь в дно долины, и что-то маленькое и далекое пересекает мой взгляд. Затем появляется еще одна фигура, и третья. Слишком большие, чтобы быть птицами. Это драконы.

Я наклоняюсь чуть вперед, вглядываясь вниз, пытаясь рассмотреть, несет ли кто-нибудь из драконов людей.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Бездонная пропасть головокружительной высоты захватывает мой разум, искажает все ощущения, и я впадаю в панику. Я судорожно хватаюсь за стену пещеры, но мои босые ноги соскальзывают с гладкой поверхности камня, и я теряю равновесие. Я балансирую на краю, цепляясь за камень, изо всех сил стараясь удержаться.

С громовым ударом крыльев черный дракон спускается с небес и приземляется на выступе, швыряя что-то бесформенное на пол пещеры. Поток ветра от его появления окончательно сбивает меня, и я с криком падаю в пустоту.

— Черт, — рычит дракон и бросается за мной. Он устремляется подо мной — действительно безумная идея, ведь его спина похожа на лес смертоносных лезвий. Каким-то чудом я избегаю того, чтобы наколоться на них. Я ударяюсь о его плечо и сразу соскальзываю — держаться не за что. Пальцы цепляются за чешую, один из ногтей наполовину отрывается, причиняя острую боль.

Я снова падаю, кувыркаясь в чистом, ярком утреннем воздухе.

Дракон ревет от досады и пытается схватить меня, но не так ловко, как вчера — он устал, неуклюж. Его когти разрывают мое платье, оставляя огромный разрез, прежде чем ему удается зацепить меня. Его крылья бешено хлопают по воздуху, поднимая нас обоих обратно к выступу.

Он швыряет меня в пещеру. Синяки, которые он оставил на мне вчера, взрываются болью от удара, и я захлебываюсь в болезненном всхлипе.

— Глупый человек, — рычит он. — Ты хочешь умереть?

«Да», шепчет голос внутри меня. Но другой голос кричит, еще громче: «Нет».

Я не уверена, какой из них прав.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

7. Киреаган

Человеческая девочка лежит на животе, опираясь на предплечья, ее спутанные желтые волосы спадают на плечо. Маленькие кулачки сжаты. Золотые украшения в ее ушах и на шее поблескивают в солнечном свете.

Я разорвал её платье, когда пытался спасти. Одна из её стройных ног открыта почти до бедра. Мягкие, округлые выпуклости на её груди тоже видны. Она замечает это и подтягивает разорванное платье, чтобы хоть немного прикрыть их.

Эти выпуклости — кажется, люди называют их грудью. Я знаю, что они служат для кормления потомства, как у коровы, свиньи или овцы. У самок драконов нет таких желез, как у других животных. Мы кормим своих детенышей едой, размягченной в наших ртах.

Форма этих выпуклостей у девочки странно приятна для меня. Но меня отвлекают отметины на ее руках и ногах.

— Что это за пятна? — спрашиваю я. — Ты больна?

— Нет, — шипит она на меня, ее глаза пылают. — Это синяки. Они появляются, когда кровь скапливается под кожей. Это значит, что ты сделал мне больно.

В животе у меня зарождается чувство тревоги.

— Но у тебя их так много.

— Ты много раз сделал мне больно вчера, когда нес меня, слишком крепко держа.

Черт.

Мне хочется извиниться. Но эти слова показались бы странными, исходя из уст дракона, который испепелил так много ее людей, по отношению к принцессе, чей королевский чародей вырезал половину нашего вида.

— Я буду осторожнее, — говорю я ей. — Мне нужно, чтобы ты была здорова для Преображения.

— Преображения?

Вместо ответа я подталкиваю мордой тушу горного козла, приближая ее к ней.

— Сегодня мне удалось быстро найти добычу. Это необычно и удачно. Ты можешь попробовать первой.

Девушка смотрит на меня в изумлении.

— Ты хоть что-нибудь знаешь о людях?

— Немного, — признаюсь я.

— Но ты сражался вместе с армиями Ворейна. Уж наверняка ты замечал некоторые из их привычек.

— Мы не разбивали лагеря с ними. У нас были свои гнезда, и мы встречались с их командирами за пределами лагеря, только когда это было необходимо.

Она качает головой.

— Я не могу это есть.

— Это молодой козленок, свежий и нежный, — я когтем разрезаю его бедро, раздвигая шкуру и открывая насыщенно-красное мясо. У меня текут слюнки при

одном только виде. — Хорошее мясо. Попробуй. Мы должны учиться делить пищу, если ты намерена жить здесь.

— Жить здесь? Делить пищу? Что, черт возьми, ты несешь? — Ее голос напряжен, голубые глаза распахнуты.

— Наши самки мертвы, — объясняю я. — Нам нужны новые для размножения.

— Черт, — тихо говорит она. — Значит, ты… ты собираешься… Нет, это не сработает. Я умру.

Каким-то образом она, должно быть, догадалась о моем плане. Она боится превращения в дракона.

— Ты не умрешь. Все пройдет быстро, обещаю. Любая боль будет минимальной.

— Значит, ты просто… — Она прижимает дрожащую руку ко лбу. — Оно не поместится.

О чем это она? Возможно, она говорит о времени, которое потребуется для того, чтобы новые самки драконов привыкли к жизни здесь, в Уроскелле.

— Вначале, возможно, будет неудобно, но мы дадим тебе время приспособиться.

— Как это великодушно с твоей стороны, — хрипло говорит принцесса. Она поднимается и спокойно проходит мимо меня, прямо к краю обрыва. — Не лови меня на этот раз.

Я понимаю ее намерение в тот миг, когда она прыгает с выступа. Мое крыло вырывается вперед, обвивая ее тело и загоняя обратно в пещеру.

— Тебе так отвратительна эта перспектива, что ты готова покончить с собой? — восклицаю я.

— Дай подумать… эм… да, — огрызается она.

— Ты станешь одной из нас, с привилегиями дракона, — говорю я ей. — Конечно, ты боишься этого нового будущего, потому что не понимаешь наших обычаев, но ты научишься. Ты приспособишься. Подумай вот о чем — твоя раса должна моему народу возмещение за уничтожение стольких наших любимых воинов, партнеров, дочерей и сестер. Мы никогда не сможем заменить тех, кого потеряли, но если мы не предпримем ничего, не родится новых детенышей, и драконы исчезнут.

Принцесса бледна как мел. Она прижимает обе ладони к низу живота.

— Я не собираюсь вынашивать твоих детенышей.

Костями клянусь, какая же она тупая.

— Не детенышей, — терпеливо объясняю я. — Ты будешь вынашивать наши яйца, из которых появятся детеныши.

Недостаток знаний о драконах можно простить, полагаю. В конце концов, я сам знаю крайне мало о людях. Но ей следовало бы начать обучаться анатомии, жизненному циклу и мифам драконов до своей трансформации. А поскольку она, похоже, готова прыгнуть с утеса при малейшем поводе, я, вероятно, должен буду держать ее при себе и учить всему сам.

— Пусть это станет твоим первым уроком в наших обычаях. — Я отрываю кусок густо-красного мяса от туши козла и протягиваю ей на кончике когтя. — Прими то, что тебе предлагают, с доброй волей.

Принцесса смотрит на мясо, затем на меня.

А затем ее начинает тошнить, на себя и на пол моей пещеры.

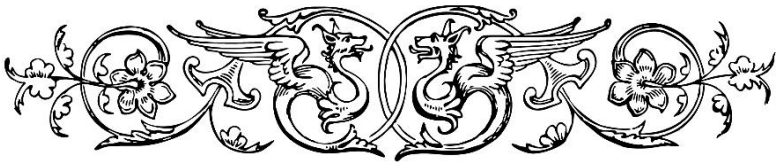
Драконов иногда рвет, когда они больны. Это отвратительное зрелище, и обычно это гораздо больше, чем маленькая лужица, которую оставила принцесса. Ее рвота состоит в основном из желчи, ведь в ее желудке ничего нет.

Почему же с ней так сложно? Я беспокоился о том, как ухаживать за первым детенышем, но, судя по моим воспоминаниям о собственном воспитании, за детенышами ухаживать легче, чем за этой человеческой особью. Возможно, стоит принять предложение Фортуникса о помощи, когда он вернется.

Пока что, думаю, лучше нам обоим покинуть пещеру, пока запах не выветрится. Пожалуй, я попрошу Роткури убрать испачканные части гнезда и с помощью своей водной магии промыть пол. Половина козленка утолит мой голод на время, а оставшуюся половину я дам ему в качестве платы.

И, возможно, пока мы будем снаружи, я смогу найти что-то, что принцесса соизволит съесть.

8. Серилла



Я хотела показаться дракону отвратительной, и, кажется, мое желание сбылось. Я помочилась в его гнезде, и меня стошнило прямо на себя. Не уверена, что смогу быть еще более отвратительнее.

После того как меня стошнило, он поспешно сожрал часть козла, от чего меня чуть не стошнило снова. Не понимаю, почему его так заботят моча и рвота в жилище, когда он с таким удовольствием уплетает кровавое сырое мясо. Хотя, надо признать, он ест довольно аккуратно для дракона и потом тщательно слизывает кровь с когтей и морды.

Закончив трапезу, он поднимает меня и вылетает из пещеры, крепко, но осторожно удерживая меня в своих когтях. Снова его действия идут вразрез с моими ожиданиями. Странно, что он так заботится о том, чтобы не оставить мне синяков, когда планирует насильно спариваться со мной.

Во время нашего разговора он, похоже, не понимал, почему я так расстроена. Все его разговоры о том, что мне нужно время, чтобы привыкнуть к его члену, что всё пройдёт быстро, и боль будет минимальной – словно он не видит ничего странного в том, что огромный дракон собирается заняться любовью с крохотной женщиной. Он, вероятно, не осознаёт, что наша анатомия совершенно несовместима.

Одной только мысли о том, как он попытается засунуть свой гигантский член в меня, достаточно, чтобы мне захотелось закричать, драться и, возможно, упасть в обморок. Но мне нужно держать мысли под контролем, успокоиться и продолжать работать над планом. Если бы у меня была хоть какая-то еда, может, я бы почувствовала себя сильнее и сосредоточеннее. Остаётся надеяться, что его следующее предложение пищи не будет столь отвратительным.

Мы останавливаемся у небольшой пещеры, скорее похожей на нишу в скале, и мой похититель начинает говорить на драконьем языке с худым синим драконом. Я понятия не имею, о чем они говорят. В глубине этой ниши сидит полная девушка в алом плаще, ее щеки раскраснелись, а глаза горят. Она не выглядит особенно несчастной, что меня удивляет. Я хочу крикнуть ей, но прежде чем решаюсь, мы снова улетаем.

Черный дракон уносит меня прочь от скалистых утесов и широких равнин побережья к центру острова, где лежит огромная полая долина, возможно, устье какого-то древнего, давно потухшего вулкана. Меньшие ущелья и овраги расходятся от нее, как лучи солнца на детском рисунке. Дракон опускается к голубому озеру посреди долины.

— Здесь мы охотимся на оленей, — говорит он. — Это деликатес, так как мы стараемся не заходить в лес слишком часто. С нашим размером и крыльями двигаться среди деревьев трудно. Большая часть нашего рациона — растения, козы, овцы или дикие кабаны. А также рыба или угри для тех, кто умеет их ловить. На лугах к югу мы держим стадо коров, под надзором и защитой сменного караула. Они — для праздников.

Я оживляюсь при этом.

— У вас есть коровы? Я хочу молока.

Дракон спускается ниже, над травянистым берегом озера, и сбрасывает меня в заросли папоротника, а сам приземляется неподалёку. Он бросает на меня строгий взгляд.

— Ты хочешь пососать из вымени коровы?

— Нет! Я бы подоила её, наверное, — отвечаю я. Никогда в жизни не доила корову, хотя мне хотелось бы попробовать. Однако не стоит показывать излишнего рвения к подобным задачам. Я должна играть роль капризной, избалованной принцессы.

Поддерживая своё испорченное платье, я высокомерно поднимаю подбородок.

— А как насчёт других женщин, которых забрали ваши драконы? Пусть одна из них подоит корову для меня. Я ведь принцесса, в конце концов.

— Ты продолжаешь твердить одно и то же, — его верхняя губа приподнимается, открывая сверкающие огромные клыки. — Искупайся, женщина. От тебя несёт рвотой.

— Может, мне нравится так пахнуть.

— Нет, не нравится. Вчера ты пахла восхитительно, так что предполагаю, что когда у тебя есть выбор, ты предпочитаешь быть чистой и свежей. Сними эти лохмотья и умойся.

Перед тем как ответить, я оглядываю окрестности. Густая, мягкая трава ласкает мои босые ноги. Она куда более зелёная и сочная, чем аккуратно подстриженные газоны в садах дворца. Когда была возможность, я любила бегать босиком по той траве, хотя почти всегда получала выговор от кого-то из подлизывающихся к матери придворных дам — вернее, «дам из свиты».

Здесь я могу бегать по траве босиком, сколько мне вздумается. И воздух здесь намного слаще и чище, чем воздух столицы. Гладкая поверхность озера отражает лазурное небо над головой, а лес рядом шелестит на ветру; каждый листок дрожит, будто радуется самому факту своего существования на солнце и в чистом горном воздухе.

Прозрачная вода озера плещется у берегов, покрытых галькой, делая камешки блестящими и тёмными. Чуть дальше галечный край уступает место песчаным мелководьям, идеальным для того, чтобы снять усталость с ног и облегчить боль в ушибленных конечностях.

Я чувствую себя ужасно, грязная и отвратительная. А прохладная вода так манит, хоть меня и немного пугает мысль о том, какие существа могут скрываться под её поверхностью.

— В воде есть пиявки? Угри? Змеи? — спрашиваю я. — Или другие существа? Там скользко?

— Безопасно. Теперь замолчи и помойся.

— Я искупаюсь, но не на твоих глазах.

— Почему нет?

— Я не хочу, чтобы ты видел меня обнажённой.

Он поджимает крылья, прижимая их к бокам.

— Снова спрашиваю: почему нет?

— Потому что… — Чёрт, мне ещё никогда не приходилось объяснять это раньше. — Я не хочу, чтобы ты увидел моё тело и захотел меня.

Он фыркает.

— Я и так тебя вижу. В тебе нет ничего привлекательного.

— Ты не видел меня полностью.

— И что, если увижу тебя без одежды, это что-то изменит? — сухо говорит он. — Ты думаешь, несколько кусочков бледной человеческой плоти способны вызвать у меня брачный восторг?

— Ну, когда ты так это говоришь, наверное, нет. Но для человеческих мужчин одного только вида или даже намёка на подобное обычно достаточно, чтобы разжечь желание.

— Драконы не испытывают подобных чувств, за исключением одного раза каждые двадцать пять лет, в брачный сезон, — отвечает он. — В это время каждый дракон старше двадцати четырёх лет входит в период течки на одну неделю, и мы соединяемся для откладки яиц.

Удивление вытесняет моё смущение.

— Вы не занимаетесь сексом в другое время?

— Нет.

— А как насчёт супругов или партнёров?

— Большинство из нас выбирает спутника, с которым воспитывает потомство и делит жизнь. Этот партнёр может как быть, так и не быть одним из тех, с кем мы совокупляемся в брачный сезон. Выбор спутника — это вопрос ментального единства и совместимости характеров, а не страсти спаривания.

— Звучит как очень рациональный процесс. А как насчёт любви? Драконы влюбляются?

Он отводит взгляд.

— Некоторые влюбляются.

— Значит, если я разденусь, ты не испытаешь никакого сексуального влечения. По крайней мере, до наступления этого брачного сезона, — осторожно говорю я. В этой мысли есть надежда. Передышка. Шанс на побег.

— Совершенно верно, — говорит дракон. — Брачный сезон начнётся примерно через неделю, когда взойдёт Ребристая луна.

Одна неделя. Лучше, чем ничего. По крайней мере, мне не придётся опасаться жестокого совокупления до тех пор.

— Хорошо, — я тяну за остатки своего испачканного платья. Много усилий не требуется, чтобы оно упало на землю. Я стою обнажённая под солнечным светом, оставшись лишь в кружевном нижнем белье.

Дракон внимательно смотрит на меня, моргая. До сих пор его интонации и выражения были достаточно человеческими, чтобы я могла их понять, но сейчас я совершенно не представляю, о чем он думает.

Медленно я спускаю бельё по ногам и остаюсь перед ним совершенно нагой.

Он шумно выдыхает горячий, сияющий воздух, не отводя взгляда. Его взгляд опускается к области между моими ногами.

— Ты когда-нибудь видел женское тело? — тихо спрашиваю я.

— Нет, — его голос звучит тише, чем обычно. — Оно кажется мягким и хрупким, что прискорбно. Но твои груди подходят тебе.

Горячая краска заливает моё лицо.

— Это самый отвратительный комплимент, который я когда-либо получала.

Он недовольно ворчит.

— Это не был комплимент. Просто утверждение факта. Ты… пропорциональна. По крайней мере, мне так кажется. Для человека, разумеется.

— Уходи, — резко бросаю я. — Перестань на меня смотреть.

— Я должен следить за тобой, раз уж ты, кажется, готова причинить себе вред, — отвечает он. — Пока ты купаешься, я поищу ягоды или коренья, чтобы накормить тебя.

Поворачиваясь к нему спиной, я вхожу в прохладную воду озера. Я чувствую его взгляд на себе, когда погружаюсь глубже, пока вода не поднимается до колен, до бёдер, до ягодиц, до талии. Лишь когда я по плечи погружаюсь в озеро, слышу его тяжёлые шаги и шелест кустов — он ушёл искать еду.

У меня нет мыла, и вода намного холоднее, чем я ожидала, но я всё же умудряюсь отмыться, распутываю пальцами колтуны в волосах, пока они не начинают выглядеть прилично. Когда выхожу из воды, меня всю трясёт от холода. Кожа покрыта мурашками, а ноги дрожат.

Я ступаю на берег, ожидая…

Чёрт. Действительно ли я ожидала, что меня встретит горничная с тёплым полотенцем и мягким халатом? Такая роскошь осталась в прошлом. Единственный более-менее целый лоскут одежды — это рваное, испачканное рвотой платье, которое я сняла перед тем, как войти в озеро, и я уж точно не надену его снова. Я могла бы попробовать его постирать, но тогда придётся ждать, пока оно высохнет.

Моё нижнее бельё всё ещё лежит на берегу, но, подняв его, я замечаю, что его задняя часть покрыта влажным песком. Так что это тоже не вариант.

Я остаюсь одна, совершенно голая и промокшая, на берегу озера в центре владений драконов. И куда делся чёрный дракон? Вряд ли он чем-то поможет — сомневаюсь, что у него в пещере найдётся сундук с женской одеждой.

Может, удастся найти какие-нибудь листья, чтобы прикрыться.

Осторожно ступая по гальке, я перебираюсь на траву, а оттуда направляюсь в лес. Огромные, древние деревья раскинули плотный полог над головой, поэтому подлесок почти отсутствует. Неподалёку от меня виноградная лоза с широкими листьями в форме стрелы обвивает один из стволов. Я подхожу и тянусь к ней.

— Я бы на твоём месте этого не делал, — голос дракона вибрирует, проникая в самое нутро.

— Почему нет?

— Эти лозы ядовиты. Их нельзя есть — они смертельно опасны, а если дракон хоть лизнёт их, его язык покроется огромными волдырями. Думаю, для твоей нежной человеческой кожи они будут не менее разрушительны.

— Мне нужно чем-то прикрыться. И я замерзла, — я резко разворачиваюсь и сверлю его взглядом. — Ты худший похититель на свете. Ты ведь говорил, что ты - принц? Если ты не можешь позаботиться об одном маленьком человеке, как же ты правишь всей расой драконов?

— Очень плохо, видимо, если половина моего клана погибла. Если ты закончила меня оскорблять...

— Я не закончила. — Несмотря на холод и дрожь, ярость придаёт мне сил. — Если уж ты собираешься похищать кого-то, нужно знать, как сохранить ему жизнь, ты это понимаешь? Ты привёл меня сюда, чтобы я могла помыться, но не позаботился о том, чтобы мне было во что одеться или как согреться после купания. Здесь нет ни мыла, ни полотенец, ни горячей воды. Твоя пещера неудобная и примитивная, не подходит даже самому бедному крестьянину, не говоря уже о короле драконов. Нет ни уборной, ни даже таза для мытья рук, нет подушек, простыней, одеял. Я не ела, мне холодно, я мокрая, и я хочу чашку чёртова чая!

Дракон слегка отшатывается от моей ярости и издаёт горячий, возмущённый вздох, выдыхая оранжевый пар.

— Иди и принеси мне что-нибудь надеть! — кричу я на него.

Он осторожно пятится из леса, прижимая крылья, чтобы не задеть деревья.

— Я оставил немного еды на камне у озера для тебя.

— Снова сырое, кровавое мясо? Потому что я отказываюсь это есть. Мы, люди, готовим еду. Может, ты слышал об этом.

— Я не идиот, — холодно отвечает он.

— Ты чудесно играешь эту роль.

Он обнажает зубы и прищуривает глаза.

— Я собрал ягоды, орехи и стебли крессилии.

— Прекрасно, — выплёвываю я. — Теперь у меня выбор: либо есть ягоды и стебли, которые могут быть для меня ядовиты, либо ломать зубы об орехи. Это просто идеально. — Скрестив руки, я направляюсь к озеру.

Только прохожу мимо него, как что-то тёплое и влажное скользит по моим ягодицам. Кожа мгновенно вспыхивает, и шок переплетается с жаждой тепла. Я резко оборачиваюсь.

— Ты меня лизнул?

Фиолетовый язык дракона скользит по его клыкам.

— Нет.

— Лжец.

— Я только подумал… если ты замерзла, я могу согреть тебя.

— Мне нужна одежда. Я не могу всё время ходить вот так, голой.

— Почему не можешь? — Он медленно моргает, глядя на меня. — Твоя форма не вызывает отвращения. Зачем скрывать её?

— Ради уединения и защиты. У людей нет шерсти или чешуи. Одежда помогает защититься от холода, а также прикрывает интимные места. У вас, драконов, ведь тоже есть свои… интимные места, верно?

— Да, но мне несложно их показать, если хочешь взглянуть…

— Нет! — восклицаю я. — Нет, не хочу.

Я отворачиваюсь от него и иду к берегу озера. Слева замечаю плоский камень, на который он положил собранную еду, среди которой есть крупные тёмно-синие плоды размером с мой кулак — наверное, они кажутся ему ягодами. Ни один из фруктов не помят, хотя некоторые проколоты когтями, видимо, когда он их собирал. Я осторожно подношу один к губам и откусываю. Как только сладкий сок касается моего языка, я погружаю зубы в мякоть с тихим стоном облегчения.

Дракон располагается на траве, огромным телом растянувшись рядом, и приближает свою голову ко мне, раскрывая пасть, откуда медленно вырывается тёплое дыхание.

Постепенно тепло проникает в тело, и вскоре я перестаю дрожать. На самом деле мне становится комфортно, стоя здесь нагой, с сочными фруктами, утолившими голод, и сладким соком на языке. Орехи тоже вкусны, их хрупкие скорлупки легко уступают, раскрывая съедобную мякоть. Стебли, которые собрал дракон, жилистые, но со сносным вкусом.

— На первый раз сойдёт, — говорю я ему. — Но тебе придётся научиться кормить меня как следует. А что насчёт остальных женщин? Их тоже кормят?

— Я позабочусь об этом, — его ноздри слегка раздуваются. — Вопреки твоему жалкому мнению обо мне, у меня есть здравый смысл. Эшвелон и Фортуникс принесут припасы, когда вернутся с чародейкой.

— С чародейкой?

Он, кажется, не слышит моего вопроса.

— Твой запах теперь куда более приятный, — его толстый раздвоенный язык снова мелькает снаружи. — Ты спокойна и довольна, так?

— Спокойна, сыта и согрета. Но не довольна. Довольна буду только тогда, когда ты меня отпустишь.

Он вздыхает, и мощный поток горячего воздуха заставляет меня отпрыгнуть с коротким вскриком.

— Извиняюсь, — пробурчал он. — Но я уже объяснил, почему не могу тебя отпустить. Ты здесь для участия в брачном сезоне.

Отчаяние снова сжимает моё сердце. Как может столь разумное существо быть таким упрямым и глупым? Может, ему стоит наглядно показать? В конце концов, на кону не только моя жизнь, но и жизни других женщин, похищенных драконами.

— Как я уже говорила, ничего не получиться. — Я прислоняюсь ягодицами к камню и поднимаю одну ногу, упирая ступню в камень. Я раздвигаю бедра, позволяя дракону полностью увидеть свою вагину. Пальцами я раздвигаю половые губы. — У женщин три отверстия. Маленькое спереди для мочи, другое сзади для кала. Видишь это? Отверстие посередине?

Он издаёт какой-то приглушённый звук, который я принимаю за утвердительный ответ.

— Это отверстие для секса и для рождения детей. Ты должен понять, что мои отверстия слишком малы, чтобы принять драконий член. Ты убьёшь меня. Ты убьёшь всех нас. Кроме того, недопустимо — проникать или совокупляться с кем-то без его согласия.

— Я никогда не планировал совокупляться с тобой в этом облике! — восклицает он. — Именно поэтому сюда приведут чародейку, чтобы превратить тебя и остальных человеческих женщин в драконов. И даже тогда никто не будет принуждать тебя к спариванию. Самцы будут ухаживать за вами и исполнять брачные танцы. Затем ты сможешь выбрать того, кто тебе по душе.

Ох.

Я испытываю облегчение, узнав, что не будет насильственного совокупления между драконами и человеческими женщинами, но… мысль о том, что меня навсегда превратят в дракона, не кажется мне более привлекательной.

— Ты не можешь так поступить, — говорю я ему. — Ты не можешь превратить нас в других существ против нашей воли.

— Это прискорбная необходимость.

— Не существует чародейки, способной на такую магию.

— Напротив, существует. Телиз, дочь Верховного Чародея твоей матери.

— Но её изгнали из двора несколько лет назад за нарушение магической практики, — возражаю я. — Да, она талантлива, но небрежна. Иногда её заклинания имеют очень плохие последствия.

— У нас нет другого выбора, — спокойно отвечает дракон. — Она — самая могущественная чародейка на континенте, и у меня нет времени искать кого-то другого. Брачный сезон почти настал.

— Каждая женщина, которую ты превратишь, будет ненавидеть тебя, — с жаром говорю я. — Ни одна из нас не захочет спариваться.

— Э, но вы захотите. Став драконами, вы ощутите брачный призыв, как и мы. Вы не сможете устоять. И если всё-таки устоите, у нас будет двадцать пять лет, чтобы ухаживать за вами и покорить вас до следующего брачного сезона, — он снова бросает взгляд между моих ног, и я осознаю, что всё это время сидела, расставив ноги. Поспешно сдвигаю бёдра, мысли лихорадочно носятся в голове.

Значит, он не хочет ни съесть меня, ни насиловать. Он хочет превратить нас всех в драконов и либо соединиться с нами в брачный сезон, либо ухаживать двадцать пять лет. Неприемлемо. Значит, мне придётся вернуться к своему первоначальному плану — сделать себя настолько неприятной, чтобы мысль о том, чтобы терпеть меня рядом ещё двадцать пять лет, заставила его содрогнуться.

Я беру ещё один плод и щёлкаю пальцами, глядя на него повелительным взглядом.

— Давай, продолжай дышать на меня. Мне нужно больше тепла, дракон.

9.Киреаган

Меня свели к роли камина для этого маленького существа с гладкой кожей и роскошными желтыми волосами. Чем дольше я сижу здесь, согревая её своим дыханием, наблюдая, как её кожа становится розовой от тепла, тем сильнее во мне желание лизнуть её снова. Не уверен, это примитивное желание охотника или нечто иное, незнакомое мне побуждение. В любом случае, я не должен поддаваться этому порыву. Слишком велик риск, что я просто проглочу её целиком.

Я на мгновение представляю это. Не разрывать её плоть, а проглотить её целиком, чувствуя, как её конечности бьются у меня в желудке. Она, живая, внутри меня. Ставшая частью меня. Эта тёмная, чудовищная мысль, рожденная из глубин моей природы, из каких-то древних, менее цивилизованных аспектов моего существа.

Поколениями драконы стремились подняться над своими звериными инстинктами. С яиц нас обучают как Драконьему языку, так и Общему Языку. Мы учимся рассказывать устные истории, стихи и эссе. Мы пишем длинные фразы на стенах пещер на Драконьем языке и переводим их вслух на Общий Язык.

Думаю, именно поэтому мне казалось, что я знаю о людях достаточно, чтобы осуществить свой план. Я изучал их язык и политику на протяжении всей своей четверти века. Но мои исследования не охватывали мелких деталей их повседневной жизни, таких как чай и мыло, их привычки в еде и предпочтения в гигиене. Очевидно, это было серьёзным упущением.

Мой взгляд скользит по телу Принцессы, отмечая каждый синяк, что я оставил. Их присутствие меня беспокоит. Хотел бы я сразу исцелить все эти повреждённые места.

— Я хочу ещё таких, — принцесса поворачивается ко мне и поднимает наполовину съеденную ягоду. — Принеси мне ещё.

На мгновение меня отвлекает треугольник розовой плоти между её ног — две округлые губы с углублением между ними. Ранее она показала мне свои гениталии от страха, а теперь мне любопытно взглянуть на них снова. Они кажутся куда сложнее, чем брачная щель у самки дракона.

Теперь, когда она знает, что я не стал бы спариваться с ней в этой форме, она снова стыдится своего тела. Замечая, что я смотрю на неё, она прикрывает это место свободной рукой.

— Иди и принеси то, что я хочу, — резко бросает она.

Я удаляюсь, кипя от гнева из-за того, как она мною командует… мною, принцем драконов. Когда я возвращаюсь с ещё одной ягодой, она полощет свой наряд в озере. Она надевает мокрую одежду, которая скрывает от меня её зад и гениталии.

— Где одежда, которую ты обещал? — спрашивает она.

— Она скоро будет. Завтра.

— Это недостаточно скоро. Мне нужно что-то сейчас.

— Возможно, у одной из других пленниц есть что-то, что ты могла бы надеть, — говорю я. — Или, может, где-то найдется кусок гобелена, обрывок парусины…

— Ты ждёшь, чтобы я, принцесса, надела кусок парусины? — Её синие глаза расширяются, в манерах читается высокомерие и ярость. — Ступай и принеси мне платье, дракон. Я требую его. Принеси мне платье прямо сейчас. Найди его.

— Как пожелает Ваше Высочество, — огрызаюсь я. — Если потребуется, сорву платье с другой пленницы.

Её выражение мгновенно меняется. Этот переход настолько резок, что я начинаю подозревать, что все её жалобы и требования — лишь спектакль. Она притворяется, хотя я не уверен, зачем.

— Не раздевай другую пленницу, — восклицает она уже мягче. — В этом нет нужды. Просто… найди мне что-нибудь. Может быть, у кого-то из других пленниц есть запасной плащ. Или, полагаю, я могла бы превратить верхнюю юбку своего платья во что-то вроде временной одежды. Она осталась в твоей пещере.

— Тогда мы пойдём за ней. Роткури уже должен был закончить убирать после тебя.

— Роткури — это тот синий дракон, с которым ты говорил по дороге сюда?

— Да. — Я не говорю ей, что ещё сказал мне Роткури… что он лизал свою пленницу, и ей это сильно понравилось. Он сказал, что чем больше он это делал, тем охотнее она соглашалась остаться с ним. Его рассказ и был причиной того, что я лизнул Принцессу по спине ранее. Но, похоже, на неё это не произвело такого же эффекта, как на пленницу Роткури. Возможно, я лизнул её не в том месте.

— Я бы предпочла не болтаться в твоих когтях, — произнесла Принцесса. — Есть ли на твоей спине место, где я могла бы безопасно сидеть?

Я опускаю тело к земле.

— Можешь посмотреть сама.

Она подходит ко мне, ставит босую ногу на мою переднюю лапу и поднимается, чтобы взглянуть на мою спину.

Мои чешуйки, какими бы прочными они ни были, чувствительны к прикосновению, и легкий вес её ноги на лапе вызывает неожиданную дрожь. Она касается моей шеи, упираясь одной маленькой ладонью в мои чешуйки.

Где-то у основания хвоста я ощущаю слабое, пульсирующее возбуждение, и мой член касается щели, в которой скрыт.

Это не то, что я чувствую, когда мне нужно справить нужду. Это совсем другое ощущение.

— Кажется, между двумя твоими шипами есть место, где я могу сесть и держаться, — говорит Принцесса. — Я попробую забраться наверх.

Она собирается сесть на меня, оседлать, прижав свои нежные половые органы прямо к моим чешуйкам. Еще одна волна возбуждения прокатывается по телу — более глубокая, тяжелая дрожь, и мой член увеличивается внутри своего укрытия. Если он вырастет еще немного, то сам выйдет наружу. Этого я не могу допустить.

Я резко поднимаюсь, и Принцесса соскальзывает с моей лапы на траву. Она выглядит очень расстроенной.

— Я понесу тебя в когтях, — говорю я ей.

Она скрещивает руки на голой груди.

— Нет.

— Ты не можешь мне отказать. Здесь командую я.

— Ты похитил меня из моего города в самый разгар кризиса, — парирует она. — Я не знаю, что стало с моими друзьями, с хорошими людьми во дворце, с моей матерью…

— Она запинается. — Ты обязан переносить меня так, как я этого хочу, из уважения к моему достоинству.

Горе поглощает меня, как разрушительная приливная волна, сметая все мягкие чувства. Я бросаюсь к ней, обнажив клыки, нависаю над ней, как грозный монстр, как грохочущая гора гнева. Её лицо бледнеет, но она не отступает, даже когда я говорю с ней самым мрачным тоном, мои челюсти всего в шаге от её лица.

— Твоё королевство много лет охотилось на мой народ, — рычу я. — За одно это вы заслуживали ту бойню, что мы устроили вашим армиям. Но этого оказалось мало, ваш Верховный Колдун убил мою обожаемую бабушку, на советы которой я надеялся. Он убил мою дорогую сестру, без которой мы с братом остались абсолютно потерянными. Он похитил мою Наречённую, дракона-воина, которая стала бы моей спутницей. Она была прекраснее и сильнее, чем ты, жалкое создание, когда-либо сможешь себе представить. Ты и твои обрекли мою расу и разрушили моё счастье навеки. Я не должен тебе ничего. Ты — ничто.

Это правда. Она для меня всего лишь кусок, который легко можно было бы захватить зубами и разжевать.

Она смотрит на меня, тяжело дыша от ужаса. Но потом что-то меняется в её лице — её глаза становятся мягче, теплее. Она осторожно кладёт руку на мой нос, прямо между ноздрями.

На мгновение я замираю. Удерживаемый и парализованный этим нежным касанием.

Она не просит прощения за то, что её народ сделал с моим. Она просто касается меня, будто этого достаточно.

Этого недостаточно.

Я отшатываюсь с рычанием и, схватив её передними лапами, взмываю в воздух.

Когда мы возвращаемся в пещеру, в гнезде не хватает двух небольших кусочков, а каменный пол недавно вымыт.

Я опускаю её в гнездо.

— С этого момента, если тебе нужно будет облегчиться, делай это здесь. — Я вытягиваю неглубокую глиняную чашу из глубины пещеры. — Я буду избавляться от твоих отходов по мере необходимости.

— А где драконы справляют нужду? — спрашивает она.

— Иногда с обрыва. Обычно в океан или в укромной яме на земле, где можно закопать. — Я ложусь поперек входа в пещеру, повернувшись к ней спиной. — Одевайся.

Послеполуденное солнце согрело камень, и тепло просачивается сквозь чешуйки, достигая костей. Я могу создавать своё тепло, но приятно греться в этом восхитительном солнечном свете.

Отец всегда говорил, что разные элементы природы питают силу каждого дракона. Моя способность — ярко-оранжевый огонь, так что логично, что солнечные ванны восстанавливают мою энергию быстрее, чем просто отдых. Варекс, со своей магией пустоты, предпочитает темные ночи без луны и часто отправляется в полеты среди полуночи.

Солнце может восстанавливать мою магию, но оно также навевает сон. Усталость сковывает меня: сердце ранено, тело измотано, а то немногое, что я успел получить при отдыхе прошлой ночью, явно недостаточно. Когда веки начинают смыкаться, я не сопротивляюсь. Мое тело загораживает вход в пещеру. Если Принцесса снова решит

направиться к обрыву, я почувствую это и смогу её остановить. К счастью, она, кажется, стала менее склонна к саморазрушению, когда поняла мою истинную цель. Мне следовало объяснить всё это с самого начала.

Но, как я уже говорил, я ей ничего не должен.

Купаясь в тёплом солнечном свете, я погружаюсь в сон.

Пока её голос не нарушает тишину.

— Когда-то у меня была жена,

Что забрала мою жизнь,

И похоронила меня

Под водой морской.

Чёрт ее побери.

Она поёт громко, весело. Нарочно нарушает мой покой, маленьким актом мести.

Я не дам ей удовольствия знать, что она разбудила меня. Хотя дрожь в заострённых ушах, возможно, уже выдала меня.

Принцесса продолжает петь:

— Моряк поймал меня в свою сеть

С лодки, что выиграл в пьяном споре.

Я поглотил его душу,

Чтобы стать целым,

Какую глупую историю она рассказывает, и какой дурацкой песней её сопровождает. Она крутится по кругу, и конца ей нет, нет конца — кто мог выдумать такое отвратительное средство пытки?

— Я отправился в таверну, чтобы выменять эль,

И трактирщица молила: «Расскажешь мне историю?»

И я ответил…

Когда-то у меня была жена,

Что забрала мою жизнь,

Каждый раз, как я начинаю снова засыпать, принцесса меняет тембр или громкость голоса. Наконец, я не могу больше это терпеть. Я резко поднимаюсь и поворачиваюсь, хвост хлещет воздух, крылья изогнуты, челюсти сжаты.

Она сидит в гнезде, облачённая в рваные кусочки розового шёлка — один из них завязан вокруг талии, другой обвивает грудь. Глаза её широко раскрыты, в них смешаны ужас и возбуждение, и она улыбается с торжеством, наслаждаясь тем, что вызвала мою реакцию.

Черт возьми, она безумно красива.

Слова вырываются из моего горла в виде раздражённого рычания.

— Ты отвратительна.

Её улыбка становиться жестче.

— Говорит отвратительное чудовище.

Я медленно подкрадываюсь к ней, как хищник, подходящий к добыче.

— Ты прекратишь петь эту песню.

— Заставь меня.

— Какое упрямство для такой хрупкой и беззащитной.

Она делает шаткий вдох, когда я возвышаюсь над ней и сверлю её взглядом. Воздух вокруг нас становится густым и натянутым, как электрическое напряжение. Я не знаю, что собираюсь сделать. Я отказываюсь вредить ей, но она выводит меня из себя так, что мне нужно сделать с ней что-то. Я хочу её тело между моими зубами, под

языком, прижатое к моим чешуйкам. Я восхищаюсь её ярким, живым мужеством, и всё же хочу, чтобы она подчинилась мне, покорилась.

Я опускаю нос и проводя им по её щеке, позволяя ей почувствовать моё горячее дыхание.

— Ты, — бормочу я. — Ты должна быть хорошей девочкой.

Она резко вдыхает. Не отстраняется.

Мой язык вырывается вперёд и проводит линию по ее горячей, розовой щеке. На этот раз возбуждение намного сильнее, оно пронзает меня от рогов до хвоста.

Она начинает петь снова, тихо.

— Я поглотил его душу, чтобы стать целым…

Из груди вырывается рычание.

— Ты хочешь, чтобы я тебя убил?

— Может быть. — Что-то пугающее мелькает в её глазах.

— Не думаю, что ты этого хочешь. Ты слишком полна духа, жизни. Ты источаешь жизненную силу, мужество… что-то… — Я вдыхаю её аромат, эту хрупкую сладость.

— Я делаю это, не потому что хочу, чтобы ты меня убил… больше не хочу. Но я хочу, чтобы ты страдал. Ты заслуживаешь страданий. Все драконы их заслуживают за то, что они сделали.

— Вы нас преследовали.

— А вы не преследовали вас раньше? Потому что я слышала, что много веков назад драконы ели людей. Мы были такими вкусными маленькими закусками для вашего рода.

— Вкусными… маленькими… закусками, — пробурчал я, проводя языком по её горлу. — Продолжай дразнить меня, принцесса. Посмотрим, что будет.

Она дышит тяжело и быстро, но поднимает подбородок. Будто даёт мне доступ к горлу.

Я прижимаюсь к её шее, рисуя по ней влажными мазками языка. Я едва понимаю, что делаю, и не понимаю, что происходит. Тепло пульсирует между нами, безумное голодное влечение, животная потребность.

Когда она говорит, её голос дрожит.

— Ты заключил союз с Ворейном не только из-за злобы на прошлые обиды. Должно было быть что-то ещё.

На её проницательное замечание я останавливаюсь.

— Да. В этом году нас поразила новая чума, и она уничтожила всю живность на этом архипелаге. Другие острова лишены всего, кроме самых мелких животных.

— Чума распространялась между островами? Это довольно необычно, разве нет?

— Наверное, да. Я никогда раньше не задумывался над этим, но это странно, как чума распространилась так быстро. Она не заражала драконов… мы прилетали с одного острова на другой, надеясь на добычу, и находили, что чума уже уничтожила большинство зверей. Будто болезнь обладала собственным разумом и пыталась намеренно нас истощить. У нас на Уроскелле едва ли хватает пищи для выживания, — говорю я ей. — Но когда появится следующий выводок драконов, нам нужны лучшие угодья для охоты, иначе многие из нас умрут от голода. Молодняк растет быстро и им требуется много пищи для поддержания роста. Благополучие драконят должно стоять выше благополучия взрослых и старейшин.

— Старейшины — это взрослые драконы? — Она осторожно отодвигается, избегая моего языка. — Сколько тебе лет?

— Мне будет двадцать пять лет через три недели после Ребристой луны.

— И сколько живут драконы?

— Счастливчики живут до ста пятидесяти лет. Любой дракон старше восьмидесяти считается старейшиной. — Я колеблюсь, прежде чем продолжить, но, поскольку она вскоре станет драконом, думаю, ей стоит знать это. — Старейшины и взрослые переживают брачную лихорадку каждые двадцать пять лет без исключений, но мы фертильны только два или три из этих циклов. Некоторые драконы спариваются много раз за сезон, но так и не дают потомства, а другие откладывают одно или два яйца, и не все из них могут вылупиться.

— А сколько времени нужно, чтобы драконье яйцо вылупилось?

— Яйца откладываются примерно через неделю после спаривания, и могут вылупиться в течении семи дней. Некоторые яйца требуют немного больше времени. Мой брат опоздал на три недели, но его случай был редким. Обычно, к тому времени, мы понимаем, что яйцо не жизнеспособно.

Мне кольнуло сердце, когда я вспомнил разговор с Варексом о его вылуплении. Я жажду испытать радость вылупления с членами моего клана.

Принцесса нахмурила маленькие бровКи.

— Насколько я понимаю, это будет твой первый брачный сезон?

— Да. — Я отступаю от неё, ощущая внезапное чувство вины. — Я должен был пережить его с Мордессой, но её уже нет.

— Она была твоей невестой?

— Моей Нареченной, да. Она была бы моей спутницей на всю жизнь.

— То есть ты любил её.

Почему это так важно для всех? Любовь, любовь, чёрт возьми, любовь… есть и другие узы, не менее важные.

— Я испытывал восхищение ей, — мрачно говорю я. — Она была сильной и умной. Искусной воительницей и охотницей. Красивой и здоровой.

Принцесса приподнимает бровь.

— Это всё?

— Я тебе говорил, не все драконы выбирают спутника жизни по страсти.

— Звучит, печально. Я думала, что союз, в котором сочетаются и восхищение, и страсть, был бы идеальным.

— Ну… да, полагаю, так. Не всем выпадает такая удача. — Я думаю об отцах Мордессы, о силе их связи, о легкой зависти, которую почувствовал, глядя на них.

— И ты планируешь превратить нас всех в самок-драконов, после чего ты будешь… — уголок её губ дрогнул, — исполнять для нас брачные танцы? Какие они, эти танцы?

— У меня такое чувство, что ты насмехаешься надо мной.

— Правда? — Она невинно моргает.

— Брачные танцы — это священные, величественные представления.

— Уверена, что так. Покажешь мне один?

Я отхожу от неё подальше, рыча.

— Я не стал бы исполнять брачный танец для тебя, даже если бы ты была последней самкой на земле. Пока моя обязанность — держать тебя живой и здоровой, но я решил, что, когда твоя трансформация завершится, тебя отправят к другим самкам до брачной лихорадки, во время которой твоим партнёром станет другой

самец. Возможно, его терпение окажется больше моего. Или, может быть, превращение в дракона изменит твоё дерзкое поведение на что-то более приемлемое.

Я направляюсь к выходу из пещеры. Спустя мгновение камень ударяет меня в бок. Впрочем, это скорее был мелкий камешек, но должно быть, принцессе пришлось приложить немалые усилия, чтобы бросить его.

Обернувшись, я вижу её за пределами гнезда, покрасневшую и в ярости.

— Мне не нужно становиться приемлемой для тебя, — говорит она. — И ты ничего не знаешь о моём истинном характере.

— Я знаю только то, что ты показала. Есть ли в тебе что-то ещё, кроме девчонки, которая гадит там, где спит, и бесконечно ворчит о мыле, одежде и чае?

Она стоит с сжатыми кулаками. Когда она не отвечает, я отворачиваюсь от неё и выхожу на свет.

Спустя несколько долгих мгновений я слышу слабый звук её босых ног, скользящих по камню, она приближается ко мне. Она садится, скрестив ноги, сбоку от меня, так что я могу видеть её краем глаза.

— Я люблю читать, — тихо говорит она. — Люблю заучивать стихи и песни. Разные песни, не только раздражающие. Иногда я сама пишу песни, но никогда их никому не пою. Мне нравится готовить. Люблю шить и вышивать. И гладить. Это процесс разглаживания складок на одежде. Большинство людей считают его скучным, но мне он кажется успокаивающим, и меня не пугает жар.

Я не понимаю, что означает «вышивать», или зачем нужно разглаживать складки с одежды, но не спрашиваю.

— Я никогда не была принцессой, которая ничего не делает, — продолжает она. — Мне всегда нравилось помогать слугам с работой или с их детьми. Иногда они приводили своих малышей во дворец, и я качала их или играла с ними, пока их родители работали. Лучший возраст — когда дети начинают пытаться говорить. Их глаза такие яркие, и они издают все эти мягкие, нетерпеливые звуки, и смотрят на тебя с таким счастьем и надеждой. Я люблю детей. Всегда любила. Я люблю животных — собак и лошадей. Мою любимую лошадь зовут Фейэвезер. Она будет ужасно по мне скучать. Я надеюсь, что Ворейнцы не будут слишком сильно её нагружать и не сломают её дух.

Тихая грусть в её голосе пробуждает и мою собственную боль, но мягко, словно ветер, шуршащий по траве.

— Я всегда думала, что мне лучше было быть горничной, а не принцессой, — шепчет она. — Мне нравится разбирать шкафы и полки. Выбивать ковры в ясный утренний день. Подметать, сочиняя песни в голове. Может быть, мне суждено было быть женой крестьянина на какой-нибудь процветающей ферме, окружённой сладкими, розовощекими детьми. Может быть, я родилась принцессой по ошибке. Мне всегда не хватало тех амбиций и той безжалостной уверенности, которые нужны, чтобы быть правителем. Во всяком случае так думала моя мать. Это причина, по которой она не рассказывала мне много о войне, не спрашивала моего мнения по государственным делам, не давала мне никаких обязанностей, кроме редких миссий с благими намерениями — посещать бедных или больных. Она использовала меня как игрушку, чтобы отвлекать и успокаивать народ. И, вероятно, она бы устроила для меня брак по договоренности через год-два, если бы Элекстан выжил в войне.

— Она упряма, твоя мать, — говорю я. — Во время тех недель, когда мы сражались за Ворейн, я часто удивлялся, почему она не сдалась. Поражение твоего

королевства было неизбежно с того момента, как мы заключили союз с вашими врагами. Если бы она сдалась, нам бы не пришлось убивать так много ваших солдат.

— Её упрямство, может быть, — единственное, что я унаследовала от неё, — признаёт принцесса. — Ты сказал «она упряма», а не «была упряма». Думаешь, она ещё жива? Король Ворейна пообещал заточить нас обеих, а не убивать, но мне хотелось бы знать точно, пощадил ли он её.

— Мне нужно будет встретиться с ним в ближайшее время, могу спросить его.

— Буду благодарна.

Слово «благодарна» тревожит меня, и кажется, что оно беспокоит и её. Она встаёт, бурча что-то себе под нос, и, фыркнув, уходит в глубь моей пещеры.

Мы больше не говорим. Полагаю, мне следовало бы поохотиться или посетить клан, но по какой-то причине я не могу заставить себя покинуть логово. Мысль о встрече с другими драконами невыносима. Мне гораздо приятнее свернуться в гнезде и не двигаться, не говорить и не есть несколько дней.

Но как один из принцев Уроскелле, я не имею права на такой угрюмый покой. Иссириан появляется у выхода из пещеры вскоре после моего разговора с пленницей. Он кивком головы приветствует меня, но я замечаю по натянутой позе его шипов, что он взволнован. Он бросает взгляд на принцессу, прячущуюся в тени у гнезда, а затем говорит со мной на драконьем языке, видимо, не желая, чтобы она услышала.

— Моя пленница всё время требует «расческу для волос». Она очень настаивает на этом. Ты знаешь, что она имеет в виду?

— Ты спросил её?

— Я не хочу, чтобы она посчитала меня глупым и малообразованным в знаниях о людях, — признаётся Иссириан. — Я хочу, чтобы она восхищалась мной.

— Хорошо... — Я бросаю взгляд на свою пленницу, но мне тоже не хочется просить её объяснить этот термин. — Думаю, расческа для волос — это... расческа для волос.

— Щетка?

— Я видел, как воины Ворейна гладили своих лошадей большими деревянными веслами с щетинками. Они называли это «расческами».

— Большое весло с щетинками. — Иссириан с радостью кивает. — Я видел сломанное весло на северо-западном пляже. Наверное, оно прибилось к берегу после кораблекрушения. Думаю, я смогу сделать что-то из этого. Спасибо, мой принц.

После его ухода я ползу в гнездо, но вскоре вылезаю снова, чтобы должным образом встретить следующего прибывшего — Рорриса, слоновидного дракона с алыми крыльями.

— Мой принц, — говорит он тоже на драконьем языке. — Моя женщина плачет с тех пор, как я принёс её в свою пещеру. Могут ли люди погибнуть от слёз? Я не знаю, как это прекратить.

— Погибнуть от слёз? Нет, не думаю, что это возможно. Но так как она теряет жидкости из глаз в больших количествах, тебе стоит позаботиться, чтобы она пила побольше воды.

— Солёной воды? — предлагает Роррис. — Слёзы солёные. Может быть, ей нужно пить морскую воду, чтобы восполнить запасы солёной воды в теле.

— Думаю, родниковая вода подойдёт. Но можешь попробовать и морскую воду, посмотрим, как она отреагирует.

— Попробую, спасибо.

После его ухода я наслаждаюсь почти часом покоя, пока в мою пещеру не врывается Гавенат, его фиолетовый хвост нервно хлещет воздух, и он восклицает на драконьем языке:

— Моя пленница кровоточит!

— Кровоточит? Ты её ранил? Укусил?

— Нет, мой принц.

— Где рана?

— Между её ног. Она, кажется, не переживает, но я чувствую запах крови. Я думаю, она положила повязки внутрь одежды, чтобы остановить кровотечение, но, насколько я могу судить, кровь продолжает идти.

— Она испытывает боль?

— Она злится. Что бы я ни делал, она кричит и проклинает меня.

— Положи её в гнездо и позволь отдохнуть, — говорю я. — Накрой её дополнительной травой, чтобы она не замёрзла, и принеси ей много ягод. Если кровотечение продолжится, скажи ей, что нужно осмотреть рану, чтобы убедиться, что она не смертельна.

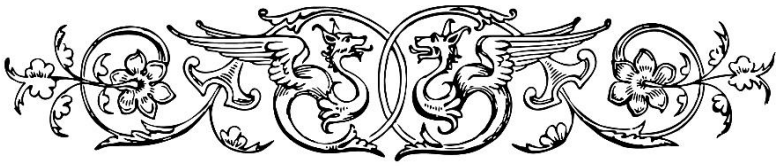
— А если она не даст мне осмотреть рану?

— Тогда возвращайся ко мне, и я приведу принцессу в твою пещеру. Может быть, твоя пленница позволит другому человеку осмотреть её.

Гавенат благодарит меня и улетает. Я не стараюсь снова устроиться в гнезде. У меня предчувствие, что это будет долгий день.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

10. Серилла



Не знаю, почему я сказала «благодарна», когда дракон предложил выяснить правду о судьбе моей матери. Я никогда не могла быть благодарна такому существу, независимо от того, какие обрывки новостей он посчитает нужным мне принести. И что я думала, позволяя ему тереться о меня и облизывать шею? Сначала мне показалось, что он собирается меня съесть... а потом я не могла думать ни о чём, потому что его влажный, бархатистый язык скользил по коже, а глубокий голос вибрировал в крови, гудел и возбуждал её до самой…

Боже, нет. Нет, нет, нет.

Я сделала правильно, отталкивая его от себя, не могу позволить ему снова оказаться так близко.

День и вечер тянутся медленно. Драконы несколько раз заходят в пещеру, чтобы поговорить с моим похитителем на драконьем языке. Каждый раз они склоняют головы в знак уважения перед тем, как начать говорить. Похоже, они сообщают ему о проблемах и заботах, которые он решает спокойным, уверенным тоном. Каждый посетитель уходит из пещеры успокоенным.

Мне тяжело признать это, но он действительно кажется достойным правителем… за исключением, конечно, массовой резни моего народа. Но, как он сказал, моя мать отчасти виновата в этом. Гордость не позволила ей уступить, даже когда наша погибель стала неизбежной.

Последний посетитель дня приходит на закате. Это Роткури, синий дракон, чья пленница выглядит гораздо более довольной, чем я. Приятный аромат предшествует его появлению, и когда он приземляется, я невольно спешу вперёд. Он несёт свёрток ткани в зубах, и когда кладёт его на землю, один из когтей сдвигает ткань, и из свёртка выпадает кусок жареного мяса.

Не сдержавшись, я вскрикиваю от нетерпения. Мясо ещё горячее, от него валит дымок.

— Мой Принц, это оленина, приготовленная другими женщинами, — говорит он на Общем Языке. — Это для вашего сокровища. — Он склоняет голову в знак почтения.

Сокровище? Мне это нравится больше, чем «пленница».

— Она не мое сокровище, — рычит чёрный дракон.

Я отвечаю Роткури поклоном.

— Вот кто умеет обращаться с женщинами, — говорю я, делая на этом акцент. — Благодарю тебя.

Глаза синего дракона сияют, и он двигается вперёд с плавной грацией. Если бы я не знала его лучше, я бы сказала, что в его взгляде появляется похотливое свечение и в том, как его язык скользит между зубами, когда он говорит:

— Добро пожаловать, Ваша Светлость. Если я могу чем-то помочь, чтобы вам было комфортнее, приятнее…

— Хватит, — рявкает мой похититель. — Оставь мясо и займись своей женщиной.

— Конечно, мой Принц. — С ещё одним поклоном в мою сторону Роткури уходит.

Я сразу хватаюсь за мясо и откусываю. Оно восхитительно, приправлено травами.

— Они не должны баловать своих женщин, — говорит мой похититель. — Вам всем нужно научиться есть мясо сырым, как драконы.

— Зачем мы должны учиться этому сейчас? У нас будет достаточно времени, когда мы станем драконами… если мы когда-нибудь ими станем. — Я откусываю еще кусок, немного постанывая от удовольствия вкуса оленины.

Чёрный дракон следит за мной, прищурив глаза.

— В следующий раз я приготовлю для тебя мясо сам, своим огнём.

— Ты думаешь, я хочу мясо, обугленное твоим драконьим дыханием? Нет, спасибо.

— Ты слишком привередлива.

— Разве это привередливость — хотеть съедобную пищу? — Я поднимаю на него брови. — Может быть, тебе стоит полететь к другим пещерам и посмотреть, как твои соплеменники обращаются со своими женщинами. Судя по всему, некоторые из них справляются с этим гораздо лучше тебя.

— А некоторые гораздо хуже, — огрызается он. — Я ухожу на охоту. Постарайся не убить себя, пока меня не будет.

— Очевидно, я заинтересована в том, чтобы выжить, хотя бы до тех пор, пока не доем этот ужин. Давай, уходи и задержись как можно дольше. Я буду спать лучше без твоего запаха, отравляющего здесь всё вокруг.

Он отступает с обиженным фырканьем.

— От меня не воняет.

— Я лишь намекаю, что один из нас сегодня мылся, а другой — нет. Ты пахнешь сырой козой, старым седлом… и грязью.

Он шипит на меня, а я прячу улыбку, откусив ещё один кусок жареной оленины. С полным ртом говорю:

— Прежде чем уйти, мне нужен источник света и тепла. Принеси мне дрова для костра.

— У меня в пещере есть Дайр-камни. Я могу нагреть один для тебя.

— Я не знаю, что такое Дайр-камень, но я хочу костёр. Потрескивающий, приятно пахнущий костёр, за которым приятно наблюдать. Разведи мне костёр.

— Ты неправильно понимаешь свою ситуацию, — отвечает он. — Ты, кажется, пребываешь в иллюзии, что я обязан предоставлять тебе всё, что ты захочешь, и исполнять каждое твоё требование. Это совершенно не так.

— Прекрасно. В следующий раз, когда я увижу одного из твоих собратьев-драконов, я расскажу им, как плохо их лидер со мной обращается. Возможно, кто-нибудь из них возьмёт меня под своё крыло и будет заботиться обо мне так, как я заслуживаю.

— То, что ты заслуживаешь, — рычит он, — это тёмная яма с застоявшейся водой и кровососущими жуками, ты, маленький раздражитель. Ты такая обуза, неудивительно, что твоя мать не…

Он резко замолкает, но слишком поздно. Я уже догадываюсь, что он собирался сказать.

Да пошёл он.

Я немного доверилась ему, а он использовал моё признание, чтобы ранить меня. Он побеждает меня в моей собственной игре.

Я кладу мясо обратно на ткань, вытираю рот тыльной стороной ладони и выпрямляюсь во весь рост.

— То, что я заслуживаю, — это жить так, как я сама хочу, а не подвергаться магическому превращению без моего согласия. Если ты считаешь, что принуждение самок другого вида становиться драконами делает тебя хорошим принцем, ты ошибаешься. На самом деле, я думаю, ты, возможно, худший правитель, который когда-либо был у твоего клана. Ты втянул их в войну, погубил половину из них, а другую половину заставил стать похитителями беззащитных женщин. Ты подвёл их. И поскольку ты привёл свой клан к войне, смерти драконих — твоей Невесты, твоей бабушки, твоей сестры — все они на твоей совести.

Я сделала это. Я причинила ему боль в ответ. Я вижу это во вспышке его глаз, в оранжевом свете его ноздрей. Хотя у него драконьи черты лица, я читаю их так же ясно, как своё собственное сердце. Я знаю признаки внутренней агонии.

Почти сразу во мне рождается сожаление. Не потому, что он не заслуживает боли, а потому, что я не хочу становиться той, кем притворяюсь, — эгоистичной, требовательной, бессердечной и жестокой.

Почему я вообще это делаю? Вначале это казалось идеальной стратегией, но теперь, зная больше о ситуации — верен ли этот подход? Что я на самом деле выигрываю, издеваясь над ним, кроме извращённого удовлетворения?

Чёрный дракон не произносит ни слова. Через мгновение он взмывает с уступа и улетает в темнеющее небо.

Что ж… Я всё испортила. Теперь дров для костра он мне точно не принесёт. Я одна в пещере, смотрю на горы, покрытые фиолетовыми тенями.

Клянусь, мне кажется, я слышу музыку, доносящуюся откуда-то далеко внизу. Осторожно я подползаю к краю утёса и заглядываю вниз. И правда, там горят два костра, светящиеся, как светлячки.

Похищенные женщины празднуют. Или, по крайней мере, делают вид, что празднуют, пытаясь сохранять храбрость в плену. Я уверена, они не хотят оставаться здесь и превращаться в драконов, значит, у них есть какая-то альтернатива, чтобы выбраться. Или же жители моего города были в куда худшем положении, чем я думала, и побег прямо перед финальным вторжением Ворейна стал для них спасением. Я не могу быть уверена, ведь не могу дотянуться до этих женщин, не могу поговорить с ними.

Слова дракона о моей матери, вместе с видом костров внизу, окончательно выбивают меня из колеи. С тех пор, как меня похитили, я лишь немного плакала, но внутри всё больше становилась хрупкой. Сегодня дракон отвлёк меня своим присутствием и нашими перепалками, но теперь его нет, и мне некого дразнить, некому бросать вызов. Нет ничего, что могло бы отвлечь меня от моего отчаяния.

Меланхоличная нить музыки проникает в моё сердце — вздох струн, глухой ропот флейт и далекий голос женщины, поющей скорбные, тоскливые ноты. В груди поднимается рыдание, распирающее изнутри. Я пытаюсь его сдержать, но от этого оно становится лишь более уродливым, когда вырывается из моего горла, ужасным и рваным. Всё моё тело содрогается, пока слёзы струятся по щекам и капают с подбородка. Я склоняюсь к каменному полу, рыдая.

Тяжёлый, ритмичный звук проникает сквозь мои мысли. Удары крыльев.

Чёрный дракон врывается в пещеру прежде, чем я успеваю собраться. Я поднимаю на него взгляд, моё лицо всё мокрое от слёз.

Он раскрывает когти, и на пол падает связка сухих веток. Он подталкивает их к куче своим носом, выдыхает горячий воздух, и они вспыхивают пламенем. Затем он снова взмывает в воздух и улетает, не сказав ни слова.

Я ошеломлённая смотрю на пляшущее пламя.

После всего, что я сказала ему о его близких… он всё равно принёс дрова.

Я подползаю к огню, подбирая оставшийся кусок мяса. Откусываю понемногу, пока слёзы высыхают на щеках. Внутри всё ещё болит, но самая острая боль утихла, смягчённая этим простым актом доброты.

Медленно ко мне возвращаются энергия и смелость. Мой интерес возрос, когда дракон вытащил глиняную чашу из какого-то внутреннего углубления своей пещеры, поэтому, закончив трапезу, я решаю исследовать пещеру более тщательно при мерцающем свете костра. В расселине в глубине пещеры я нахожу несколько примитивных глиняных чаш. В одной лежат разноцветные ракушки, а три другие переполнены кусочками дорогих на вид украшений. В небольшой миске находятся зубы разных животных — думаю, хищников. Я узнаю клыки гадюк, треугольные зубы акул и клыки какого-то волкоподобного существа.

Рядом лежит толстый шнур, сплетённый из травы или водорослей, с привязанными к нему костями. Мне кажется, это когти, кости пальцев, позвонки или зубы драконов. На каждом из них выгравированы символы, похожие на те, что украшают пещеру. Это похоже на реликвии — думаю, недавние. Возможно, они принадлежат погибшим драконихам. Принц упоминал что-то о «сборе костяной дани мёртвых».

На каменной полке, высеченной в стене, лежит огромный зуб с выгравированными на нём символами, а рядом — крупный коготь из чёрного дерева с белыми отметинами, процарапанными на его поверхности. Вокруг зуба и когтя разбросаны кусочки блестящих ракушек и несколько монет.

Я узнаю алтарь, когда вижу его. Но эти утраты не недавние — на предметах лежит лёгкий слой пыли. Возможно, эти реликвии принадлежат его родителям. Очевидно, он и его брат с сестрой унаследовали власть на этом острове, а значит, их родители погибли.

Мой взгляд снова падает на глиняные чаши. Полагаю, драконам время от времени нужно где-то хранить вещи. С их передними лапами и когтями они могли бы сделать эти простые блюда, а их огненное дыхание заменило бы печь для обжига глины.

Обнаружение реликвий заставляет меня задуматься, и я возвращаюсь к гнезду, обременённая мыслями обо всех смертях, вызванных войной. Мне начинает казаться, что я слышу треск костей крыльев и шипение призрачных драконов, привязанных к этому миру через воспоминания, которые сохранил их принц. Жуткая мелодия, которую мой разум создаёт в сопровождение этой мрачной фантазии, не помогает.

Когда чёрный дракон возвращается, я чувствую облегчение, увидев его. Огонь уже почти погас — слава богу, он вернулся до того, как это произошло, иначе я могла бы умереть от страха перед призраками-драконами.

Он стоит на всех четырёх лапах на противоположной стороне костра и слегка расправляет крылья, чтобы поймать остаточное тепло. Впадины под его суставами крыльев выглядят влажными, а чешуя блестит больше, чем обычно.

— Ты купался? — спрашиваю я.

Он бросает на меня косой взгляд и слегка встряхивается, прежде чем подойти к гнезду. Он тычет когтем в места, где были удалены загрязнённые куски, явно раздражённый из-за получившейся асимметрии. Но через несколько мгновений он прекращает свои придирки и сворачивается в гнезде, его чёрный, усеянный шипами хвост свисает через край и лежит на каменном полу.

Похоже, сегодня ночью мы делим гнездо. Что, в общем-то, не проблема, поскольку оно было построено, чтобы вмещать двух взрослых драконов и одного-двух детёнышей. Но как-то так получается, что лежать рядом с ним кажется слишком уязвимым. Слишком интимным. Я не могу перестать думать о том, как он лизал мою щёку, мою шею — «будь хорошей девочкой»

О, боже.

Я его ненавижу. Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Я перебираюсь на другую сторону гнезда и ложусь на самом краю, там, где травы сплетены, образуя ободок. Драконы в своём стремлении к гнездованию похожи на больших птиц, но они также напоминают ящериц, а иногда манера, с которой принц движется, напоминает кошачью грацию.

Он смотрит на меня своими золотыми глазами.

— Тебе холодно?

— Нет. — Но на самом деле мне зябко. Несмотря на весеннее тепло, которым мы наслаждались днём, мы находимся высоко, на острове, в пещере, где часто ветрено. На мне лишь лоскут ткани, завязанный на груди, и ещё один, обёрнутый вокруг талии. Не слишком-то надёжная защита от непогоды. Я не могу не тосковать по мягким, пуховым глубинам своей королевской постели дома.

— Тебе холодно, — твёрдо говорит дракон. — Иди сюда.

— Зачем?

— Ты можешь прижаться к моему животу и согреться моим теплом.

О, чёрт. Ни за что.

— Не думаю. — Мой голос звучит высоко и фальшиво, даже для меня самой. — Мне здесь очень комфортно.

— Принцесса. — Его голос становится ниже, наполняясь повелительными нотами. — Подойди ко мне.

— Я не хочу лежать рядом с тобой или быть возле тебя вообще. По крайней мере, позволь мне сделать этот выбор. Ты отнял у меня всё остальное.

Тишина. Огонь даёт последний отблеск и искру, прежде чем последняя ветка рассыпается в пепел.

Дракон говорит низким, утомлённым голосом:

— Ты хочешь, чтобы я отпустил вас всех? Хочешь, чтобы я нашёл женщин, которые согласились бы стать драконами?

— Да.

— А как много людей, по-твоему, добровольно согласятся на это превращение, чтобы спасти наш вид?

Я хмурюсь в темноте.

— Уверена, такие есть.

— Единицы, спорю на что угодно. У нас нет времени искать тех, кто согласится, или убеждать тех, кто не хочет.

— Разве вы не можете подождать до следующего сезона спаривания?

— Брачное безумие — это мощный зов. Мы можем частично контролировать его, но драконы, которые не спариваются во время сезона, теряют часть своей силы. Их магия слабеет, и они становятся более уязвимыми к болезням.

— Это несправедливо.

— Жизнь редко бывает справедливой. Мы цивилизованы во многих отношениях, но остаёмся пленниками инстинкта размножения. Даже пары одного пола спариваются во время сезона, хотя и не производят яиц.

Я лежу неподвижно, размышляя.

— А что насчёт тех, кто не хочет выбирать гендер? У меня был друг во дворце, который не любил ограничивать себя выражением только одного пола.

— Такие случаи редки среди драконов, — отвечает он. — Драконы выбирают предпочитаемый пол, находясь внутри яйца, и вылупляются, когда их выбор становится определённым.

— А если они передумают позже?

— Тогда мы называем их так, как они сами пожелают, независимо от их биологического облика. Мне нет дела до того, какие органы находятся в кармане дракона.

— И никто из вас не занимается сексом, кроме как во время сезона спаривания, раз в двадцать пять лет? — спрашиваю я.

— Верно.

— Это сложно для людей. Большинство из нас любит заниматься сексом часто или, по крайней мере, часто доставлять себе удовольствие, даже если у нас нет партнёра.

Его жёлтые глаза моргают.

— Как возможно достичь удовольствия без партнёра?

У него есть какое-то ночное зрение — неужели он видит, как я сильно покраснела? Я сама в это влезла, так что, видимо, придётся объяснить.

— Мужчины используют свои руки, чтобы гладить свой член и достичь приятного освобождения. А у женщин тоже есть чувствительные места. Те части, которые я показала тебе сегодня… они чувствительны как снаружи, так и внутри. Прямо спереди у нас есть крошечный бугорок, как очень маленькая ягода или выступающий кусочек плоти. У каждой женщины он выглядит по-разному, но при стимуляции это доставляет невероятные ощущения.

— Как его стимулируют?

— Обычно пальцами, если женщина одна, или ртом и языком партнёра, до тех пор, пока не достигнется кульминация… и тогда… боже, это потрясающее чувство. Мы называем это оргазмом.

Собственные слова начинают пробуждать во мне жаркое возбуждение. Я ощущаю, как между ног становится влажно. Если бы я сейчас не лежала в гнезде дракона, я бы прикоснулась к себе.

— И это восхитительное чувство сделало бы тебя счастливой, довольной и расслабленной? — спрашивает дракон.

Он становится слишком заинтересованным в этой теме.

— Да, но сексуальное удовольствие не решает проблемы и не даёт длительного комфорта. Это всего лишь временно.

— Любой комфорт временный, но это не делает его бесполезным, — его огромное тело движется, издавая шорох в гнезде. — Покажи мне эту часть снова. Я использую свой язык, чтобы сделать тебя довольной и расслабленной.

— Нет! — вскрикиваю я, сжимая ноги. — Такие вещи не делаются между драконами и людьми, и уж точно не между врагами.

— Почему нет?

Почему нет? — требует мое тело. Почему, чёрт возьми, нет?

— Это неправильно, — шепчу я. — Как если бы я позволила лошади или волку трахнуть меня.

— Но я бы не трахну тебя, а только лизну. И я не совсем зверь. У меня есть более высокие цели.

— Нет, я… дело не в этом. Ты, очевидно, очень умен, и… чёрт, дело даже не в умственных способностях…

— Это потому, что мы - враги. Ты презираешь саму мысль о моём языке на своих гениталиях, потому что ненавидишь меня.

На мгновение я представляю себя, распростёртую в гнезде, с вытянутой мордой дракона между моих ног, его язык скользит из пасти, проникая внутрь меня…

Моя промежность отчаянно пульсирует. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не прижать к ней руку.

— Тебе стоит прикоснуться к себе, если это принесёт тебе комфорт и удовольствие, — говорит дракон.

— Я не могу сделать это в твоём присутствии. Это было бы неприлично.

— Так много правил, — бормочет он. — Если бы у драконов были такие части и подобные склонности, мы бы пользовались этим в полной мере. Жизнь и так достаточно тяжела, чтобы лишать себя простых удовольствий.

— Что для тебя является простым удовольствием?

— Полёт на закате. Хороший кусок оленины. Прогулка по пляжу на рассвете. — Он тяжело вздыхает. — Вилар — моя сестра — она любила пляж.

— Не знаю, нравился ли моей матери пляж или нет. Иногда она отправляла меня туда с гувернанткой, несколькими стражниками и несколькими служанками. Иногда она позволяла мне взять с собой пару дочерей местной знати. Но сама никогда не ездила с нами.

Мы оба так долго молчим, что я уверена: он, должно быть, заснул. Но он снова, тяжело вздыхает, от боли и беспокойства. Его движения в гнезде отрывисты, он расстроен. Я слишком хорошо знаю это чувство, когда ты жаждешь сна, а он безжалостно ускользает.

Его вздох даёт мне повод поддаться порочным желаниям, бушующим в теле. Повод позволить себе сделать что-то по-настоящему извращённое.

— Тебе станет легче, если я позволю тебе меня полизать? — тихо спрашиваю я.

Он замирает.

— Это было бы приятным отвлечением от моих мыслей.

— Если я позволю тебе это сделать, ты никому не расскажешь. Ни своим собратьям-драконам, ни кому-либо из пленниц.

— Клянусь костями моего отца.

Мои пальцы нащупывают лоскут юбки, который я сделала для себя. Я задираю его до талии, затем приподнимаю задницу и снимаю нижнее бельё.

— Ну же, — шепчу я.

Звук его огромного тела, грузно передвигающегося по гнезду, почти заставляет меня отказаться от своего согласия. Но когда я поднимаю ноги и раздвигаю бёдра, я слегка провожу кончиками пальцев по своему лону. Оно влажное и тёплое, такое чувствительное, что я громко стону.

— Я что, наступил на тебя? — В голосе дракона слышится ужас.

— Нет, — уверяю я его. — Я издаю такие звуки, когда мне приятно. Многие люди так делают.

— Я слышал, что драконы тоже издают странные звуки во время спаривания. — Его голос доносится из-под моих согнутых коленей, и я слегка вздыхаю, поражённая тем, как быстро он занял позицию. Кроме блеска его жёлтых глаз, я вижу лишь смутные очертания его фигуры в темноте.

— Будь нежен, пожалуйста, будь нежен, — шепчу я. — Без зубов, только языком.

— Только мой язык, — обещает он. Его голос такой низкий, такой глубокий, такой насыщенный тьмой и огнём, что я дрожу в предвкушении. Я сжимаю колени, отводя ноги назад, дрожа. В ожидании.

Его язык скользит по моему клитору, и я схожу с ума. Из горла вырывается резкий крик абсолютного экстаза.

Он отстраняется.

— Это было неправильно?

— Нет, нет, это было идеально. Сделай это снова. Снова и снова. О черт! — Я задыхаюсь, когда его огромный язык ласкает меня. Он раздвоен, боже, он раздвоен и извивается, исследуя половые губы, скользя по моему влагалищу. — Боже, да!... Попробуй меня, поиграй со мной...

Я дрожу, испытывая более сильное желание, чем когда-либо в жизни. Я дважды занималась сексом с мужчинами: один раз с тихим, прилежным сыном дворянина, которому я могла доверять и который не стал бы хвастаться, и один раз с мужчиной-слугой, приехавшим с юга. Я сожалела о втором случае. И, возможно, я пожалею и об этом, но сейчас я физически и морально не способна передумать. Я слишком сильно хочу получить удовольствие.

Его язык снова отстраняется, и я протестующе хнычу.

— Почему ты остановился? — Внезапная неуверенность сжимает моё сердце. — Я не нравлюсь тебе на вкус?

— Ты самая вкусная из всех, кого я имел удовольствие пробовать, — говорит он. — Но я хотел попросить тебя показать мне ту часть, о которой ты говорила. Тот маленький бугорок, о котором ты упомянула.

— Мой клитор, — шепчу я. — Он здесь. — Я кладу на него палец.

Его язык снова скользит по моему лону, поднимаясь к тому месту, на которое я указала. Его раздвоенный язык водит кончиком одной части по моему клитору, а другой нежно гладит меня.

— О боже, — выдыхаю я.

Его язык исчезает.

— Ты часто упоминаешь бога. Какому богу ты поклоняешься?

— Сейчас определенно не время для религиозных дискуссий.

— Ладно. — Он снова лижет меня, на этот раз быстрее, и я издаю тихий стон. Я сверхчувствительна, вспотела, мучаюсь, жажду оргазма. Он продолжает играть со мной, лижет и гладит, пока мне не начинает казаться, что я схожу с ума, но не могу получить нужное мне давление.

— Войди в меня языком, — умоляю я. — Здесь. Пожалуйста, здесь. Глубже, глубже.

Его язык погружается в мой вход, извиваясь глубоко внутри меня. Я придвигаюсь к нему, хватаюсь за два шипа на его морде и прижимаюсь к его морде. Его язык пульсирует внутри меня, а чешуйчатая губа плотно прижимается к моему клитору, и я кончаю. Это оглушительная кульминация прекрасной песни, и я всхлипываю от захватывающего дух экстаза, пока длинные челюсти дракона прижимаются к моему лону, а его язык скользит внутри меня.

Он низко рычит, и вибрация проникает в моё тело через этот восхитительный язык, вытягивая из оргазма всё удовольствие до последней капли. Я остаюсь почти без чувств, полностью удовлетворённая и беспомощно обмякшая, когда его язык исчезает. Он поднимает голову, и его жёлтые глаза сияют, глядя на меня.

— Я почувствовал, как ты дрожишь внутри. Я ощутил разницу в твоём вкусе, когда ты достигла кульминации, о которой говорила, — оргазма. Тебе стало легче?

— Чувствую себя потрясающе, — бормочу я.

— Роткури сказал, что его женщина хорошо реагирует на облизывание. — В голосе дракона слышится удовлетворение. — Я рад, что нашёл нужное место. Мы будем делать это чаще, чтобы ты была послушной.

Чтобы я была ... послушной?

Я вскакиваю на ноги — немного пошатываясь от оргазма и пружинящей поверхности гнезда, — но ярость помогает мне устоять.

— Мы больше не будем это делать. И это не какое-то волшебное заклинание, чтобы сделать меня послушной.

— Но...

— Тебе обязательно нужно было всё испортить, да? Ты не мог позволить мне насладиться моментом, тебе нужно было сказать что-то ужасное и снисходительное. Я никогда больше не позволю тебе попробовать меня на вкус!

Свет из ноздрей дракона усиливается.

— Не понимаю, почему ты злишься.

— Конечно, не понимаешь. Ты же просто дракон.

— Чёрт, ты невыносима, — рычит он и выпускает струю огня в потолок пещеры.

Я вскрикиваю и пригибаюсь в гнезде. Его пламя горячее, чем обычно, я чувствую это по тому, как мгновенно натягивается моя кожа, а камни над головой остаются раскалённо-красными ещё несколько секунд. В этом кровавом свете он выглядит устрашающе, его длинная шея и треугольная голова увенчаны двумя зловещими рогами.

— Чего ты хочешь от меня? — рычит он.

— Я хочу, чтобы ты отпустил меня! — кричу я в ответ.

— Нет. — Он пригибается, осторожно подбираясь ближе, его глаза словно расплавленный металл. — Ты - моя. У меня больше ничего не осталось, кроме этого — чтобы драконы выжили. Я дал костяную клятву отцу, когда он умирал. Я обязан защищать этот клан, понимаешь? Я должен сделать всё, что потребуется. — Его грозный голос прерывается. В нём звучит такое отчаяние, что мой гнев начинает угасать.

— Это подходящий способ начать новое поколение? — спрашиваю я его. — Заставляя нас участвовать в сезоне спаривания?

— Никто не будет принуждён. В драконьей форме ты почувствуешь зов… ты сама захочешь участвовать.

— Ты даже не понимаешь, что это неправильно, правда?

— Иногда то, что неправильно, необходимо. Как война. Правитель может ненавидеть то, что должен сделать, но он всё равно делает это.

Я вонзаю ногти в ладони, стараясь сдержать своё разочарование. Крики на него ничего не изменят.

— Ты напоминаешь мне мою мать, — говорю я тихо.

— Я ничем не похож на эту чёртову королеву Электстана, — шипит он.

— Ты больше похож на неё, чем хочешь признать.

— Хватит. — Он резко бросается в гнездо, и моё тело подпрыгивает от его удара о толстую, спутанную траву. — Спи.

— Я усну, но не потому, что ты мне приказал. — Это звучит по-детски, наверное, но я цепляюсь за любую крупицу свободы.

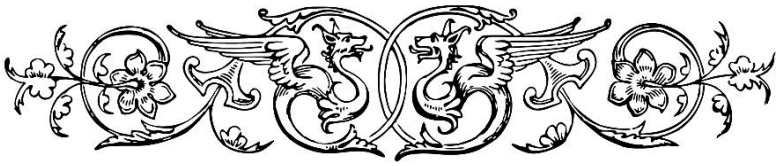
— И без песен, — предупреждает он.

Короткая пауза, во время которой, кажется, он осознаёт свою ошибку.

Я прочищаю горло.

— Когда-то у меня была жена, которая забрала мою жизнь…

11. Киреаган



Голос Принцессы убаюкал меня прошлой ночью. Он становился всё тише после дюжины строк, усталость пересиливала желание досадить мне. Утром, когда я покидаю пещеру и лечу вниз, в расположенный на земле грот, где мои драконы собрали своих женщин, она всё ещё спит.

Когда-то, когда эта пещера служила нам убежищем для стад, мы возвели барьер из камней и упавших деревьев у входа, чтобы держать подальше болотных волков. Теперь пространство внутри превратилось в своего рода двор, достаточно просторный, чтобы вместить женщин, нескольких драконов и два костра.

Я приземляюсь во дворе, пугая трёх женщин, которые заняты обжаркой полосок свинины на заострённых палках над огнём. На плетёном травяном коврике они выставили миски с ягодами, с дикими зёрнами и горшок с молоком. Один из драконов, должно быть, доставил свою женщину к стаду на южной стороне Уроскелле, чтобы достать это молоко. Этот вид тревожит меня, потому что, кажется, подтверждает слова Принцессы — что другие самцы заботятся о своих пленницах лучше меня.

— Это принц, — громко шепчет одна из женщин другим двум. Все трое кланяются мне, выражая человеческое почтение. Не могу отрицать, что их покорность мне приятна, особенно после презрения со стороны Принцессы. Я начинаю замечать обаяние человеческих самок, и эти трое по-своему радуют глаз.

— Всё ли у вас хорошо? — грубо спрашиваю я.

— Достаточно хорошо, — отвечает женщина с алыми волосами. Именно она узнала меня, и, если я не ошибаюсь, она принадлежит Варексу. Должно быть, он привёл её сюда, чтобы она была со своими.

Может, и мне стоит поступить так же с Принцессой. Без меня ей придётся найти кого-то другого, чтобы раздражать. Она поклялась, что я больше не попробую её, так что, возможно, для нас обоих будет лучше существовать порознь. Если я продолжу жить с ней наедине, не уверен, что смогу сдержаться. Прошлой ночью, когда я лизал её, я испытал самые волнующие ощущения в теле, особенно в области гениталий. Даже мой член выдвинулся из щели в темноте — нечто, чего не случалось, если только я не собирался помочиться. Но на этот раз всё было иначе — твёрдое, горячее, напряжённое, сладостное желание, невыразимая нужда. Я жажду этого чувства, жажду вкуса влаги, найденной между ног Принцессы.

Но я должен думать о её благополучии. Как бы я ни ненавидел её, нам придётся существовать в одном клане всю оставшуюся жизнь, так что я должен попытаться заключить мир. Её настроение может улучшиться, если я не буду постоянно напоминать ей о том, что она потеряла. Как она смело сказала мне вчера, во всём этом виноват я. Меньшее, что я могу сделать, — это обеспечить её более комфортными условиями, чем моё гнездо.

Я вхожу в грот, где живут женщины. Они выложили у стены травяные подстилки — по одной на каждую. Здесь явно кто-то управляет. Девушка Варекса, может быть?

В глубине грота течёт ручей, один из множества источников в этих горах. Его воды образуют прозрачный пруд в полумраке. Когда я подхожу ближе, кто-то вскрикивает, и несколько обнажённых женщин бросаются прикрывать себя. Похоже, я прервал их время для купания.

Я резко разворачиваюсь и выскакиваю из пещеры. Рыжеволосая женщина у костра поднимает взгляд на меня, на её остром, бледном лице играет насмешливая улыбка.

— Ты не предупредила меня, — рычу я.

— Кто я такая, чтобы указывать принцу, куда ему можно или нельзя идти? — парирует она.

— Ты ведь принадлежишь Варексу, не так ли?

Её глаза вспыхивают жестоким огнём.

— Я никому не принадлежу.

Эта женщина обладает тем же духом, что и моя Принцесса. Может быть опасно позволить им жить здесь вместе. Со своей логикой и настойчивостью они вполне могут найти способ избежать своей судьбы.

Возможно, я не оставлю свою пленницу здесь на ночь. Но хотя бы на обед я приведу её сюда.

— Оставьте часть еды для Принцессы. — Я взмываю в воздух, перелетая через заграждение, и устремляюсь в небо.

Когда я возвращаюсь, утренний свет наполняет пещеру. Лучи не достигают гнезда, но мягкое сияние освещает Принцессу, которая лежит на боку, расслабленная, одна её длинная нога перекинута через другую. Мне нравится изгиб её бедра, как её тело опускается к талии, а затем снова поднимается к плечу. Спокойствие разглаживает её лоб, который так часто нахмурен от гнева, когда она бодрствует. Её губы — пухлые и розовые.

Моя.

Это слово вырывается невольно, и я тут же восстаю против него. Она не моя. Я отказываюсь считать её своей. Когда она и другие будут превращены, я не стану танцевать для неё и не отдам ей своё тело.

Дракон может соединиться с любым готовым партнёром в период безумия, вне зависимости от того, выбрал ли он его в спутники жизни или нет. Но я предпочёл бы, чтобы моё первое соединение произошло с кем-то, кого я уважаю и кому доверяю. С сильным, достойным воином, как Мордесса. Но не с этой требовательной принцессой, которая мечтает, чтобы её родили простой крестьянкой. Не с этой проницательной женщиной, чьи слова ранят так глубоко.

— Просыпайся! — Я почти рычу, и Принцесса едва не подпрыгивает от испуга. Она резко садится, её светлые волосы торчат клочьями, а огромные голубые глаза смотрят ошарашенно.

— Чёрт! — восклицает она. — Что с тобой не так?

Что-то тёплое разливается внутри меня, перерастая в глубокий смешок. Нет, не смешок — полноценный смех, который вырывается из пасти.

— Идиот, — ахает она. — Ты напугал меня специально. За это я снова написаю в гнездо.

— Если сделаешь это, я не отведу тебя на завтрак.

Её интерес мгновенно пробуждается. Я едва сдерживаюсь от нового смеха, видя любопытное выражение на её лице.

— Уйди на несколько минут, пока я приведу себя в порядок, — говорит она. — На этот раз я сделаю всё как положено, не в гнезде.

— Может, мне стоит понаблюдать, чтобы убедиться?

— Нет.

Я отправляюсь в короткий полёт, поднимаясь в свежий утренний воздух, несколько раз кружа над землёй, прежде чем снова спуститься.

Когда я возвращаюсь, Принцесса уже привела в порядок свои лохмотья, надела туфли и разгладила волосы.

— Я готова.

Я опускаюсь на пол пещеры.

— Залезай.

— Серьёзно? — Она смотрит на меня с сомнением.

— Второй раз предлагать не стану.

Она взбирается на мою спину, устраиваясь между двумя моими шипами. Её лёгкий, тёплый вес, обхват её ног у основания моей шеи, осознание того, что её нежные части тела прижаты к моим чешуйкам, — всё это затрагивает меня глубже, чем я опасался. Чтобы отвлечься от своей реакции, я начинаю мысленно повторять её жестокие слова.

«Думаю, ты, возможно, худший правитель, которого когда-либо знал твой клан. Ты втянул их в войну, погубил половину, превратил их в чудовищ, похищающих беззащитных женщин. Ты подвёл их. И гибель самок-драконов — это всё на твоей совести.»

Этого достаточно, чтобы смягчить остроту волнений, бегущих по моему животу. Всё же лучше сделать этот полёт коротким.

— Держись, — говорю я и бросаюсь вниз, устремляясь прямо к земле.

Принцесса хватается за два моих шипа и вопит, пока мы летим вниз. Когда я выравниваю полёт прямо перед столкновением с землёй, она тяжело дышит и дёргает мои шипы, как всадник, рвущий поводья у беспокойной лошади.

— Перестань, — рычу я.

— Тогда перестань пугать меня нарочно.

— Я всегда так летаю.

— Нет, не всегда. Ты летел прямо вниз только чтобы напугать меня.

— Хорошо. Немного нарочно.

— Плохой дракон, — рычит она, и я чувствую, как в груди снова зарождается смех. На этот раз я сдерживаю его.

Когда мы пересекаем стену и скользим во двор, где собрались остальные женщины, Принцесса издаёт звук, полный восторга и тоски, и у меня щемит сердце от чувства вины за то, что не позволил ей увидеть своих людей раньше.

Она спрыгивает с моей спины, прежде чем я успеваю твёрдо встать на землю. Рыжеволосая первой подходит к ней, и, когда она кланяется, остальные женщины следуют её примеру.

— Принцесса Серилла, — произносит рыжеволосая.

Итак, мою пленницу зовут Серилла. Я никогда не слышал, чтобы её называли чем-то иным, кроме как «наследной принцессой».

Серилла. Хорошее имя, с музыкальным звучанием. Оно будет достойно её, когда она примет облик дракона.

— Я так рада видеть вас всех, — Серилла протягивает обе руки к женщинам. — Пожалуйста, не кланяйтесь. Здесь мы равны. Как вы?

— Насколько это возможно, учитывая обстоятельства, — отвечает рыжеволосая. Она смотрит мимо Сериллы, прямо на меня. Её взгляд — это вызов.

— Как твоё имя? — спрашиваю я.

Серилла резко оборачивается, нахмурившись, и я вдруг понимаю, что никогда не спрашивал, как её зовут.

— Меня зовут Джессива, — отвечает рыжеволосая. — Ваше Высочество. — Она слегка склоняет голову, едва признавая мой титул.

— Зови меня Киреаган, — произношу я, наблюдая за Сериллой, чтобы понять, как она отреагирует на мою очевидную симпатию к рыжеволосой Джессиве.

Серилла встречает мой взгляд, затем отводит глаза, плотно сжимая губы, будто сдерживая острые слова.

Тень падает на двор, и мой брат приземляется в центре, недалеко от Джессивы. Глядя мне прямо в глаза, рыжеволосая отступает на шаг, ближе к плечу моего брата.

Значит, она предпочитает его. Что ж, справедливо.

В свою очередь, Варекс выглядит удивлённым. Он переводит взгляд с меня на Джессиву, но лишь говорит:

— Эшвелон и Фортуникс вернулись.

Вспышка волнения пробегает по телу.

— Они успешно выполнили свою задачу?

— Да. Они ждут нас в пещере Эшвелона.

Я оборачиваюсь к Серилле, которая наблюдает за нами, хмуря бровями и скрестив на груди руки.

— Это мой брат, Варекс. Мы с ним уходим. Ешь, отдыхай и общайся со своими людьми. Я вернусь позже.

— Не торопись, — резко отвечает она, словно эхом повторяя то, что сказала мне вчера вечером, когда я отправлялся на охоту.

Мне хочется зарычать на неё, но, учитывая присутствие других, я сдерживаюсь. С мощным рывком я взмываю в воздух, с наслаждением отмечая, как ветер моего взлёта треплет её волосы, заставляя её отшатнуться на шаг.

Варекс присоединяется ко мне в воздухе.

— Что это было?

— Принцесса ненавидит меня. Она предпочла бы, чтобы меня не было рядом.

— Джессива тоже иногда меня ненавидит.

— А иногда нет? — уточняю я.

— Трудно сказать.

Я украдкой бросаю взгляд на него. В его глазах блестит огонёк, крылья двигаются с лёгкостью и радостью.

— Ты можешь рассказать мне всё, — говорю я.

Он молчит некоторое время, а затем произносит:

— Ты когда-нибудь испытывал что-то странное рядом со своей женщиной?

— Объясни.

— Я думал, брачное безумие начинается только с наступлением Ребристой луны. Но я начал ощущать симптомы, о которых отец рассказывал нам, готовя к тому, что нас ожидает. Приятные ощущения в теле и определённые реакции, которые трудно

скрыть. — Его голос становится настолько тихим, что я едва слышу его сквозь шум ветра. — Со мной что-то не так? Это из-за того, что я поздно вылупился?

Значит, я не единственный, кто испытывает такие ощущения. Хоть мне и не хочется в этом признаваться, я обязан быть честным с ним. Ему нужно успокоение.

— Если с тобой что-то не так, значит, и со мной тоже.

— Значит, ты тоже это чувствуешь? С Принцессой?

— Хотел бы я не чувствовать. Это те ощущения, которые я должен был испытать только с Мордессой, во время нашей связи.

Мой брат тихо рычит, выражая сочувствие.

— У меня не было Нареченной, так что я не могу представить, какую скорбь ты испытываешь — потеря не только Гриммав и Вилар, но и Мордессы. Она была великолепным созданием. Я бы гордился называть её своей второй сестрой.

Мои мышцы напрягаются, сердце бьётся медленно и тяжело, пока я заставляю себя продолжать лететь, продолжать рассекать воздух.

— Мордесса была доброй и великодушной, — продолжает Варекс. — Она бы хотела, чтобы ты испытывал радость и нашёл любовь с кем-то другим. — Он колеблется, возможно, вспоминая, что я рассказал ему о том, как не любил Мордессу так, как она заслуживала. — С другой стороны, многие успешные союзы формируются без любви. Это не обязательно. Я всегда надеялся испытать её, но многие из наших никогда не ощущают такой романтической страсти к своему спутнику жизни.

— Я знаю. — Мне хочется рассказать ему остальное. Постыдную, жестокую правду, о которой я никому не говорил. Но мы уже подлетаем к пещере Эшвелона, и времени больше нет.

Варекс и я влетаем в пещеру и сразу складываем крылья, поскольку пространство загромождено большими мешками.

— Запасы, которые вы заказывали, мой принц, — говорит Фортуникс с зубастой ухмылкой. — Может, для боя я уже мало гожусь, но тяжёлый груз всё ещё могу нести.

— А заклинательница? — спрашиваю я.

Эшвелон отходит в сторону.

— Она здесь.

К моему удивлению, Эшвелон смастерил нечто вроде трона на краю своего гнезда и украсил его тканью с золотой бахромой. Заклинательница развалилась на этом троне, одетая в пурпурное платье, которое обтягивает каждую линию её тела. Она держит изящный кубок, наполненный красной жидкостью, а рядом в гнезде лежит тёмная бутылка.

Она опускает ресницы, глядя на Варекса и меня из-под полуприкрытых век.

— Значит, вы и есть два драконьих принца.

— А ты — Телиза.

— Презираемая дочь геноцидального чародея. Это я. — Она горько смеётся и делает глоток из кубка. — Что я могу для вас сделать? Этот громила что-то говорил о превращении? — Она неопределённо машет рукой в сторону Эшвелона.

— Как ты знаешь, твой отец уничтожил всех самок драконов, — говорю я.

— И вы меня в этом вините. — Она кивает с выражением обречённости. — Я всегда знала, что отцовская чушь когда-нибудь обернётся против меня.

— Мы действительно виним тебя. Но вместо того чтобы отнять у тебя жизнь, я требую от тебя заклинание. Выполни его как следует, и ты будешь свободна.

— Боже, вы правда мало обо мне знаете, да? — Она снова глотает из кубка. — Ладно, и что за заклинание?

— Я хочу, чтобы ты превратила всех человеческих женщин, которых мы похитили в самок драконов. Таким образом, мы добьёмся двух целей: отомстим королевству Элекстан и обеспечим выживание нашего рода.

— Вот это да. — Она таращится на меня. — Это серьёзное заклинание. Очень серьёзное, чёрт возьми. Ты мне не говорил, что это будет такое серьёзное заклинание, милый, — упрекает она Эшвелона. — Непослушный дракон. Ты будешь наказан позже.

По телу Эшвелона пробегает дрожь покорности. Он тихо рычит, но в его глазах появляется странная готовность, почти почтительная жажда, пока он смотрит на заклинательницу. Что за безумие охватило мой клан? Если бы я знал, что эти женщины окажут такое влияние, возможно, я бы не принёс их сюда. Но это не важно... вскоре они будут превращены в драконов, и их неестественное влияние исчезнет. Они просто станут членами клана, которых мы обучим нашим обычаям и примем в наши родословные.

— Ты сможешь выполнить заклинание, которое нам нужно? — спрашиваю я у чародейки.

Она смотрела на Эшвелона с лукавой улыбкой, играющей на губах, но, услышав мой голос, переводит взгляд на меня.

— Заклинание, которое вам нужно, — протягивает она. — Очень интересно. Да, мои принцы, думаю, я могу обеспечить вам ту магию, которая требуется.

— Ты думаешь? Это недостаточно.

— Ладно. Клянусь. Клянусь костями моего отца.

Священная клятва, подкреплённая её пристальным взглядом, убеждает меня.

— Хорошо.

— Мне понадобится немного времени, много вина и моя сумка. Ты помнишь, какая именно, мой хороший? — говорит она, обращаясь к Эшвелону.

К моему изумлению, Эшвелон откликается на «мой хороший» низким рыком согласия. Передней лапой он отодвигает несколько больших мешков, открывая сумку из тёмной кожи, украшенную сложными символами.

— Дайте мне часов восемь или девять, и всё будет готово, — заявляет заклинательница. — Нужно провести точные расчёты, составить заклинания, смешать ингредиенты. Ах да, принцы, — она театрально делает паузу, — убедитесь, что сегодня ночью все ваши люди будут спать на земле. И драконы, и люди.

— Зачем? — спрашивает Варекс.

— Не задавай вопросов чародейке, дорогой. — Она укоризненно цокает языком в его сторону. — И не забивайте свои ужасные шипастые головы. Мне ведь выгодно сделать то, что вы хотите, не так ли? Ведь я так явно жажду свободы и хочу вернуться в свою маленькую лачугу в том засолённом городке у моря. Так что будьте уверены, всё будет выполнено так, как вам нужно. Завтра в это же время у вас и ваших человеческих пленниц будет гораздо больше общего. — Она широко улыбается, затем внезапно икает. — Летите прочь, милые монстры, но не забудьте оставить своих пленниц на земле и быть рядом с ними к закату. Превращение может оказаться неприятным для участников. Лишняя осторожность не помешает.

— Хорошо. — Я оставляю Эшвелона следить за ней, а сам вместе с Фортуниксом и Варексом вылетаю наружу, на вершину горы. Утреннее солнце заливает наши чешуйки светом, а морской ветер поднимает наши крылья, пока мы беседуем.

— Ты ей доверяешь? — спрашивает меня Варекс.

— Она поклялась костями своего отца.

— Не знаю насчёт доверия, — замечает Фортуникс. — Но магии у неё хватило, чтобы удерживать меня и Эшвелона в своём хлеву какое-то время.

— Она держала тебя в плену? — восклицает мой брат.

— Недолго. Но я уверен, что она могла бы удерживать нас дольше, если бы захотела. Она пошла с нами добровольно.

— Возможно, она хочет искупить злодеяния отца, — говорю я.

— Возможно. — Фортуникс откашливается, глубоко и хрипло, затем добавляет: — С уважением, мои принцы, но есть более срочное дело, требующее вашего внимания. Пока я находился на материке, я отправил весть королю Ворейна и запросил встречу.

Мои крылья напрягаются от удивления.

— Ты сделал это, не посоветовавшись со мной?

— Я предположил, что вы захотите с ним поговорить, чтобы убедиться, что наш договор с Ворейном соблюдается. Без обещанных им островов мы умрём от голода. Даже если в этом сезоне не будет яиц или птенцов, еды становится всё меньше. Стада диких свиней, коз и оленей ещё не успели восстановить свою численность, а на одних растениях мы не выживем. Нам нужно мясо.

— Я понимаю. Король ответил на твоё послание?

— Ответил. Он прислал одну из своих говорящих птиц. Было сказано, что мы должны встретиться с ним сегодня в полдень в крепости на Эрнском мысе.

— Тогда мы должны вылетать сейчас.

— Да, мой принц.

— Но женщины… — начинает Варекс.

— За женщинами присматривают стражи, — успокаивает его Фортуникс. — Не беспокойся больше о них. Эта встреча не о людских пленниках, она о драконах. О соглашении, которое заключил ваш отец, и о том, выполнит ли Ворейн свою часть сделки.

Он конечно прав. Разум понимает это, но сердце реагирует дикой паникой, страхом, приближающимся к физической боли, всякий раз, как я думаю о возвращении на материк. Я провёл там недели во время войны и должен признать, что пейзажи были достаточно приятны. Мне нравились леса, равнины и утёсы, где мои драконы и я жили между сражениями.

Но память о тех битвах преследует меня, и не только потому, что последняя из них принесла гибель моим близким. Я думаю о мужчинах и женщинах, которых я сжёг заживо, о том, как я воспринимал их как насекомых или вредителей, чтобы справиться с реальностью того, что делал. Теперь я вижу это иначе, после того как оказался так близко к человеку. Каждый, кого я испепелил, имел семью, чувства, мысли, умения и мечты. Я уничтожил всё это. Я принёс бесконечную боль во множество человеческих домов. Те, кто выжил, должны были пережить ту же скорбь и вину, что испытываю я.

Клятва на кости священна, нерушима, и нас учат никогда не отказывать, если её требует любимый, находящийся на пороге смерти. Но, возможно, мне следовало отказать отцу в его просьбе о клятве. Тогда я не нёс бы эту тяжесть в груди, гнетущую меня, пока мы с Варексом и Фортуниксом летим на запад через море к побережью.

Полёт до материка занимает два или три часа, в зависимости от ветров, погоды и усталости драконов. Если бы я летел один, я бы двигался гораздо медленнее, но как только Фортуникс набирает ход, он оказывается быстрым летуном, несмотря на

возраст и израненные крылья. Он задаёт темп, вынуждая меня и брата двигаться быстрее. Задолго до того, как я оказываюсь готов, я замечаю скалистый мыс. На его вершине возвышается крепость из выветренного камня.

Моё тело не хочет касаться земли. Не то чтобы моя сестра пала именно в этом месте — она и остальные погибли далеко отсюда, так что касание этой земли не должно меня тревожить. Но моё отвращение нелогично.

Я не могу заставить себя ступить на этот континент, где я оставил кости своей сестры. И всё же должен.

На мгновение я задумываюсь о том, чтобы полететь в Гилхорн и взять дань костей с тех драконьих скелетов. Но это слишком далеко. Мы должны вернуться в Уроскелле до заката, чтобы стать свидетелями превращения наших пленниц в драконов.

Фортуникс и мой брат уже приземлились на утёсе возле стены крепости. Отряд стражников Ворейна выстроился в три ровные линии, их знамёна и плащи трепещут на ветру. Их король стоит впереди, ноги широко расставлены, одна рука в перчатке сжимает пояс. У него волнистые рыжевато-оранжевые волосы, густая борода с маленькими косичками и широкое, крепкое телосложение. В бороде сверкают золотые бусины, золотое кольцо пробивает пространство между ноздрями, ещё больше золота сияет на пальцах и вдоль ушей. Хотя корона отсутствует, он явно человек богатства и власти и охотно это демонстрирует.

Я облетаю крепость по кругу, поднимаясь высоко над группой. Люди подумают, что я хочу сделать эффектное приземление, но на самом деле я набираюсь мужества, чтобы коснуться земли.

Я должен это сделать. Я - первенец Костяного Короля. Я - один из правящих принцев Уроскелле. Костей Гриммав, Вилар и Мордессы нет в этом месте. Мои страхи беспочвенны, а отвращение глупо.

Несмотря на то, что я повторяю себе эти слова, мне хочется кричать, хочется испепелить крепость самым горячим пламенем, хочется превратить короля Ворейна и его народ в пепел. Возможно, я почувствовал бы себя лучше, если бы они стали прахом на ветру, как мои потерянные близкие.

Но если я убью их, то лишь добавлю ещё имена к длинному списку смертей, за которые я ответственен. Мне нужно, чтобы король Ворейна официально передал обещанные острова — и мне нужно, чтобы он рассказал, что случилось с королевой Элекстана. Принцесса ждёт этой новости.

В мыслях я вижу её утонченное печальное лицо. Слышу, как она говорит: «Я была бы благодарна».

Она притворяется эгоистичной и требовательной, но она сильнее, чем я думал. Ей было нелегко, будучи крохотным человеческим существом, оказаться в логове такого создания, как я. Насмехалась бы она надо мной, узнав, как я боюсь просто приземлиться? Или её взгляд смягчился бы от жалости, от понимания?

Она бы не осмелилась высмеивать меня. Я в этом уверен. Она бы поддержала меня своим тихим голосом, как тогда, когда сидела рядом со мной у входа в пещеру и рассказывала о себе. Я почти слышу её сейчас, как она уверяет меня, что я справлюсь.

Прежде чем я осознаю, я уже иду на снижение, направляясь вниз. Мои когти вонзаются в густую, жёсткую траву утёса.

Я приземлился. И я не умер, и не залил это место мучительным огнём.

Рахзиен, король Ворейна, кланяется мне, и я склоняю голову ему в ответ, как и другие драконы.

— Я ожидал встретить вас раньше, — говорит он. — Но, полагаю, мы оба были заняты. Да и драконы, как известно, медлительны в мыслях и действиях — разве что дело касается похищения жён, так ведь, ребята? — Он обводит взглядом своих людей, которые весело смеются вместе с ним.

Я предпочитаю проигнорировать оскорбление в адрес моего рода.

— Надеюсь, ваше завоевание прошло гладко?

— Вполне. Хотя я бы предпочёл, чтобы ваша армия была с нами на завершающем этапе.

— Прошу прощения. В то время было нелегко, и, как только мы решили взять пленниц, нам нужно было быстро доставить их обратно на наш остров.

— Конечно, конечно, — Король оценивающе смотрит на меня. — Между нами, мужчинами, — вы понимаете, что размножение с другим видом может оказаться сложным, учитывая столь значительную разницу в размерах.

— Мы не собираемся размножаться с ними в телах людей, — вставляет Варекс. — Мы захватили чародейку, которая превратит их в драконов.

Впервые король выглядит по-настоящему удивлённым.

— Ну надо же. Вот уж чего я никогда не ожидал. Кто эта чародейка с такой могучей силой?

Варекс снова открывает рот, чтобы ответить, но я бью своим хвостом по его, заставляя его замолчать.

— Давайте обсудим более насущные дела, — говорю я. — Острова Мерринволд…

— …теперь ваши, — перебивает король. — Несмотря на ваше отсутствие во время финального завоевания, ваш клан помог мне выиграть войну. Вы выполнили свою часть сделки, и я выполню свою. Право собственности уже изменено, а карты по всему Ворейну сейчас перерисовываются.

Я не совсем понимаю, что такое «право собственности», но знаю, что такое карты. Я склоняю голову в знак благодарной признательности.

— Мы благодарны.

Эта фраза напоминает мне о другом вопросе, который я должен задать.

— Что стало с королевой Элекстана?

— Этой упрямой сукой? — Король сухо смеётся. — Она сражалась до самого конца. Но её победил сильный мужчина, как это всегда бывает с женщинами. Я раздел её догола и запер в колодки на главной площади города. Ещё и выпорол. Когда граждане получили возможность увидеть её по-настоящему побеждённой и униженной, я отрубил ей голову. Но вот дочь найти не удалось. Некоторые говорят, что она бросилась со стен города, другие утверждают, что она сбежала на юг в поисках убежища. Возможно, ваши драконы видели, что с ней случилось? — Он прищуренным взглядом внимательно оглядывает нас троих.

Прежде чем я успеваю остановить его, Фортуникс выпаливает:

— Принц Киреаган забрал принцессу Элекстана к себе в пещеру.

— Правда? — Король поворачивается ко мне. — Чего ты хочешь за неё? Я могу предоставить вам доступ к банкам Паррока у побережья Эстафена. Отличное место для жирных, сочных угрей. Уверен, вашим драконам понравятся эти рыболовные угодья.

Голод на его лице заставляет меня нервничать.

— Зачем тебе принцесса?

— Кажется, она пользуется бешеной популярностью у народа Элекстана, — отвечает король. — Я использую её, чтобы держать их под контролем. Может, даже женюсь на ней.

— Я думал, ты уже выбрал жену.

Он громко смеётся.

— Да, я помолвлен, но ничего ещё не оформлено. К тому же кто сказал, что мужчина не может взять больше одной жены? Твой отец рассказывал мне, что драконы свободно спариваются друг с другом во время безумия и не всегда выбирают для этого свою пару. Конечно, ты понимаешь желание мужчины погрузить свой член не в одну, а в несколько дырок. Герцогиня, на которой я собираюсь жениться, идёт с хорошо наполненной казной, но у неё есть недуг, из-за которого она не может иметь детей. Возможно, юная и плодовитая утроба принцессы Элекстана принесёт лучшие плоды.

— Сомневаюсь, что она согласится с тобой добровольно, — говорю я.

Король громко хохочет, а его люди смеются вслед за ним.

— Сомневаюсь, что согласится, — повторяет он, издевательски имитируя мой грубый голос. — Она и с тобой добровольно размножаться не будет, принц. Давай будем честны друг с другом. Я дам тебе банки Паррока и пару сундуков с сокровищами. Вы, драконы, любите золото, да?

— Любим, — признаю я. Я питаю слабость к красоте кованого металла и блеску тщательно огранённых драгоценных камней, и я не единственный из своего рода с такими наклонностями. Мы храним наши любимые вещи в своих пещерах, но остальная часть хранилища клана спрятана в секретном месте.

— Значит, договорились? — настаивает король. — Ты получаешь три сундука размером с мою голову, полные золота и серебра, банки Паррока и острова Мерринволд. А ты передаёшь мне принцессу Элекстана.

Фортуникс бормочет согласие. Варекс молчит, и, когда я смотрю на него, он не подаёт мне никаких сигналов о своих мыслях.

Может быть, избавиться от Принцессы с её бесконечными требованиями и жалобами было бы облегчением. Я представляю, как передаю её королю Ворейна, как его грубые руки касаются тех маленьких, чувствительных мест, которые я лизал, как он вонзает в неё свой член, пока она кричит — чёрт, нет. Этого никогда не произойдёт. Ни один самец, будь то человек или дракон, не прикоснётся к ней, и никто не возьмёт её тело, кроме меня.

Я говорил, что никогда не буду танцевать для неё в брачный сезон. Но думаю, что лгал ей и себе, потому что не могу вынести мысли о том, что она соединится с кем-то ещё. Очаровательная, раздражающая, вкусная, огненная маленькая Принцесса станет драконом, и она будет моей. Она станет крылатой, могущественной и великолепной. Я наполню её своим семенем, и она родит моих детей.

— Мы договорились? — повторяет король.

— Нет, — рычу я, и в моём голосе слышится пламя. Мои ноздри светятся и дымятся.

— Нет? — Король хмурится.

— Я забираю острова, как мы договорились. Но Принцесса остаётся со мной. Наше соглашение на этом завершено.

Не кланяясь и не говоря ни слова, я резко разворачиваюсь и взмываю в воздух.

Варекс догоняет меня через несколько мгновений.

— Это было довольно грубо, даже для тебя.

— Он собирался причинить ей вред, — рычу я. — Но она моя.

— Тем не менее, ты мог бы закончить встречу более изящно. Фортуникс остался, чтобы сгладить ситуацию.

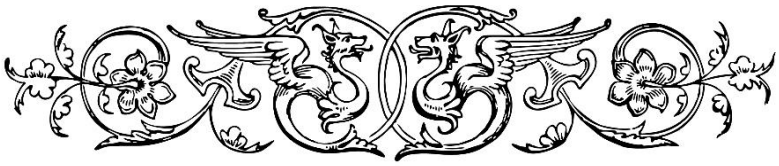
— Отлично. — Я окидываю его взглядом. — А ты пойдёшь со мной. Мы спустимся вдоль побережья, чтобы забрать кое-что перед возвращением в Уроскелле.

— Кое-что?

— Одеяла, — отвечаю я. — И, чертов, чай.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

12. Серилла



— Нет, это тоже не подойдёт, — сказала Джессива, уронив голову в руки, её рыжие волосы распались по плечам. — Боже, почему так сложно? Должен быть какой-то выход.

Мы с ней уже несколько часов строим планы с другими женщинами, судя по положению солнца. Драконы оставили нас в покое, в основном, и у нас было время рассмотреть все возможные варианты побега.

Одна из женщин, Брене, предложила построить плоты, которые могли бы доставить нас обратно на материк. Но для этого нужно сначала устранить драконов. Они точно не позволят нам строить плоты прямо под их носом.

Тогда мы перешли к следующей задаче: как победить драконов. Если вооружённые воздушные корабли не смогли справиться с одним драконом, то уж пара десятков женщин с камнями не разрушат целый клан.

Кто-то ещё упомянул яд, и я поделилась знаниями о ядовитых лианах, которые нашла, когда была возле озера с Киреаганом (чёрт побери, почему он сказал Джесиве своё имя, прежде чем мне?). Но опять же — как мы можем собрать достаточно ядовитых лиан, если нас постоянно охраняет хотя бы один из драконов? Не говоря уже о том, что лианы могут причинить нам вред, если мы их коснёмся.

— Мы можем собирать лианы ночью, когда большинство из них спит, а на страже остаются лишь один или два дракона, — говорит Брене. — Мы могли бы устроить отвлекающий манёвр, и тогда несколько из нас могли бы перебраться через стену и направиться к озеру.

— Что бы мы ни решили, мы должны помнить, что не все из нас находятся здесь, в этой пещере ночью, — говорю я. — Некоторые заключены в одиночных камерах в верхних пещерах. - Я вспоминаю пухлую, румяную женщину, которую видела в логове Роткури. Ту, что любит, когда её лижут.

— Есть кое-что, о чём никто не упомянул, — вставляет стройная темнокожая девушка с белой прядью в чёрных волосах. Мне кажется, её зовут Гвенет. — Некоторые драконы не согласны с планом принца. Они вообще не хотели похищать людей. Что если мы сосредоточимся на поиске этих драконов и постараемся наладить с ними контакт? Может быть, нам удастся убедить их восстать против принцев, а тогда повстанцы-драконы смогут отнести нас домой.

В группе женщин пронёсся шёпот заинтересованности и согласия.

— Есть одна проблема с этим планом, — я встаю с камня, на котором сидела. — Нам потребуется время, которого у нас нет. Вы все знаете, что они собираются с нами делать?

— Убьют нас? Съедят, изнасилуют? Оставят в плену на всю жизнь? Разве это имеет значение? — говорит Брене.

Кожа Джессивы становится ещё бледнее, и я мгновенно понимаю, что она знает правду. Она знает, что принцы приготовили для нас, но выбрала не говорить об этом остальным женщинам. Я не уверена, почему. Может, она не хочет сеять панику.

— Моя мать никогда не была полностью честна с нашим народом относительно состояния королевства, — медленно говорю я. — Но я считаю, что честность важна, особенно когда принимаемые решения касаются всех. Так вот, я скажу вам правду: истинная цель драконов. Они захватили чародейку — дочь Верховного Колдуна. Когда принцы улетели отсюда, они собирались встретиться с ней. Они хотят, чтобы она превратила нас всех в драконов.

Женщины вздыхают, и две из них начинают плакать.

— Меньше чем через неделю начнётся брачный сезон, — объясняю я. — Он наступает раз в двадцать пять лет. Каждый дракон на этом острове будет вынужден спариваться. Они предложат нам выбор партнёров, но насколько я понимаю, этот импульс будет настолько силён, что мы будем хотеть участвовать в безумие, если мы станем драконами. Некоторые из нас будут откладывать яйца драконов. Мы станем матерями для потомства наших похитителей.

— Нет, — стонет Брене. — Нет, этого не может быть.

Я поворачиваюсь к девушке с чёрными волосами, Гвенет.

— Твой план хорош. Просто не думаю, что у нас есть время, чтобы его осуществить.

— Мы можем попробовать, — её голос звучит отчаянно. — Мы должны что-то попробовать.

— Мы могли бы сбежать, — предлагает другая пленница. — Покинем это место, разойдёмся по острову. Они потратят время, чтобы поймать нас всех, а может, кто-то из нас успеет собрать лозы, чтобы отравить их.

— Как мы их соберём? — говорит Джессива. — Лозы могут отравить и нас. Мы не можем трогать их голыми руками. И как мы убедим драконов съесть ядовитые лозы? Они не едят приготовленную пищу, а у нас нет горшков, чтобы её готовить. Даже если бы и были, они заметят, как мы кладём лозы в еду.

— Вода? — предлагает кто-то.

— Вода есть повсюду на этом острове. Мы не можем отравить всё.

— Болтовня не поможет. Мы должны выбрать. — Говорю я твёрдо и ясно. — Те, кто хочет сбежать, могут сделать это сейчас, пока нас охраняет только один из них. Бежим к пляжу — может быть, там остался корабль, который ещё пригоден для плавания. Бежим в лес — возможно, там можно найти оружие. Я не уверена, нужно ли нам присутствовать для того, чтобы заклинание сработало, или оно будет охватывать весь остров, но если вы хотите убежать — делайте это. Если хотите сражаться — придумайте стратегию. Если хотите остаться и попытаться убедить своего дракона вернуть вас на материк и отпустить, используйте все свои чары, все убедительные доводы.

— Лучше работать вместе, — возражает Джессива.

— Но мы не можем. Мы не согласны, какой путь лучше, и ни один из наших планов не выглядит успешным. Что касается меня, я, наверное, побегу. Может, если меня не найдут, на меня не подействует заклятье.

Джессива качает головой.

— Заклинания вроде этого можно наложить на расстоянии, на конкретную группу существ, — говорит она. — Побег не защитит тебя от превращения.

— Лучше уж так. По крайней мере, мне не придётся иметь дело с этим чёртовым Принцем Драконов.

Гвенет делает шаг вперёд.

— Я тоже бегу.

Ещё несколько женщин присоединились к ней.

— Я остаюсь, — говорит Джессива. — Но мы отвлечём их, чтобы вы могли проскользнуть через стену. Может, им потребуется какое-то время, чтобы заметить, что вас нет. Только будьте осторожны. Ворейн говорил о существах, которые обитают на этом острове и выходят ночью — опасных хищниках, которые иногда могут победить даже драконов.

Мысль о чём-то более страшном, чем дракон, заставляет меня усомниться в своём плане побега. Но другие женщины, желающие бежать, уже собрались вокруг меня и, похоже, ждут, чтобы я сделала первый шаг. Я проглатываю свою тревогу и говорю:

— Давайте найдём место в стене, через которое сможем проскользнуть. А затем остальные могут как-то отвлечь его…

Я указываю вверх на бронзового дракона, лениво кружащего в воздухе, высоко над двором.

— Я знаю, что делать, — говорит Джессива. — Они хотят нас для размножения, верно? А значит, они хотят, чтобы мы были здоровыми, целыми. Так что если мы начнём драку и сделаем её жестокой… — Она смотрит на одну из других женщин, высокую, красивую, с суровым подбородком блондинку и темно коричневой кожей. Между ними мелькает враждебность, и я подозреваю, что они уже обменялись не только словами, но и ударами до этого момента.

— Я с удовольствием помогу тебе сделать её настоящей, — говорит блондинка сквозь зубы.

— Хорошо. — Что я могу сделать, кроме как согласиться? Их личные разборки — не моё дело. И я чувствую тот же прилив нервов, который заставил меня броситься к городской стене, когда прозвучал драконий сигнал тревоги. Мне нужно что-то делать, а так как у меня нет оружия для борьбы с драконами, я буду бежать.

— Там есть щель, — бормочет Гвенет. — Мы слышали, как существа шуршат вокруг стены ночью, но они все были слишком большими, чтобы проскользнуть через барьер, и недостаточно сильными, чтобы перепрыгнуть его. Один из них, правда, сдвинул бревно, и думаю, мы сможем пройти через это место.

Я начинаю спрашивать, видели ли они этих хищников, но яростные крики с другой стороны двора прерывают меня. Джессива и блондинка схватились друг с другом. Драка началась.

Крики привлекают внимание драконьего стража наверху. Он резко спускается, и ветер от его крыльев поднимает пыль в огороженном пространстве.

К счастью, он стоит спиной к нам, обращённый к Джессиве и блондинке. Он начинает говорить на Драконьем языке, а затем, вспомнив, что они его не понимают, переключается на Общий язык. Я едва слышу его упрёк в адрес спорящих женщин, потому что уже слишком занята тем, чтобы пролезть через барьер за Гвенет. Ветки царапают рёбра, руки и ноги — новые раны поверх синяков. Но с небольшими усилиями, извиваясь и корчась, я вырываюсь через щель. Гвенет хватает меня за руку, поддерживая.

— Удачи тебе, Принцесса, — её тёмные глаза встречаются с моими. — Держись среди деревьев. — Затем она поворачивается и мчится в лес, как олень, бегущий к свободе, её длинные ноги легко преодолевают подлесок.

Я оглядываюсь один раз, чтобы удостовериться, что остальные проходят незаметно. Но я больше не могу им помочь. Каждая женщина должна найти свою судьбу.

Глубоко вздохнув, я начинаю бежать.

Вместо того чтобы мчаться на полной скорости, я сохраняю равномерный бег. Я привыкла к верховой езде, пешим прогулкам, стрельбе из арбалета и иногда к плаванию, но вот в беге моя выносливость оставляет желать лучшего. Мне нужно распределить силы, чтобы пройти как можно больше, прежде чем придётся сделать перерыв.

Несколько раз мне кажется, что я слышу лёгкие шаги позади, слишком лёгкие для дракона, но слишком тяжёлые для кролика или лисы. Но, когда я оглядываюсь, никого не вижу.

Наконец, я подхожу к бурному роднику, который впадает в тенистый пруд. Я подкрадываюсь к нему, прячась под нависающими ветвями огромного дуба, чтобы ни один дракон, летящий сверху, не заметил меня.

Моё сердце бешено колотится от напряжения, а тело покрыто потом. Я быстро заплетаю волосы и завязываю их длинным кусочком крепкой травы. Затем, опустившись на колени у пруда, я омываю кожу прохладной водой. Она пахнет свежестью, и как только я немного отдышалась, наклоняюсь, чтобы попить из рябящей поверхности.

Шорох бегущих шагов. Рука с силой ударяет меня по затылку, и я резко лицом ныряю в воду. Я сдавленно выплёскиваю звук удивления, пузыри вырываются изо рта.

Я пытаюсь сесть, но рука, удерживающая меня, полна яростной силы. Я чувствую её в свирепом давлении пальцев, в напряжённой силе руки, которая пытается утопить меня. Я пытаюсь царапаться, но не могу найти лицо нападавшего.

Отчаянно я дергаюсь и пытаюсь перевернуться, но нападающий бросается на меня всем телом, прижимая к земле.

Воздуха остаётся совсем немного, и паника — сила, что управляет мной. Но через невероятную силу воли я прекращаю бороться. Я заставляю себя стать совершенно вялой, хотя тело кричит, чтобы я сражалась. Мой убийца должен думать, что я уже утонула.

В голове я считаю секунды. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять…

Тяжесть уходит с моего плеча, и рука исчезает с затылка.

Я мгновенно вскакиваю, жадно вдыхаю воздух и отпрыгиваю в сторону, чтобы избежать нападавшей, когда она с воплем и яростью снова бросается ко мне. Задыхаясь и кашляя, я прячусь за огромным дубом и хватаю сухую ветку, висящую сверху. Мой вес срывает её с дерева, и я инстинктивно размахиваю оружием, вкладывая всю силу рук в удар. Ветка врезается в лицо нападавшей, как только она обходит дерево.

Кровь брызжет из её рта. Она пошатывается и падает на землю.

Она судорожно дергается, шокированная, в то время как кровь стекает из её рта на землю. Мой удар изуродовал правую нижнюю часть её лица, сломал скулу и верхнюю челюсть. Я вижу белые зубы и кости, выступающие через разорванную красную плоть. Её череп, вероятно, тоже треснул.

— Чёрт… — я уронила ветку и присела рядом с ней. Я смутно помню, что видела её среди женщин, которые хотели убежать. — Зачем ты это сделала?

Сквозь боль в её глазах просачиваются горе и ярость.

— Моя мать, — шепчу я. — Это было из-за неё, да? Ты потеряла кого-то в войне, возможно, не одного, и винишь королевскую семью. Это была месть.

Она немного шевелит головой. Почти кивок. Её рука превращается в коготь, вцепившийся в землю. Кровь заливает правый глаз, а тело продолжает дергаться, пока повреждённая нервная система пытается справиться с раной.

— Прости, — бормочу я сквозь слёзы, сжав зубы. — Прости.

Но этого недостаточно. Я никогда не смогу искупить всё, что сделала мать — всё, что я не смогла сделать. Я могу сказать себе, что это не моя вина, что мама оттолкнула меня и не позволила участвовать — но я позволила ей оттолкнуть меня. Я развлекалась с детьми, лошадьми, собаками и различными домашними делами, как ребёнок, играющий в игрушки, в то время как она посылала толпы граждан в пасть смерти.

Но я не была ребёнком. Я была чертовой взрослой женщиной. Я увлекалась своими собственными делами, и ничего не сделала, чтобы остановить резню.

Мне следовало постараться больше. Нет… Мне следовало хотя бы попытаться. Но я не сделала этого. Совсем. Я думала, что мой личный конфликт с политикой матери — это уже достаточно, что я подрываю её власть, тихо соглашаясь с слугами и стражниками, когда они осуждали её правление. Что же они обо мне думали, эта избалованная принцесса, которая считала себя бессильной изменить что-то, в то время как на самом деле у меня было гораздо больше власти, чем у любого из них — я просто не претендовала на неё и не использовала её. Я использовала свои привилегии для того, чтобы выражать лёгкое недовольство или чтобы не вмешиваться.

— Я была ленивой чертовой сукой, — шепчу я умирающей девушке. — Я не боролась с мамой. Иногда только надувалась и сердилась, но это не принесло никому пользы. Теперь уже слишком поздно исправить то, что произошло, но клянусь… обещаю тебе, я больше никогда не буду стоять в стороне и смотреть, как кому-то вредят, не попытавшись это остановить. Как жаль, что ты не поговорила со мной раньше, до того, как всё дошло до этого.

Почему я так сильно ударила этой веткой? Всё произошло так быстро, что я не успела подумать. Я просто выживала.

Теперь я могу только быть свидетелем её ухода.

Я не беру её за руку. Она не хотела бы этого. Но я остаюсь рядом с ней до тех пор, пока её душа не уходит, оставляя её глаза пустыми.

Я покрываю её тело ветками, как могу. Потом мою руки в ручье, пью вволю и снова бегу.

Тошнота поднимается в желудке, когда я думаю о её изуродованном лице. Но её уже нет… она больше не угроза. Мне нужно найти побережье, найти место для укрытия и начать думать, как построить пригодный для плавания плот. Ужас от того, что я сделала, пока придётся отложить.

Драконы придут за нами — это уж точно. Я буду прятаться, строить планы, бороться и делать всё, чтобы избежать их плена. Если я избегу воздействия заклинания чародейки, я буду жить в самых густых дебрях леса, пока не найду способ перебраться через пролив между этим островом и материком. Если они превратят меня в дракона, я буду бороться с ними до последнего, пока они не пожалеют о своём выборе.

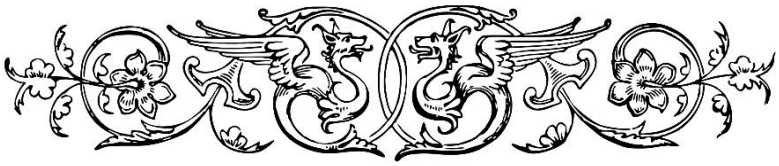
Мне приходит в голову мысль, что, возможно, самцы не учли возможную опасность для себя, когда женщины станут драконами. Они предполагают, что как только превращение завершится, мы будем покорны своей судьбе, рады

присоединиться к клану. Как драконы, мы всё ещё будем в меньшинстве, но станем гораздо сильнее. Мы сможем сражаться и отомстить.

Конечно, мы будем новичками в наших драконьих телах. Мы не будем сразу знать, как летать, и, если у нас появится огонь, нам может понадобиться время, чтобы научиться им пользоваться. Возможно, на это и рассчитывают самцы — что время и тренировки утихомирят любой остаточный гнев, который мы будем чувствовать после превращения. Возможно, они надеются, что брачное безумие и последующий сезон вылупления яиц приручат нас, одомашнят.

Надеюсь, что они ошибаются. Я настроена держаться за этот гнев, несмотря ни на что. Я не забуду, что драконы сделали с моим народом, и, если я стану одной из них, то отплачу за эти обиды в десятикратном размере.

13. Киреаган



— Что ты имеешь в виду, её здесь нет?! — Мой рёв эхом разносится по двору, отзываясь в пещере. — Вы должны были за ними присматривать.

Госрик отпрянул, его бронзовый хвост тащился по земле, голова опущена.

— Женщины начали драться, мой Принц. Я боялся, что они покалечат друг друга. Пока я вмешивался, несколько других пленниц проскользнули через барьер и убежали в лес. Я сразу же позвал Ритара и Иксион, так как они были ближе всех. Они отправились искать беглецов, а я остался охранять остальных женщин.

— Ты надеялся вернуть их до того, как я узнаю?

Он съёжился.

— Да, мой Принц.

Я перевожу взгляд на Варекса. Он сидит перед Джессивой, пока она с вызовом смотрит на него.

— Это она всё спланировала, — рычу я.

— Это могла быть и твоя женщина, — огрызается Варекс.

— Уберите Джессиву из этого загона, чтобы она больше не могла причинить вреда, — приказываю я. — Отведите её подальше отсюда, но помните, что говорила чародейка. Когда она превратится, она не будет знать, как летать. Тебе нужно будет научить её.

— Я слышал, — резко отвечает он. — Я был там. Фортуникс и Эшвелон уже распространили указ, чтобы все сегодня ночевали на земле. Ты не находишь это странным правилом...

— Я нахожу странным то, что я всё ещё здесь, разговариваю с тобой, пока Серилла бродит по острову беззащитная. — С последним ревом в сторону испуганного Госрика я взмываю в воздух, ловлю стремительный океанский бриз и устремляюсь через лес рядом с загоном для женщин.

Я не стал проверять широкие открытые поля или утёсы, составляющие основную часть нашего острова. Серилла умна. Она будет держаться в самых густых частях леса, где мне будет труднее её заметить, где я не смогу просто прилететь и схватить её. Я - хороший охотник, но только потому, что знаю повадки и привычки своей обычной добычи. Умную, дерзкую маленькую женщину будет куда труднее отыскать.

— Чёрт! — проклинаю я, изрыгая ругательство в потоке оранжевого пламени.

Часами я её ищу, время от времени приземляюсь, чтобы обнюхать траву и деревья, пытаясь уловить её запах среди множества других. Почему-то её запаха нигде нет. Я трачу время, идя по следу, который кажется человеческим, только чтобы обнаружить девушку с медными локонами, забившуюся под густую крону елей. Она выглядит перепуганной, но я лишь раздражённо фыркаю и снова взмываю в небо. Пусть кто-нибудь другой разберётся с ней. Моей единственной заботой остаётся эта невыносимая принцесса.

Несколько раз я замечаю драконов, которые несут добычу в когтях, возвращаясь в пещеры клана. Несмотря на удовлетворение от того, что некоторых женщин удалось

вернуть, я раздражён, потому что свою никак не могу найти. Солнце клонится к закату, а её всё ещё нигде нет.

Наконец я приземляюсь на северном пляже и иду вдоль кромки леса, вглядываясь в тёмные глубины под ветвями. Я даже захожу в лес, ругаясь каждый раз, когда ветки цепляются за крылья.

Я продолжаю путь, пока наконец не протискиваюсь через узкий проход между стволами деревьев и оказываюсь перед крутым травяным склоном. Его поверхность изрыта выступающими камнями и бугристыми гребнями дерна, а между этими гребнями и камнями — крупные ямы, наполовину скрытые густыми зарослями травы.

Я забыл, что здесь гнездо воратриц. Чёрт.

Нам следовало более откровенно рассказать женщинам об опасностях Уроскелле, вроде ядовитых лоз, волков, которые прячутся в пещерах, слишком узких для нас, и выходят ночью красть нашу добычу. Но хуже всего — воратрицы. Каждая воратрица — это нечто среднее между гигантским дождевым червём и плотоядным растением. Она не может передвигаться по земле, а должна оставаться привязанной к одному месту. Глубоко под землёй все её змеиные придатки делят один раздутый живот, и ночью её длинные шеи вытягиваются, поднимая её многочисленные пасти ближе к поверхности. Каждая шея, как стебель растения, выходит через отдельный туннель — и на тупом конце каждой извивающейся шеи находится зубастая пасть, которая может выпустить несколько длинных, похожих на языки, щупалец. Эти щупальца — настоящая угроза для драконов. Они могут протянуться высоко в небо и настолько прозрачны, что их почти невозможно увидеть, пока не станет слишком поздно.

Как только добыча поймана, воратрица проглатывает её через одно из своих горловых отверстий в общий желудок. Существо может питаться телом одного оленя или дракона целую неделю. Репродуцируются они редко, отправляя свои побеги, чтобы образовать новые ядра, примерно раз в десять лет. Старые ядра крепкие и волокнистые, почти невозможно уничтожить, но когда мы обнаруживаем новое ядро, то пускаем огонь в его горло и выжигаем его, пока оно ещё молодо и уязвимо.

Воратрицы активны только ночью, поэтому в большинстве случаев мы можем их избегать. Но за мою жизнь несколько драконов были убиты воратрицами — наиболее примечательная из этих потерь — смерть пары Костяного Короля, моей матери. Она отправилась на ночной полёт с Варексом и была поймана щупальцами ядра, которое никто не заметил. Вилар и я горько её оплакивали, но боль брата была сильнее. Ему пришлось наблюдать, как она умирает; он едва не погиб сам, пытаясь её спасти. Всё, что он принёс назад — её коготь, вырванный из её передней лапы, когда она пыталась освободиться.

После того как Варекс сообщил о смерти матери, Костяной Король взял несколько драконов и отправился на место, где это произошло, проведя день и ночь, изрыгая огонь в туннели воратрицы. Они даже выкопали землю, пытаясь найти ядро. Но существо было старым, огромным и сильно похороненным в каменистом грунте. Оно не вышло, и драконы не смогли найти его корень. Моя мать была мертва.

Солнце низко висит в небе, и его золотой свет заливает склон, бросая глубокие тени в углублениях и ямах. Воратрицы всегда выходят на закате. Через несколько мгновений это чудовище оживёт, готовое к поискам добычи. Мне нужно уходить.

Когда я начинаю поворачиваться, кожа под чешуёй вдруг напряжена, ощущая нечто, что заставляет меня остановиться. Мои ноздри расширяются, улавливая слабый

запах, скрытый под слоем гнили. Тяжёлый запах драконьего навоза, а под ним... я точно знаю, что это. Это она.

Я мгновенно оборачиваюсь, снова сканируя склон, выискивая любую тень.

Вот она. Похоже, она намазала свои руки и ноги драконьим навозом, чтобы замаскировать как свою бледную кожу, так и запах. Это отвратительное, хитрое маленькое существо.

И... чёрт. Она сидит у входа в одну из ям воратрицы.

Холодный ужас сковывает меня, и чешуя встаёт дыбом. В любую секунду извивающиеся шеи чудовища выскользнут из этих туннелей, с такой скоростью, что не уступят даже полёту дракона, и одна из пастей схватит её, утащит в подземный желудок, где она будет медленно перевариваться, оставаясь в сознании. Она не продержится долго в этом кислотном растворе с её мягкой кожей, но она будет жива достаточно долго, чтобы мучиться от боли. Я не могу представить себе более ужасной смерти.

— Принцесса, — говорю я тихо. — Пожалуйста, позволь мне поговорить с тобой.

Она отступает немного вглубь туннеля.

— Не подходи ближе. Я знаю, что ты не сможешь пройти в такое узкое место, и если ты подойдёшь, я уйду ещё дальше.

— Это будет ошибкой, — рычу я. — Ты сидишь у входа в туннель воратрицы. Это хищник, которого боятся даже самые сильные драконы.

— Я не верю тебе. Ты просто пытаешься заставить меня выйти.

— Посмотри на стены туннеля. Видишь как они сглажены ночными выходами этого существа?

Она оглядывается, тревога мелькает на ее лице. Она слишком умна, чтобы не заметить признаки сама, теперь, когда я указал на них. Но она пока не боится этого неизвестного монстра так сильно, как боится возвращения ко мне.

— Здесь есть и другие ямы на этом склоне, — говорю я ей. — Большинство из них почти невидимы, покрыты травой, но некоторые достаточно большие, чтобы вмещать дракона, как только его крылья будут сломаны. Вот что делает это чудовище. Оно ловит дракона своими щупальцами, отрывает чешую, ломает кости крыльев и проглатывает дракона целиком. Но оно принимает и другую добычу, не только драконов. Ты будешь для него вкусным лакомством. Сомневаюсь, что оно когда-либо пробовало человеческое мясо.

Серилла нервно взглядывает в туннель.

— Они выходят на закате, — продолжаю я. — В любую секунду существо может вылезти. Ты будешь поглощена, прежде чем успеешь убежать.

Она медленно возвращается ко входу и остаётся там, готовая прыгнуть.

— Если я выйду, ты заберёшь меня обратно в свою пещеру или в тот загон, где держишь остальных.

— Да. Там ты будешь в безопасности.

— Ты разрушишь это тело, моё тело, то, с которым я родилась, и превратишь меня во что-то другое, против моей воли.

— Мы уже обсуждали это. У меня есть причины, веские причины, — мой голос поднимается, полный разочарования и страха. — Выйди немедленно и живи. Или оставайся там и умри.

Земля слегка вибрирует под моими когтями. Это не настолько сильно, как толчок, но это определённо движение.

Воратрица приближается.

— Серилла! — реву я, и стремительно прыгаю вперёд.

Она уже бежит, выскакивая из туннеля. Слишком медленно — её сразу дергает назад, и она кричит. Я едва различаю слизкое прозрачное щупальце, обвившее её лодыжку.

Я ныряю вперёд, разрывая щупальце когтями. Оно крепкое, эластичное, трудно прорезаемое, но мои когти наносят достаточно урона, чтобы заставить его отпустить.

Серилла ползёт прочь, её нога кровоточит от крошечных крючков, вонзённых вдоль поверхности щупальца. Эти крючки идеально приспособлены для того, чтобы сдирать чешую с дракона.

Я расправляю крылья, ловлю воздух, когда хватаю её тело передними когтями. Но прежде чем я успеваю взлететь с ней, несколько щупалец обвивают мой хвост и ноги, а другие закручиваются вокруг моего левого крыла.

Я реву, изо всех сил стараясь вырваться, но несколько червей вцепились в меня своими щупальцами, и их сила неудержима, как всасывающее притяжение магии пустоты Варекса.

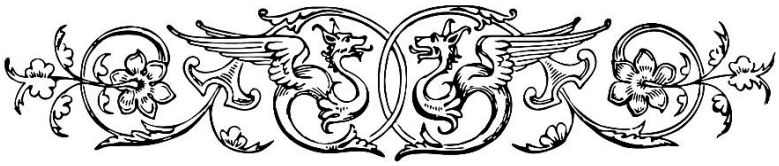
Понимание пронзает меня, как чёрная, ледяная вода.

Я уже мёртв. Но, возможно, принцесса сможет выжить.

Со всей силы я бросаю её вперёд, в лес. Её тело врезается в дерево, пока я борюсь, чтобы остаться в воздухе, крылья яростно взмахивают, разрезая воздух.

— Беги! — реву я. — Беги, глупая человеческая тварь, беги!

14. Серилла



Пять извивающихся, червеподобных шей выступают из различных отверстий в каменистом склоне. Каждая из них с тупым концом, раскрытым, показывающим кольца зубов, и из этих голодных пастей вырываются пучки длинных прозрачных языков, которые обвивают задние лапы дракона, его хвост и крылья. Все эти червеподобные твари действуют сообща, чтобы связать его и сломать.

Киреаган изо всех сил пытается вырваться, каждая мышца в его мощном теле напрягается, его великолепные крылья широко расправлены. Он крутится и выпускает вспышки огня в несколько языков, но те, похоже, не реагируют. Ещё больше языков дерут его спину и бока, их маленькие крючки вырывают чешую, оставляя сырые кровавые раны.

Дракон падает на землю, пойманный в сеть из щупалец. Два из них обвивают его горло и затягиваются. Он захлёбывается, издавая рычащий звук.

В панике я ищу оружие, что угодно, чем могу ему помочь. Не может быть и речи о том, чтобы бросить его, враг он или нет. Я не могу смотреть, как он умирает. Дело не в том, что я переживаю за него — нет. Но он этого не заслуживает.

Я нахожу молодое деревце с заострённым концом и бегу обратно на склон. Вместо того чтобы пытаться прорезать языки, я направляюсь к одной из пастей и втыкаю палку в горло чудовища боком. Один язык выстреливает ко мне, и я едва успеваю увернуться. Мне повезло, что большинство щупалец воратрицы заняты, иначе я уже была бы в одной из пастей.

Только одно из этих червеподобных существ достаточно большое, чтобы проглотить что-то такого размера, как Киреаган. Именно на нем мне нужно сосредоточиться.

Воратрица обвивает крылья Киреагана своими языками. Я чувствую, что вот-вот произойдёт, как она будет сжимать эти прекрасные крылья, как сломаются и согнутся кости. Киреаган тяжело дышит, страдание пронизывает каждый его сдавленный вдох.

— Нет! — кричу я, поднимая самый крупный камень, который могу поднять, и начинаю стучать им по тупому черепу самой большой твари. — Нет, к чёрту! Ты не заберёшь его! Если кто-то должен убить этого ублюдка, это буду я!

Кожа чудовища толстая и ребристая, видимо, огнеупорная и прочная, как старый кожаный доспех. Ничего из того, что я делаю, не даёт результата. Я недостаточно сильна, чтобы причинить ей вред.

Языки, обвивающие крылья Киреагана, сжимаются. Он издаёт вопль боли, но его голос меняется посреди рыка…

И так же меняется его тело.

Вспышка ослепительного фиолетового света взрывается от него, а затем он сжимается так резко, что кажется, он был здесь секунду назад, а в следующую — исчез. Языки бессильно падают на землю, как только исчезают гигантские крылья, которые они держали. Они начинают слепо ощупывать пространство, будто ищут дракона, который только что был у них в руках. Хотя я не вижу глаз или ноздрей,

должно быть, у них есть какое-то восприятие тепла и движения, или, может быть, они ощущают воздух, как змеи... Но взрыв магии, похоже, ослабил их способность чувствовать добычу.

В центре этих извивающихся щупалец стоит высокий мужчина с длинными чёрными волосами, грациозными рогами и светло-коричневой кожей.

Я сразу узнаю Киреагана и не сомневаюсь в этом. Выживание — на первом месте. Всё остальное можно выяснить позже.

Он выглядит ошарашенным, поэтому я спешу к нему, перепрыгиваю через запутавшиеся щупальца и поднимаю его руку на свои плечи.

— Ты должен бежать, — говорю я. — Забудь обо всём остальном. Беги!

Его длинные ноги не слушаются, но с моей помощью он идёт по склону, прихрамывая. Мы достигаем края леса, как раз в тот момент, когда два языка скользят по задней части моих ног. Я кричу и толкаю Киреагана вперёд, заставляя двигаться быстрее, пока мы не оказываемся все зоны их досягаемости. Когда я оборачиваюсь, языки тычутся в деревья и изгибаются в подлеске. Я надеюсь, что их поисковые чувства навсегда повреждены.

— Давай, — говорю я, схватив Киреагана за руку и торопливо ведя его через лес.

— Что только что случилось? — слова звучат искажённо, будто ему тяжело формулировать их своим непривычным языком и губами.

— Не говори пока. Продолжай двигаться.

Мы не останавливаемся, пока не достигаем пляжа. Его ноги подкашиваются, и он падает на песок. Я снимаю свои разорванные сандалии и продолжаю идти, отчаянно, решительно, пока не добираюсь до воды, где смываю драконье дерьмо с рук и ног и тру свою кожу влажным песком, пока не чувствую себя снова чистой. Соль щиплет царапины, особенно порезы на ноге, но я приветствую боль. Я хочу, чтобы эта часть тела была тщательно очищена от прикосновений воратрицы.

Я не могу пока думать о Киреагане.

Я не могу справиться со всем этим.

Он превратился.

Чёрт, он стал человеком — или почти человеком.

Мог ли он всегда делать это? Сильно сомневаюсь, судя по его реакции. Это должно быть что-то новое.

Колдунья прибыла сегодня. Может быть, она пообещала выполнить заклинание, которое хотели драконы, а вместо этого сделала что-то другое. Что-то неожиданное.

Мои конечности наконец чисты, но я вся промокла с головы до ног, и холодный океанский ветер вызывает мурашки на коже. Всё же, я остаюсь на месте ещё минуту. Я смотрю на плоское серое море и следую взглядом до горизонта, где оно растворяется в туманной тени надвигающейся ночи.

Наконец, глубоко вздохнув, я поворачиваюсь и сталкиваюсь с принцем-драконом.

Он сидит там, где я его оставила, голый, на песке. Тёмная кровь пятнает его коричневую кожу в нескольких местах, а линия грязи тянется по его левому четко очерченному ребру. В тусклом свете уходящих сумерек он выглядит как красивый, раненый бог, выброшенный из моря. Его чёрные волосы покрывают плечи, пряди вздымаются на ветру.

Быстрыми, напряжёнными шагами я подхожу к нему. Моё сердце бешено стучит в груди, когда до меня доходит реальность произошедшего и того, что могло произойти. Он едва не погиб, и именно превращение спасло его.

— Ты - человек, — говорю я, запыхавшись.

— Похоже на то, — отвечает он, тщательно выговаривая каждое слово, его тон полон шока.

— Почему ты стал человеком?

— Колдунья, Телисе, — он несколько раз пытается произнести её имя, пока наконец не произносит его правильно. — Она обманула меня. Нет другого объяснения.

— Ты думаешь, она изменила только тебя, или всех драконов?

— Думаю, всех нас, — он быстро адаптируется к своему новому голосу, слова становятся яснее по мере того, как он продолжает. — Она предупредила, чтобы мы остались на земле с пленницами этой ночью. Сказала, что это для вашего блага, чтобы вам было безопаснее и удобнее во время превращения, но, очевидно, она не хотела, чтобы мы трансформировались в воздухе, падали с неба и разбивались на куски. Небольшая милость, наверное.

Я фыркаю.

— И почему ты поверил ей, что она проведёт это заклинание?

— Мы сказали ей, что если она не выполнит заклинание, она останется нашей пленницей навсегда. Я пообещал, что, если она сделает всё правильно, то заслужит свою свободу.

— А что, если бы она провела заклинание, как её отец, и убила бы всех мужчин-драконов?

— Проведение того заклинания убило Верховного Колдуна, и я предположил, что она не захочет умереть.

— Ну… по крайней мере ты пытался всё продумать.

Он смотрит на меня, с явным раздражением в глазах — в красивых тёмных глазах. Человеческие глаза, на красивом лице. Боже, как он красив. Зачем колдунье было делать его таким великолепным? Широкие плечи, мускулистая грудь с упругими сосками. Очерченный пресс, крупный член, сильные бёдра… Я резко перевожу взгляд на его лицо, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Это постоянное превращение? — спрашиваю я.

— Не совсем, думаю. — Он кладёт длинные коричневые пальцы на грудь. — Я всё ещё ощущаю свою драконью форму и силы внутри себя, хотя не знаю, как их снова активировать.

— Понятно, и у тебя всё ещё есть… — Я жестом указываю на его рога. — Интересно, как долго продлится эта форма.

— Не знаю. — Мышца на его челюсти подёргивается.

— Тебе стоит встать и смыть песок, иначе потом тебе будет очень неудобно.

— Хорошо.

Должно быть, страх заставил его раньше бежать, потому что когда он пытается встать в этот раз, его ноги подкашиваются, и он сразу падает обратно.

Я не могу сдержать маленький смешок, и он бросает на меня взгляд, который мог бы испепелить камень.

— Хочешь помогу? — спрашиваю я.

— Это песок, — рычит он. — Он не… я не могу… как вы, люди, можете существовать с такими отвратительно узкими ногами?

Я подхожу ближе, протягиваю обе руки. После нескольких проклятий и неудачных попыток он сдается, хватается за мои пальцы и, наконец, с трудом поднимается. Его высокая, подтянутая фигура качается рядом со мной, его твердая грудь касается моей.

В моей голове тут же возникают образы — лицо дракона между моими бедрами, его язык, проникший в меня. Я помню ощущения, когда я ехала на его спине — восторг от того, что такое мощное существо подо мной. Я тогда чувствовала себя развратной, возбуждённой им, и ненавидела себя за это. Но теперь он уже не дракон. У него широкая, теплая грудь, мускулистые руки и пальцы — боже, какие сильные пальцы, с темными когтями. Когда он двигается, на его коже появляется мерцание, как легкое свечение драконьего огня, скрытого глубоко внутри.

Мне так хреново.

— Давай тебя приведем в порядок, — решительно говорю я. — Смотри под ноги. Потихоньку.

Мы заходим в океан, пока вода не поднимается ему до колен. Пока шли, он не переставал смотреть вниз, между своих ног, на маленький, но весьма приличный мужской орган, который там болтался. Видимо, это его не устраивает.

— В чем дело? — спрашиваю я.

Он смотрит на меня с трагическим выражением на лице.

— Он такой маленький.

Я сдерживаю смех, не веря своим ушам.

— Нет, он совершенно точно не маленький. Может, по сравнению с твоим драконьим членом, но для человека это очень даже крупный. И очень даже неплохой, — черт, мне нужно заткнуться. — Ладно, давай зайдем немного глубже, чтобы ты мог помыться, а потом найдем укромное место, без ветра.

— Я чувствую себя таким крохотным и голым, — говорит он, содрогаясь.

— Ты и есть голый.

— Это не только отсутствие одежды. Я чувствую себя слабым. Беззащитным. Уязвимым. Как вы живете так? Вы, должно быть, все время боитесь.

— Иногда. Особенно когда меня хватает гигантский дракон и уносит далеко от всего, что я знаю.

— Понял, — бурчит он.

Мы заходим еще глубже, вода доходит ему до талии. Он упирается одной рукой в мое плечо, чтобы не потерять равновесие, пока отмывает песок с нижней части тела и смывает кровь с торса и рук. Он морщится от жжения соленой воды, показывая ряд белоснежных зубов с острыми, как у хищника, клыками.

На его коже есть несколько ран. Видимо, те места, где была вырвана чешуя, перешли на человеческое тело. Но они не такие глубокие, как были у формы дракона.

Большая волна накатывает, и я твердо ставлю ноги, помогая ему оставаться на месте, пока она не накроет нас обоих и не пройдет дальше, уносясь к берегу.

— Волны легко могут унести нас, — говорит он. — С такой тонкой кожей почти нет защиты от стихии.

— И теперь ты понимаешь нашу привязанность к одежде.

Он смотрит на меня, в его темных глазах появляется блеск осознания — почти восхищение.

— Для того, чтобы выжить в таком теле, нужно особое мужество. Чтобы создать что-то из своей жизни, чтобы найти радость, когда ты так слаб и беспомощен.

Я закатываю глаза.

— Мы не так беспомощны, как ты думаешь.

Мы снова идем к берегу, и я веду его вверх по пляжу к большому плоскому камню, частично скрытому другим огромным камнем, который нависает над ним под углом,

образуя укрытую нишу. Я сажусь в позу лотоса под наклонной плитой. Киреаган опускает свой зад рядом со мной и пытается сесть, скрестив свои длинные ноги, но выходит немного неловко. Через мгновение он сдвигается вперед, чтобы освободить место для головы, чтобы рога не скребли о камень.

— Это сон, — говорит он совершенно спокойно. — Я был проглочен воратрицей, и я вижу это во сне, пока перевариваюсь в его животе.

Я тянусь к нему, беру его сосок между большим и указательным пальцами и кручу.

— Черт! — восклицает он.

— Вот тебе доказательство, что ты не спишь.

Он смотрит на себя, потом трогает свои соски.

— Это странно. Они как твои молочные железы. Они дают молоко?

— Я отдам тебе все украшения, что на мне, если ты больше не скажешь слово «молочные железы». И нет, ты - мужского пола, так что кормить никого не будешь. Боже.

— Еще одно упоминание о «боге», — говорит он. — Ваши люди поклоняются богу?

— Скорее, идее о боге. Творцу. Существо силы, которое привело мир в движение. Сейчас его чаще всего используют как ругательство.

— Мы верим в Строителя Костей. — Вместо того, чтобы пояснять, он начинает трогать свой член. Он поднимает его, рассматривая свои яички. — Что это?

Я прикладываю руку к лбу.

— Почему? Почему именно я? Почему мне приходится объяснять это тебе?

— Я откровенно делился информацией о своем виде, — холодно говорит он. — Ты можешь хоть немного отплатить за это.

— Это твои яички. Когда ты достигаешь оргазма, именно оттуда выходит сперма. То есть, э...

— Семя, — говорит он.

— Это почти так же плохо, как «молочные железы», но да.

— Эти части тела у драконов внутри, — замечает он.

— Творец оставил их снаружи, когда формировал человеческих мужчин, чтобы нам женщинам было что пнуть.

Киреаган не отвечает. Он внимательно рассматривает головку своего члена.

— Думаю, мне не стоит здесь быть, — говорю я, вставая и ударяясь макушкой о наклонную каменную плиту. — Ай! Черт.

— Вид моих гениталий вызывает у тебя дискомфорт, — говорит он. — Хотя я видел все твои части и даже пробовал их.

— Это не имеет значения, — задыхаюсь я, держась за голову. — Боже, как больно.

— Мне тоже больно. — Он меняет позу, вздыхая. — Боль и дискомфорт кажутся более сильными в этой форме. Не удивительно, что ты всегда такая неприятная.

— Я неприятная? Ты непереносимый ворчун. Если я время от времени бываю неприятной, так это потому, что меня похитил высокомерный дракон, который считает, что имеет право забрать меня и решать мою судьбу.

— На войне такие права принадлежат победителю. Я забрал тебя. Я владею тобой.

Его голос не так глубок, как в форме дракона, но, когда он произносит эти слова, мое тело мгновенно нагревается. Это, конечно, бунт, но что-то еще — извращенное наслаждение, которое пронизывает мой живот, смешанное с чувством вины, потому что мне не должно нравиться, когда он говорит такие ужасные вещи.

— Ты не владеешь мной, — произношу я, но слова звучат не так твердо и дерзко, как я хотела. — Ты не можешь владеть человеком, душой.

Но он снова отвлекается, проводя пальцами по своему мускулистому предплечью. На нем есть небольшие волосы, как на груди и ногах. Чуть выше его члена тоже легкий слой вьющихся темных волос. Он гораздо менее волосат, чем большинство мужчин, но сам факт их наличия кажется ему чем-то невероятно увлекательным. Он берет прядь своих шелковистых черных волос и начинает внимательно ее рассматривать.

— Мне не нравится эта форма, — заявляет он. — Я почти чувствую свои крылья, но их нет. Я привязан к земле, как слизняк на камне. И я такой маленький, как кролик, который должен прятаться под камнями. Все же я больше тебя. Как ты себя чувствуешь? Беспомощной?

— Продолжай называть меня слабой и беспомощной, и я покажу тебе, каково это — получить пинок по яйцам.

Несмотря на наступающие сумерки, я понимаю, что он смотрит на меня с внезапным интересом, его внимание теперь сосредоточено на моем теле.

Без предупреждения его пальцы скользят по моей голой ноге. Его рука приятно теплая, будто она прогревается изнутри, а мне холодно, так что я не протестую.

— Твоя кожа, — шепчет он. — Такая мягкая. Я чувствую ее гораздо лучше сейчас.

Он берет мою руку и проводит пальцами по костям запястья и пальцев. Я едва дышу, очарованная тем, как внимательно и осторожно он меня исследует.

— Ты боишься меня? — спрашивает он.

— Нет.

— Твой пульс учащен.

— Я не боюсь.

— Тогда, злишься?

— На тебя? Всегда.

Он смеется, потом качает головой.

— Мой голос звучит по-другому.

— Ты все равно говоришь своим голосом. Просто не так грозно. У тебя больше нет легких, размером с лодку.

Внезапно его рука обвивает мою шею, и я вздыхаю. Но это не удушение и не ласка. Он все еще исследует.

Его ладонь опускается ниже в темноте. Скользит по моей шее к ключицам, вдоль груди. А затем… к моим грудям.

Я не знаю, почему позволяю ему делать со мной в темноте то, чего никогда бы не допустила при свете дня. Ночь смягчает мой разум, пробуждает каждую клеточку моей кожи, делая её невыносимо чувствительной. К тому же, здесь холодно — под скалами, на берегу, — а он тёплый. Божественно тёплый.

Он поднимает полоску розовой ткани, обвивающую мою грудь, и охватывает ладонью обнажённую грудь.

Моя промежность трепещет — тёплая, набухшая, влажная. Соски напрягаются — от холода и возбуждения.

– Ты не сбежала от воратрицы, – шепчет он. – Ты осталась и пыталась помочь мне. Не могу отрицать, что твоя жертва тронула меня.

– Я всё равно ненавижу тебя, – выдыхаю я. – А ты ненавидишь меня.

– Конечно. – Но в его голосе звучит что-то такое, что заставляет меня засомневаться.

– И я всё ещё последняя, для кого ты станцуешь в начале брачного сезона, – подталкиваю его. – Если такое вообще теперь возможно.

Он замолкает на мгновение, затем продолжает ласкать мою грудь, почти рассеянно, словно её гладкость и тяжесть утешают его.

– Спаривание будет. Я почувствовал первые признаки жара, и ощущаю его даже сейчас. Мы знаем, что чародейка может изменять формы. Мне лишь нужно снова её навестить и убедить выполнить то, что я просил. Она снимет это заклятие и наложит нужное.

– А если она этого не сделает?

Его рука скользит ниже, путешествуя по моему животу.

– Тогда нам придётся спариться в этом облике и посмотреть, что выйдет из такого союза. – Он отодвигает ткань, повязанную на моей талии, и проникает рукой в моё нижнее бельё.

Чёрт, он собирается дотронуться до моего клитора. Я откидываюсь назад, опираясь на руки, стараясь не застонать, пока его пальцы подбираются всё ближе.

– Осторожнее, – выдыхаю я. – Твои когти. Пожалуйста…

– Я не причиню тебе боли. – Он наклоняет ладонь так, чтобы только подушечки пальцев касались моих половых губ. – Мне нравится, как это ощущается. Ах, вот оно. Особенное место. – Он слегка постукивает пальцем по моему клитору, и из моих губ вырывается тихий стон.

– Ты такая маленькая и нежная, принцесса. – Хотя вокруг темно, в его голосе звучит усмешка. – Ты мне нравишься такой. Покорной. Готовой к спариванию.

– Это не… ах… – Высокий вздох вырывается из меня, когда он начинает меня гладить – сперва неуклюже, а затем мягко, ритмично, его пальцы скользят, мокрые от моего возбуждения.

– Влажность служит смазкой для спаривания, не так ли? – бормочет он. – Эти человеческие пальцы ощущают всё. В этом одна из прелестей этого облика.

– Хватит. – Я хватаю его за запястье и отталкиваю его руку. – Не трогай меня там.

– Но тебе это нравится.

– Да, мне нравится стимуляция. Но я не хочу делать это с тобой. Я позволила тебе однажды меня лизать, и это была ошибка. Я её больше не повторю.

Я не вижу его лица в темноте, но чувствую напряжение между нами, пульсирующую в воздухе потребность. Клянусь, я улавливаю его запах – жар его тела, мускус возбуждения. Я представляю, как этот длинный член проникает в меня…

– Нам нужно отдохнуть, – говорит он. – Моё ночное зрение пропало, так что мы не можем идти в темноте. Кроме того, это опасно – фенволки бродят по лесу. Они редко подходят к пляжу, так что здесь мы будем в безопасности.

– Надеюсь. – Меня бросает в дрожь при мысли о том, что волки могут настичь нас ночью – двух голых, безоружных людей. Для них мы будем лёгкой добычей.

– Ты замёрзла? – спрашивает он.

– Да.

– Тогда мы ляжем вместе, и я согрею тебя.

Я не могу придумать веской причины, чтобы отказаться. Ночь будет становиться только холоднее, и без его тепла я рискую серьёзно пострадать от переохлаждения.

– Думаю, нам придётся, – бормочу я.

Мы устраиваемся: он снаружи, его спина обращена к пляжу и океану. Я поворачиваюсь к наклонной скале, прижимаясь спиной к груди Киреагана — и, что

особенно смущает, моими ягодицами к его паху. Он наполовину возбужден, и когда я осторожно подвигаюсь ближе, чувствую, как его член дёргается.

Он аккуратно обхватывает меня за талию, притягивая к себе.

– Это гораздо приятнее, чем я ожидал. Тебе достаточно тепло?

Мои руки, ноги и нос всё ещё холодные, но остальная часть тела кажется раскалённой. Никогда прежде я не лежала вот так, обнажённая, с мужчиной. Мои предыдущие встречи были довольно краткими, без времени на объятия – иначе нас могли бы застать и превратить в повод для дворцовых сплетен.

– Руки замёрзли, и этот камень ужасно неудобный, – шепчу я.

– Всё ещё жалуешься. – В его голосе нет раздражения. Скорее, он пропитан лёгкой насмешкой или даже… теплотой.

– Ты довольно спокойно принимаешь все эти перемены, – замечаю я.

Его тело напрягается.

– Если быть честным, я в ярости. И мне страшно. Но вот это… – он чуть крепче прижимает меня, – это ощущение на коже – приятно.

– Даже несмотря на твою рану?

– Даже так.

Мы лежим в молчании. Быть в его объятиях – это как прижиматься к массивной стене из твёрдых мышц, покрытых гладкой, словно атлас, кожей. Его тепло окутывает меня, проникая до самых костей, и, если подложить руку под голову, камень становится не таким уж неудобным. В скале есть несколько углублений, и я нахожу подходящее место для бедра и плеча. В сущности, я могла бы заснуть… если бы мой живот не издавал такие громкие звуки. Я не ела с завтрака в женском загоне, ещё до того, как мы начали планировать побег.

В животе снова урчит.

– Твоё тело слишком громкое, – замечает Киреаган.

– Я голодна. И да, я понимаю, что придётся ждать еды.

Он двигается чуть ближе и замирает, вдыхая.

– Ты нюхаешь меня? – шепчу я.

– Да. – Его губы касаются моего плеча, и мягкое тёплое дыхание обдаёт мою кожу. – Мне нужно лучше запомнить твой запах, чтобы найти тебя быстрее, если ты снова решишь убежать.

Я совсем забыла, что собиралась бежать, прятаться, бороться, делать всё возможное, чтобы не оказаться вновь в его власти. Сейчас всё это кажется таким незначительным, когда его сильные руки обнимают меня, а крепкие ноги сплетены с моими.

«Он сжигал людей заживо, Серилла», строго напоминаю себе. «Так много воинов Элекстана – уничтожены им и его драконами. Представь это. Почувствуй это. Не поддавайся этому глупому желанию, ложному ощущению безопасности, правильности. В этом нет ничего правильного».

Голос Киреагана звучит низким эхом, проходя через его тело и моё.

– Ты говорила, что знаешь другие песни, а не только ту раздражающую.

– Да.

– У тебя успокаивающий голос, – бормочет он. – Я подумал, ты могла бы спеть что-нибудь. Может быть, одну из тех песен, что ты сама сочинила.

Убийца. Похититель.

– Нет.

Он низко рычит, звук вибрирует у меня под кожей.

– Пой для меня, пленница.

– Нет.

С громким рычанием он впивается зубами в моё плечо, легко прикусывая. Резкий трепет проходит через мой клитор.

– Прекрати быть таким дикарём, – ахаю я. – Ты лучше этого. Спи.

Он больше не просит песню. Я предполагаю, что он уснул, потому что долгое время остаётся неподвижным. Проходят часы, но я могу лишь беспокойно дремать. Каждый раз, когда я немного меняю положение, я остро ощущаю толстый, твёрдый член, прижатый к моим ягодицам. Холод, его тепло, мой голод, его член… всё это слишком отвлекает, чтобы отдохнуть. Камень снова кажется неудобным.

Нет ничего более мучительного, чем длинная ночь, когда ты отчаянно хочешь спать, нуждаешься во сне, но не можешь заснуть. Подобные ночи часто случались в моей жизни, но во дворце у меня был чай или вино, чтобы уснуть. Здесь – ничего.

Чай… так давно я не пила хорошего чая. Кажется, я скучаю по нему больше, чем по собственной постели. Чай был моим главным наслаждением, моей единственной религией…

Меня вдруг встряхивает, когда Киреаган резко вырывается из моих объятий и, неловко переползая из-под наклоненного камня, устремляется прочь. Я поспешно выбираюсь следом и иду за ним, пока он, шатаясь, словно пьяный, пересекает песчаный берег.

Лунный свет заливает пляж, подчеркивая гребни волн и отбрасывая мягкое сияние на его тело – гладкие изгибы ягодиц, впадину вдоль позвоночника, широкие мышцы спины, частично скрытые покачивающимся полотном его чёрных волос. Звёзды сверкают на длинных, заострённых рогах.

Он снова падает, опирается на колено или ладонь, поднимается и, спотыкаясь, продолжает идти дальше.

– Что случилось? – восклицаю я. – Ты услышал хищника?

– Я не могу так больше, – с трудом выдыхает он, судорожно хватая ртом воздух. – Я должен всё исправить. Сейчас. Мне нужно найти чародейку.

– Не ночью! Вокруг волки. Киреаган, остановись. – Я выбегаю вперёд, чтобы встать перед ним лицом к лицу.

Его глаза дико блестят, челюсти размыкаются в отчаянной попытке вдохнуть, но дыхание слишком частое и неглубокое.

– Обхвати бёдра руками и наклонись, – велю я. – Опусти голову вниз. Так будет легче дышать.

Он подчиняется, его волосы скользят вперёд, прикрывая плечо. Кожа блестит от пота, тело трясётся так сильно, что диву даёшься, как он ещё держится на ногах. Осторожно кладу ладонь на его спину, между лопаток. Под пальцами ощущается бешеный ритм его сердца.

– Ты вернёшься в прежнее тело, – говорю я.

– А если нет? – выдавливает он с хрипом.

– Тогда ты научишься жить в этом теле.

– Нет. У меня нет сил в этом теле. Я не могу этого вынести.

– Ты собирался заставить меня пройти через подобное, – тихо произношу я.

– Это было бы изменение к лучшему. Ты стала бы сильнее, выше, величественнее. А это – превращение к худшему. Мне не следовало доверять этой чародейке.

– Вероятно, не стоило.

– И не следовало приказывать своим людям брать пленниц.

Я колеблюсь, поражённая. Впервые он признал, что похитить нас был ошибкой.

– Нет, не стоило.

– Надо было сказать ей, что я её люблю. Даже если это не было правдой. – Его тело сотрясает резкий всхлип, и я кладу на его спину вторую руку.

– Ты про свою Наречённую? – мягко спрашиваю я.

– Она сказала, что любит меня, незадолго до битвы при Гилхорне. А я не ответил. Больше она об этом не упоминала, но знаю, мое молчание причинило ей боль. Её сердце было как гора – крепкое и полное жизни. А моё… – Он поднимает из песка старую раковину с битыми краями.

– Не думаю, что это правда. Твоё сердце не самое доброе из тех, что я встречала, но у тебя есть хорошие качества. Ты заботишься о своём клане.

– Я говорил брату и сестре, что буду править вместе с ними, как равный партнёр. Но всё равно принимал ключевые решения, важные. А они позволяли мне это. Я делал то, что хотел отец, то, что клялся ему выполнить, и всё становилось только хуже. И теперь ещё это. – Он выпрямляется, роняет раковину и смотрит на свои руки. – Посмотри на меня.

– Могло быть хуже, – я отступаю на шаг, слегка наклоняя голову. – Ты хотя бы остался красивым.

Он смотрит на меня с недоверием.

– Чародейка могла превратить тебя в рыбу. Или лягушку, – замечаю я. – Или летучую мышь. Но она выбрала дать тебе этот шанс. Думаю, она хочет, чтобы ты лучше понял нас. Чтобы задумался над своими решениями.

– Она не показалась мне тем человеком, который занимается философскими экспериментами.

Он всё ещё дрожит, поэтому я кладу ладонь на его грудь, чтобы почувствовать биение сердца. Оно замедлилось и, кажется, возвращается к более безопасному ритму.

Когда я снова поднимаю взгляд, он смотрит на меня, и в его глазах бушует буря эмоций, которые я не могу распознать.

– Похоже, поспать у нас всё равно не получиться, – говорю я. – Может, попробуем найти что-нибудь поесть?

– У пляжа, у самой кромки леса, растут корни. В детстве я их обожал. Сейчас редко нахожу время, чтобы выкапывать их.

– Надеюсь, для людей они тоже съедобны.

Мы проводим предрассветные часы в поисках клубней. К счастью, их легко заметить благодаря огромным перистым зелёным вершкам. Прополощенные в морской воде, они вполне пригодны в пищу, хоть и немного крахмалистые.

Утолив голод, я собираю несколько пучков водорослей и плету для Киреагана нечто вроде свободной набедренной повязки. Это занимает пару часов, и к тому времени, как я заканчиваю, солнце уже встаёт.

Повязка не закрывает всё, особенно сзади, но прикрывает его причинное место, так что моё сознание перестаёт вопить «великолепный член» каждый раз, когда я смотрю на него.

– Спасибо, – говорит он, кивая, явно довольный результатом. – Теперь мы должны вернуться к остальным.

Я колеблюсь, вспоминая своё обещание избегать когтей драконов. Конечно, ситуация изменилась. Если это превращение окажется постоянным, захватчиков будет легче одолеть. Мне стоит вернуться хотя бы для того, чтобы обсудить всё с остальными женщинами и узнать больше о заклятии.

– Пойдём, Серилла, – низким, твёрдым и властным голосом произносит Киреаган.

Я подхожу к нему, но вместо того чтобы позволить ему вести, прохожу мимо, направляясь к деревьям.

– Не говори так моё имя.

– Как так?

– Как будто ожидаешь, что я подчинюсь, – отвечаю я, поднимая выброшенные вчера туфли. Они влажные, пахнут не лучшим образом, да ещё и протёрты в некоторых местах, но лучше такие, чем идти босиком по лесу.

У Киреагана нет обуви, и, ступая на лесную подстилку, он морщится, хотя тут же скрывает дискомфорт за мрачным выражением лица. Он словно не понимает, как идти прямо, постоянно виляет из стороны в сторону, хватаясь за деревья для равновесия. Я позволяю себе тихо посмеяться над его неловкостью.

– Нужно обязательно избегать логова воратрицы, – высокомерно заявляет он, игнорируя мою насмешку.

– Прежде чем идти дальше, мне нужно отлучиться. Тебе тоже стоит.

Его лицо мгновенно озаряет выражение ужаса.

– Не бойся. Всё работает почти так же, как и в теле дракона. Если понадобится… ну, ты понял, – делай это подальше и вытирайся листьями, травой, чем угодно. Если бы мы были в моём дворце, там был бы фарфоровый туалет, мягкие ткани для очищения, душистое мыло. О, и горячая вода. И полотенца.

– Сложности на ровном месте, – бурчит он.

– Конечно, дракон бы так и подумал, – ухмыляюсь я, отходя к большому дереву, чтобы заняться делами.

Когда я возвращаюсь, он всё ещё ругается и спотыкается. Я не уверена, что у него вызывает такие трудности, но оставляю его разбираться самому, прикрывая рот ладонью, чтобы сдержать смех.

– Ну что? Ты ещё долго там будешь? – раздражённо кричит он.

Я присоединяюсь к нему с напускной невинной улыбкой.

– Чувствую себя намного лучше.

Он выглядит немного потрёпанным, но, судя по всему, избежал конфузов с повязкой, а это уже обнадёживает.

Несмотря на то что в лесу я почти никогда не путешествовала пешком, у меня был немалый опыт верховой езды, и я неплохо запоминаю ориентиры, чтобы потом находить дорогу назад. Мы с Киреаганом шагаем почти весь день, пока наши животы снова не начинают урчать от голода. Мы так никого и не встретили – ни людей, ни драконов.

Подходя к месту, где я убила ту мстительную девушку, я стараюсь обойти его стороной и увести нас вверх по течению, чтобы попить воды. День тёплый, я вся вспотела от напряжения, и, когда Киреаган уходит в кусты, бурча что-то о необходимости справить нужду, я опускаюсь на плоский камень у ручья, снимаю повязку из розовой ткани, что обвивала мою грудь, и начинаю смывать пот с разгорячённой кожи. Учитывая его предыдущие сложности, Киреагана не будет несколько минут, так что я не тороплюсь.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Я любуюсь, как прозрачная вода журчит между камнями, словно округлённое стекло. Мне нравятся тёмные оттенки гальки на дне ручья и пятнистый свет солнца, пробивающийся сквозь листву. Всё вокруг кажется свежим и новым этим утром, таким красивым, что на мгновение я почти забываю о грязи войны и о том, что за последние несколько дней я видела, как умирают трое.

Воин. Листор. Та девушка.

– Да примет Создатель их души, – шепчу я.

Рядом с камнем, на котором я стою, земля покрыта густым ковром из зелёного мха, усыпанного крошечными бледными цветами. Я провожу пальцем по мху, а затем срываю один цветок. Его стебелёк едва толще ресницы, а миниатюрный бутон на вершине завораживает своей хрупкой красотой.

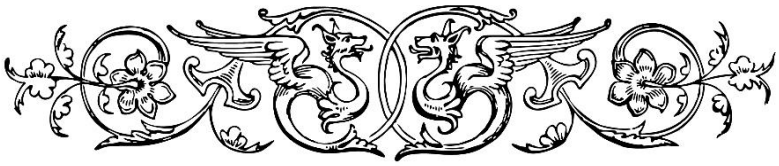
Я осторожно кладу цветок в воду и смотрю, как он уносится между камнями. В этой ложбине полно таких цветов, но я всё равно чувствую вину за то, что сорвала его.

Не так ли Киреаган смотрит на меня? Одна из множества смертных – хрупкая, заменимая. Её легко сломать или сорвать для собственного удовольствия?

Хруст ветки выводит меня из задумчивости. Я тянусь за розовой тканью, что оставила рядом, но её там нет.

Она в руке Киреагана, который стоит прямо у меня за спиной.

15. Киреаган



Я наблюдаю, как принцесса бережно берет крохотный цветок между пальцами и любуется им. Ее золотистые волосы рассыпаются по плечам, а обнаженная спина изгибается, когда она встает на одно колено на камне. Когда она поднимает руку и отпускает цветок, я мельком вижу бок ее груди — гладкой, округлой, манящей.

Медленно я наклоняюсь и подбираю выброшенную ею ткань. Не знаю почему и не понимаю, что это за тяжелое тепло в теле, этот сладкий укол в сердце, это внезапное волнение в животе, когда я наступаю на сучок, и она мгновенно поворачивается.

Она очаровательна, когда пугается. Ее глаза расширяются, настороженные и полные вызова. Какая смелость в той, кто так слаб. Я никогда не забуду мужественное выражение на ее лице, когда она пыталась спасти меня от воротрицы.

Я бы погиб, если бы не хитрость колдуньи, и не смог бы убежать из логова воротрицы достаточно быстро, если бы не помощь Сериллы. Я должен помнить, что я обязан им обеим своей жизнью, но разными способами.

Серилла неуклюже закрывает грудь одной рукой и хватает розовую тряпку, которую я держу.

— Отдай, — говорит она.

Не задумываясь, я поднимаю розовую ткань над головой, подальше от нее.

Она поднимает брови.

— Серьезно?

Мое сердце стучит быстрее, а на губах появляется полуулыбка, которую я не могу сдержать.

— Ты принял человеческую форму, а теперь ведешь себя так? — Она бросает на меня упрекающий взгляд. — Мне нужно пнуть тебя по яйцам?

Я раздумываю, стоит ли рисковать ее гневом. Но потом она говорит:

— Киреаган, — с отчаянием в голосе, и что-то внутри меня оживает.

Мое имя, с ее уст, в этом бездыханном тоне, одновременно умоляющем и требовательном, — это все, что мне нужно.

Я опускаю руку, и она хватает ткань. Она поворачивается ко мне спиной и начинает неуклюже пытаться привязать кусок ткани, но, похоже, пальцы не слушаются. Когда я подхожу к ней, замечаю, что она дрожит.

Все мысли покидают меня, и я становлюсь существом эмоций и инстинктов. Руководствуясь ими, я кладу обе свои руки на ее.

Ее пальцы замирают. Она позволяет узлу распуститься, и розовый шелк падает на камень. Она смотрит на меня.

Моя рука скользит по ее запястью, подводя ее пальцы к своей груди, чтобы она почувствовала, как быстро бьется мое сердце, почти так же быстро, как оно било ночью. Губы Сериллы приоткрываются, и ее взгляд опускается к моим губам.

Она встает на носочки, наклоняет голову и мягко прижимает свои губы к моим.

Я не знаю, что делать. Чувства, которые пронизывают меня, настолько сильны и подавляющи, среди них — мощные потоки горя и вины. Но, пожалуй, самое важное в

этот момент — шелковистые губы, касающиеся моих, и прекрасное тело, прижатое ко мне.

Она немного откидывает голову назад, улыбается.

— Ты не умеешь целоваться.

— Целоваться?

— Конечно… драконы не целуются. Это и есть поцелуй. — Она обхватывает мою шею рукой и снова прижимает свои губы к моим, на этот раз гораздо сильнее. Кончик ее языка выскальзывает, лаская мои губы, исследуя мой рот. Одной рукой она опускает мою нижнюю челюсть, и я открываю ей дорогу.

Мой язык стал короче в этой форме, но все еще раздвоенный. Мне повезло, что говорить стало легче, несмотря на перемену. Осторожно я встречаю поцелуй Серилы, обвивая двумя частями своего языка ее округлый, притупленный язык. Она издает тихий звук в моем рту и приближается.

И вот я осознаю, что мой человеческий член стоит прямо, обжигающе горячий и болезненно чувствительный. Серилла качает бедрами в мою сторону, прижимая меня между нами.

Я нахожу руками ее талию, скольжу вверх по гладким бокам, поднимаюсь по спине и погружаюсь в ее волосы. Все это время она не отпускает моих губ, и наши языки танцуют, пока все мое тело не становится столбом огненного жара, неистового, яростного желания.

Пальцами одной руки я хватаю ее за затылок, а другую опускаю на ее пояс, прижимая ее бедра к моим. Она отвечает с такой же силой, тянет мою голову вниз, чтобы поцеловать меня еще глубже.

Но в этой какофонии эмоций и нарастающего желания я ощущаю перемену. Волна магии накатывает на мою кожу, проникает в вены, вибрирует в костях.

Я отступаю от нее, не в силах сдержать рык.

— Черт…

— Что? — Ее губы алые и распухшие. — Что случилось?

— Что-то происходит. Я… ааааах! — Мой голос превращается в гортанный рык, и с всплеском энергии я снова превращаюсь, возвращаясь в свое огромное, чешуйчатое тело. Раны кажутся теперь еще более глубокими и болезненными, когда я снова в этой форме.

Помимо ран, все части моего тела в порядке. У меня длинный шипастый хвост, четыре когтистых лапы и крылья — черт, мои крылья зацепились за деревья. Я рычу от досады.

— Дай-ка я помогу. — Серилла стремительно подходит и отодвигает ветви, пока я не могу сложить крылья ближе к телу.

Снова я дракон. Огонь бурлит в животе, теплый и доступный, если мне понадобится. Мой язык в своем обычном размере, чтобы соответствовать челюстям.

Я тот же… и все же я навсегда изменен.

— Ты вернулся, — говорит Серилла, и в ее голосе звучит разочарование. Она кусает губу, сжимая бедра. Затем она поднимает розовую ткань и завязывает ее вокруг груди. Когда она снова говорит, ее голос становится напряженным и холодным. — Наверное, теперь ты можешь подвезти меня?

Конечно, теперь она снова ненавидит меня, теперь, когда я не такой, как она. Близость наших тел ночью, ее доброта, когда я паниковал, хрупкий момент, который мы только что разделили — и поцелуй — все это прошло.

Я приседаю у берега ручья.

— Садись. Но будь осторожна с местами, где воротрица вырвала мои чешуйки.

Я наполовину ожидаю, что она все равно наступит на эти места, из чистой злости. Но она не делает этого.

Когда мы возвращаемся, двор женщин находится в полном беспорядке. Похоже, один из мужчин трансформировался, стоя рядом с барьером, и разрушил его часть, когда вернулся в свою драконью форму. Женщины болтают друг с другом, а драконы прячутся вокруг барьера, выглядя сбитыми с толку и смущенными. Я не вижу Эшвелона или Фортуникса, но замечаю Варкса и направляюсь к нему, с Сериллой все еще на спине.

— Это с тобой тоже случилось? — спрашивает он в панике.

— Да.

— Она нас обманула. Телисе нас обманула.

— Знаю. Где она?

— Все еще в пещере Эшвелона.

— Были ли жертвы? Ты знаешь, упал ли кто-нибудь с неба, когда превратился в человека?

— Насколько мне известно, нет. Большинство из нас были на земле с женщинами. Некоторые драконы застряли в своих пещерах на всю ночь в человеческой форме, и они спустились сюда, как только вернулись в форму драконов.

— Мы с тобой должны выступить перед кланом, — говорю я ему. — Но сначала я встречусь с колдуньей. Ты оставайся здесь и держи всех на земле, успокой их, пока мы не узнаем, произойдет ли изменение снова.

— Согласен, — говорит Варкс. — Делай, что нужно, чтобы получить ответы. Но, Киреаган, не убивай ее.

— Не убью, пока не узнаю, что она с нами сделала. — Я взлетаю в воздух, и Серилла с удивлением вскрикивает.

— Предупреди меня, прежде чем взлетишь в следующий раз, — зло отвечает она. — Я чуть не упала.

— Ты всегда должна быть готова, когда оказываешься на спине дракона. Это опасное место.

— Тебе всегда нужно быть осторожным, когда у тебя на спине всадник.

— Похоже, ты вернулась к своему обычному настроению.

— Что это должно означать?

— Ничего, — рычу я. — Только то, что ты была другой в лесу. Ты относилась ко мне мягче, когда я был в человеческой форме. Возможно, потому что я был менее опасным. Слабее, мягче.

— Не скажу, что мягче, — бурчит она. — Ты казался довольно жестким.

Жар и стыд накатывают на меня, и образ Мордессы встает перед глазами. Что бы она сказала, если бы узнала, как я себя веду так скоро после её смерти? Она бы осудила меня за влечение к человеку. Как я могу так осквернять память о той, кто любила меня?

Я резко ныряю, и Серилла вскрикивает.

— Никогда больше не упоминай об этом, — приказываю я ей. — Никому.

— Ублюдок, — задыхается она, когда я возвращаюсь в нормальный полет. — Так ты возбудился, когда я поцеловала тебя. Тебе не стоит стыдиться этого.

— Мне не следовало бы испытывать такие чувства до начала сезона спаривания. Особенно к тебе.

— А как ты думаешь, как я себя чувствую? Я поцеловала дракона, который вырвал меня из моего дома, бросил в пещеру и намеревается использовать меня как инкубатор. — Из её груди вырывается жалкий смешок.

— Возможно, мы оба немного сошли с ума, после того как так приблизились к смерти, — признаю я.

— А с тем неожиданным изменением твоего тела… это было запутанно, — добавляет она.

— Мы можем забыть об этом. Сделаем вид, что этого никогда не было.

Она беспокойно ерзает на моей спине.

— Если ты этого хочешь.

— Это то, чего хотим оба, не так ли?

— Конечно. — Она делает паузу, а затем добавляет: — Но в такие тревожные времена, как эти, если мы ищем физического утешения, это не обязательно должно значить что-то более глубокое. Два человека могут ненавидеть друг друга и не планировать быть вместе, но все равно использовать друг друга для взаимной пользы.

— Использовать друг друга… сексуально?

— Да. Люди делают это постоянно. Например, мы могли бы сказать, что если ты снова окажешься в человеческой форме, мы можем использовать друг друга исключительно для физического облегчения, не испытывая к друг другу никаких чувств. Без эмоций и обещаний, — говорит она.

Она замолкает. Я чувствую, как она ждет моего ответа, её ноги плотно прижаты к моим чешуям.

Что-то хищное внутри меня подскакивает к этой возможности, его жадность затмевает мою вину.

— Если это обычная практика среди людей, я могу следовать этому обычаю, когда буду в той форме, — говорю я.

— Верно, — говорит она с энтузиазмом. — В драконьей форме ты следуешь драконьим обычаям, а в человеческой форме — ну, никто не должен знать, что мы делаем.

Подрывной характер этих слов притягивает мою темную, дикую часть.

— И это ничего не меняет между нами. Я все так же могу чувствовать отвращение к твоему испорченному поведению, а ты можешь ненавидеть мой план на сезон спаривания.

— Именно. Это ничего не меняет.

— Хорошо. Но маловероятно, что я когда-либо снова буду в человеческой форме. Я полностью намерен заставить Телисе правильно выполнить заклинание и превратить женщин в драконов, как я и задумал.

— Конечно, — говорит Серилла с яркой улыбкой. — И я полностью намерена ненавидеть тебя за это.

Я рычу в знак согласия. Но, странно, теперь, когда мы заключили наше маленькое соглашение, я вдруг начинаю надеяться, что прошлой ночью была не последняя моя встреча с человеческой формой. Я бы хотел, чтобы это повторилось.

Когда мы приземляемся на уступе пещеры Эшвелона, я удивлен, увидев, что он прижал Телисе одним огромным темно-серым когтем. Её фиолетовые юбки запутались вокруг бедер, руки раскинуты в стороны, а волосы раскиданы по каменному полу.

Один из его когтей зацепился за корсет её платья, тянув его так низко, что её грудь вот-вот должна была обнажиться.

Когда я подкрадываюсь, Эшвелон быстро отступает от Телисе, фыркая и откашливаясь от смущения.

— О, боги, — шепчет Серилла. — Он собирался её убить или… трахнуть?

Я решаю проигнорировать её комментарий, но Телисе встает, поправляя вырез платья, и с хитрой полуулыбкой говорит:

— Я сама об этом думала. Привет. — Она машет пальцами в сторону Сериллы. — Я — Телисе.

— Ведьма, — рычу я. — Что ты с нами сделала?

Я ожидаю, что мне придется вытаскивать из неё информацию через пытки, но она только смеется и похлопывает меня по носу, как непослушного, но любимого щенка.

— Всё довольно просто, на самом деле, — говорит она, направляясь к гнезду Эшвелона, где среди трав спрятаны несколько бутылок. Пока она говорит, открывает одну и наливает себе напиток. — У меня не было ни запасов, ни силы, чтобы сделать то, что вы просили. Превращение таких маленьких существ, как люди, в огромных, могучих драконов потребовало бы огромного количества энергии, если это вообще возможно. Сомневаюсь, что даже мой подлый старик смог бы это сделать. Убить что-то — вот это проще. Хотя убить всех этих мужских драконов тоже привело бы к моей смерти, а этого я не хотела, потому что предпочитаю жить. Сомневаюсь, что в загробной жизни есть такое изысканное вино.

Я рычу, и Серилла советует:

— Лучше переходи к делу. Он сегодня особенно нетерпелив.

— Говорит тот, кто самый нетерпеливый из всех, кого я знаю, — выпаливаю я.

— Вы двое просто очаровательны, — смеется Телисе. — Как я уже говорила, я не могла превратить женщин в драконов, так что сделала следующее лучшее. Превратила драконов в мужчин. В драконов-перевертышей если быть точной. Это основано на заклинании, которое я когда-то проверяла, превращая куриц в крыс. Это заклинание — настоящее произведение искусства, моя коронная работа, если честно. Я всё записала, продумала каждую деталь. Вы должны благодарить меня.

Она немного колеблется, будто на самом деле ожидает благодарности. Когда я рычу, она пожимает плечами и продолжает:

— Прошлая ночь была вашим самым долгим временем в человеческой форме, так как всё только начало налаживаться и принимать эффект. С этого момента ваше время в человеческой форме будет сокращаться — около восьми часов в день. Сначала вы не сможете контролировать изменение, оно будет происходить само, так что я бы посоветовала делать короткие полёты и не подниматься слишком высоко. Когда начнётся трансформация, вы почувствуете, как изменения приходят, и у вас будет достаточно времени, чтобы приземлиться, если вы в драконьей форме, или быстро снять одежду, если вы в человеческой. Со временем вы научитесь превращаться по своему желанию, но ваши ежедневные часы в человеческой форме всё равно останутся ограниченными.

Телисе отпивает ещё вина.

— Вы сможете заниматься сексом, когда захотите. Пожалуйста. Но как вид, вы всё равно в основном драконы, так что у вас всё равно будет сезон спаривания, когда вы будете фертильными. По словам Эшвелона, когда драконы спариваются, их

генетический материал соединяется в чреве самки, а затем вокруг этой маленькой частицы формируется скорлупа яйца. Моё заклинание сохраняет этот процесс, но яйца будут немного меньше, чтобы девушкам было легче их родить. — Она подмигивает Серилле, которая резко выдыхает, произнося:

— Чёрт, да ну…

— Процесс спаривания, инкубации и вылупления может немного ускориться, — продолжает Телисе. — Но когда всё будет завершено, появится кучка маленьких драконов-перевертышей, которые будут прыгать вокруг. Я устроила всё так, чтобы они вылуплялись в форме драконов и не могли менять формы первые шесть месяцев. Конечно, всё это зависит от капризов заклинания. Я продумала всё тщательно, как уже сказала, но иногда магия ведёт себя по-своему. — Она снова смеется, будто это лучшая шутка в мире.

Я знаю, что её заклинание спасло мне жизнь, и всё же, на мгновение, моя ярость затмевает благодарность. Её лёгкость в разговоре на эту тему приводит меня в бешенство.

— Ты отменишь это, — требую я. — Или умрешь.

Эшвелон рычит низким голосом.

— Ты не убьешь её.

— Если она не будет сотрудничать, я убью её.

Он шагает вперёд, расправляя могучие плечи, они поднимаются и выгибаются в знак непокорности.

— Нет. Я не позволю.

Я вытягиваю крылья и шею.

— Я — твой принц, Эшвелон. Ты будешь делать, как я говорю.

— Повиновавшись тебе, мы и оказались в этом беспорядке. Проливание её крови ничего не исправит.

— Мальчики, мальчики, — говорит Телисе, шатаясь между нами, держа в одной руке бокал и махая другой, как бы пытаясь меня успокоить. — Нет нужды устраивать это. Заклинание невозможно отменить — можете похитить любого другого волшебника и спросить его. Они скажут вам, что это невозможно. Я не смогла бы его отменить, если бы захотела. Давайте сосредоточимся на хороших новостях. — Она снова похлопывает меня по носу, и я напрягаюсь. — Вы всё равно сможете пережить ваш сезон спаривания, которого так жаждете, и насладитесь временем вылупления. Потомство, которое выйдет из яиц, возможно, будет немного отличаться от того, что вы ожидали, но вся суть в том, чтобы продолжить драконью расу, правда? Так что, пока черты будут сохранены в какой-то форме…

Я прыгаю вперёд, отбрасывая свою голову в сторону Телисе и сбивая её с ног. Её тело с грохотом врезается в стену пещеры, гораздо сильнее, чем я намеревался.

Серилла соскальзывает с моей спины и бежит к Телисе, как раз в тот момент, когда мощный поток синевато-белого морозного огня взрывается мне прямо в лицо.

Эшвелон рычит всей своей мощью, прямо бросая мне вызов, который я не могу проигнорировать. Мы в основном невосприимчивы к огню друг друга — потребуется много сил, чтобы убить одного из нас — но смерть не является целью таких вызовов. Здесь всё о доминировании.

С рычанием я атакую.

16. Серилла

— Со мной всё в порядке, — запыхавшись, отмахивается колдунья, отбрасывая моё беспокойство. — Я хочу это видеть!

Она вытягивает шею, пытаясь взглянуть мимо меня на двух драконов, которые ревут, кусаются и царапают друг друга когтями и чешуёй на крыльях.

Эшвелон тёмно-серый и массивный в плечах, с необычайно длинной шеей и тупой головой, что придаёт ему почти змеиный вид. Из его спины торчат длинные шипы, начиная от шеи и до самого хвоста. В отличие от тёплого оранжевого пламени Киреагана, Эшвелон извергает вспышки льдистого огня, который одновременно замораживает и сжигает.

Киреаган тоже огромен, но его тело стройнее, не такое широкое в плечах и бедрах. Мне нравится его треугольная голова, блестящая чёрная чешуя и злобные шипы, что венчают каждую кость его крыльев...

— Не раздавите запасы, — кричит Телизе, пока два дракона продолжают ломать и перекатываться по пещере. — Берегите вино! Пожалуйста, только не вино!

Не могу сдержать смех. Мне она понравилась ещё до нашей встречи, просто потому, что заставила драконов довериться ей, а потом повернулась против них. А теперь я думаю, что она нравится мне ещё больше, несмотря на её замечание о яйцах.

Телизе забирает пустую чашу и, недовольно посмотрев на расплескавшееся вино, которое быстро впитывается в камень, говорит:

— Как жаль. Налью ещё. Хочешь?

— Пожалуйста, — отвечаю я. — Мой любимый напиток —чай, и я ужасно страдала от его отсутствия. Вино, однако, тоже подойдёт.

Она наклоняет голову.

— Так вот что имел в виду Эшвелон. По пути сюда он был расстроен, всё время говорил, что забыл «сделать чай» или «спросить о чае» от имени своего принца.

— Всё в порядке. Эти драконы часто не понимают, что делают.

— Подобно человеческим мужчинам, — подмигивает она мне.

— Ты права.

Следя за драконами, которые всё ещё сражаются, колдунья ползёт к бутылкам с вином и снова наполняет свою чашу. Я наблюдаю, как Киреаган прыгает на Эшвелона и прижимает его шею к земле. Эшвелон взрывается, но Киреаган сохраняет захват и рычит предупреждение прямо в его лицо.

— Я не сдамся, — задыхается Эшвелон. — Если только ты не поклянешься не убивать её. В противном случае тебе придётся убить и меня. Ты готов к этому, принц?

Киреаган поднимает голову, выгибает шею и бросает взгляд на меня и Телизе. Его жёлтые глаза сужаются, прежде чем он снова смотрит на Эшвелона.

— Ты заботишься о колдунье, — говорит он.

Телизе ухмыляется, её взгляд прикован к дракону с ледяным огнём.

Эшвелон извивается.

— Это преступление?

— Только если забота о ней делает тебя предателем своего рода. Ты знал, что она собиралась сделать?

— Нет. Клянусь всеми костями моих предков.

— Хорошо. —Киреаган скривил губы в том, что неожиданно напоминает зловещую усмешку. — Я обещаю не причинить ей вреда, если ты прямо сейчас

поклянешься взять её как свою спутницу жизни. Она станет твоей ответственностью и твоим бременем.

— Спутница жизни? — восклицает Телизе. — Подождите-ка минутку…

— Я согласен, — немедленно отвечает Эшвелон. — Согласен.

— А ты, Телизе. - Киреаган поворачивает свою огромную головку с рогами в её сторону. — Твой единственный шанс выжить —стать парой с этим драконом, который готов ослушаться своего принца, чтобы обеспечить твою безопасность. Как его спутница жизни ты будешь защищена от всех в этом клане, кто может захотеть тебе навредить — и поверь, я не единственный, кто в ярости из-за того, что ты сделала. Ты согласна?

Румянец от розового вина исчезает со щёк Телизе.

— Похоже, мне не остаётся другого выбора.

— Тогда я объявляю тебя связанной с ним навеки. Мы проведём церемонию сплетения костей после сезона вылупления. Иди, принцесса.

Но я остаюсь на месте.

— Я хочу остаться здесь и пить вино, а также посмотреть запасы. Может, там будет мыло.

— Будет, — уверяет меня Телизе.

— Тогда я остаюсь. Ты иди и говори со своими людьми — с твоими драконами, я имею в виду.

Киреаган спрыгивает с ещё неподвижного тела Эшвелона и приближается ко мне, опуская голову и с желтыми глазами, взгляд которых пронзает меня.

Кровь поднимается на мои щеки от этого властного взгляда.

— Когда наши человеческие формы вернутся? — спрашивает он Телизе, не отводя взгляда от меня.

— Хрен его знает, — отвечает она.

— Скажи навскидку.

— Может, ещё через десять или двенадцать часов? Всё ещё не совсем стабилизировалось. Но, как я говорила, летайте короткими маршрутами, держитесь низко, и, если почувствуете странное жжение, сразу приземляйтесь.

— Я вернусь через шесть часов, принцесса, — говорит Киреаган. — Будь готова.

Эти последние четыре слова несут такой смысл, что у меня по спине пробегает холодок. Он согласился с моим импульсивным планом, что мы будем использовать друг друга физически, когда он снова окажется в человеческой форме. Мне кажется, что он с нетерпением этого ждёт.

Киреаган направляется к выходу из пещеры, бросая команду через плечо.

— Эшвелон, ты со мной.

Эшвелон с трудом встаёт с пола пещеры. Он наклоняет голову Телизе, затем мне, и, поднявшись в воздух, уходит с драконом-принцем.

— Он действительно тебе нравится, — я слегка толкаю Телизе локтем.

Она смеётся.

— Он хороший мальчик. Делает, что ему говорят, в основном. Хотя мне нравится, когда он решает проявить свою волю.

— Это он делал, когда мы пришли?

Тень проскальзывает на её лице, и она отворачивается.

— Может, нам стоит проверить содержимое этих сумок? Эшвелон и Фортуникс не сочли нужным раздавать припасы женщинам, ведь их вскоре должны были

трансформировать. Теперь, когда пленницы останутся людьми, многие вещи будут отданы им. Но как Принцессе, тебе по праву следует сделать первый выбор. Можешь взять всё самое лучшее.

В её тоне слышится лёгкая натянутость, и я понимаю, что это не просто доброта или дружелюбие — это испытание. Она хочет увидеть, являюсь ли я жадной, избалованной стервой. Я намерена доказать, что это не так.

Мы неторопливо просматриваем сумки, сортируя запасы на кучки — одежда, одеяла, косметика, украшения, парфюм, вино и различные травы и соли.

— Всё это было у тебя? — спрашиваю я.

— О, нет, — она смеётся. — Когда драконы пришли за мной и сказали, что им нужны припасы для других пленниц, я заставила их подождать в конюшнях, пока я посылала гонца купить всё остальное на рынке. Я старалась учесть всё, что могло бы понадобиться цивилизованному человеку, если его держат в драконьей пещере.

— Подожди, ты заставила двух драконов ждать в конюшнях?

— Я приковала их там. Магией.

— Значит… ты могла бы победить их обоих и сбежать.

Она обвязывает вокруг шеи яркий шарф.

— Конечно.

— Так почему же ты позволила им забрать тебя?

Впервые она смотрит на меня серьёзно.

— За несколько дней до последнего поступка моего отца он прислал мне письмо, в котором описывал, что намерен сделать. Я не поверила, что он решится на это, поэтому ничего не предприняла. Никому не сказала.

— Ты пришла сюда, потому что чувствовала вину?

— Не совсем вину. Я не верю в вину. Но, наверное, я почувствовала ответственность. Драконы не уточнили, какое заклинание им нужно, но я подумала, что стоит поехать и посмотреть, что я могу сделать, чтобы как-то смягчить ситуацию.

— И ты не боялась, что сделаешь только хуже? — я морщусь. — Прости, но я слышала, что твои заклинания не всегда срабатывают по плану.

— Ты слышала, что я ужасная колдунья. Могущественная, но непредсказуемая и беспечная.

— Ну… да.

Телизе усмехается.

— Вот в чём прелесть слухов, дорогая. Я никогда не колдовала так, чтобы результат не совпал с моими намерениями. Но я действительно творила несколько заклинаний, которые дали очень странные результаты, и я притворялась, что была в шоке и смущена. Видишь ли, если ты мощный и умелый, люди не перестают просить тебя творить магию для них. Но стоит несколько раз нарочно что-то испортить, и они оставят тебя в покое.

— Ты гениальна, — я отпиваю вина, наслаждаясь его мягким вкусом.

— Лучшей ошибкой, которую я когда-либо совершала намеренно, было, когда ко мне пришёл мужчина, попросивший сделать его более впечатляющим в мужском плане. И я сделала так, что из его головы вырос дополнительный член.

Я чуть не захлебываюсь вином, но успеваю проглотить его.

— Ты не могла…

— О, да. Меня почти выгнали из города. Но я уговорила всех и купила несколько очень дорогих шляп, чтобы мужчина мог скрывать своё новое… образование. Ты бы видела это — такой мягкий член болтается сверху на его голове…

Я смеюсь так, что чуть не проливаю вино.

— Боже, драконы могут считать себя счастливыми, что ты не сделала нечто подобное с ними.

— Я подумывала об этом. Но моя цель здесь — установить мир и гармонию, а не разжигать больше гнева.

Моя улыбка исчезает.

— Ты сделала их красивыми, чтобы мы хотели их.

— Да. Это делает меня монстром?

Я не знаю, что ответить, поэтому кусаю губу и начинаю выбирать мыло. Наконец, я нахожу кусочек с запахом свежих апельсинов.

— Я понимаю, что ты пытаешься сделать, — говорю я ей. — Но не уверена, что это сработает. Драконы такие другие. А большинство женщин в ужасе. Они просто хотят вернуться домой.

Телизе фыркает.

— Правда? Или они просто притворяются? А как насчёт приключений? Как насчёт романтики? Как насчёт рождения нового народа?

— Я не хочу рожать новый, чёртов, народ.

— Ну да… — Она встаёт, расправляет юбки. — Конечно, у тебя будет выбор. Человеческая сторона драконов должна немного смягчить последствия брачного безумия. Но уверена, они будут настойчивыми и убедительными, несмотря ни на что. Ты можешь оказаться не в силах сопротивляться, даже если захочешь.

— У тебя есть какие-нибудь контрацептивные травы?

Она сжимает губы.

— Есть. Но мало.

— Мне нужно.

— Я могу дать только на два применения. Больше не могу, мне нужно оставить для остальных.

Возможно, она ждала, что я буду спорить, но я не стала. Я беру бумажный пакет с травами, который она мне даёт, а также мыло, расчёску, жестяную баночку соли, новое нижнее бельё и оранжевое платье, точно совпадающее по цвету с огнём Киреагана.

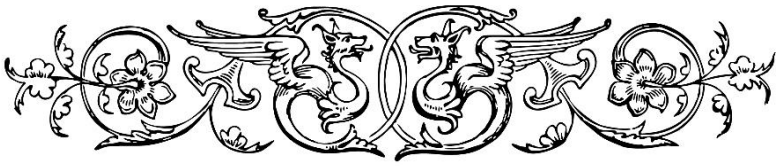
— У меня есть и мужская одежда, — предлагает Телизе. — Я не знала, что все пленницы — женщины. Это в основном вещи от бывших возлюбленных. Вот, например, это довольно принцево, не правда ли? — Она держит в руках чёрный плащ с драматическими эполетами. — Может подойти Киреагану в его человеческом облике. Здесь ещё и сапоги, где-то в этих сумках. Всё перемешалось.

В конце концов мы находим сапоги, а также чёрные брюки и две рубашки — одну чёрную, другую — цвета слоновой кости. Я нахожу и второе платье — розовое, с рукавами до локтей и оборками на воротнике. Оно выглядит как что-то, что могла бы носить крестьянская девушка в особый день.

Телизе приносит старую простыню из одной из сумок и помогает мне собрать сверток с плащом, одеждой и другими припасами. Затем мы усаживаемся на её кресло, напоминающее трон, потягиваем вино и беседуем о женщинах, которых мы

знали, о мужчинах, которых мы целовали, и о драконах, которые претендуют на наше будущее.

17. Киреаган



— Ничего нельзя сделать! — в сотый раз повторяю я группе драконов-самцов. Они столпились вокруг выступающей скалы, на которой мы с Варексом устроились, а Эшвелон и Фортуникс заняли позиции по бокам. — Заклятие необратимо.

— Мы должны убить чародейку! — раздаётся рёв Саэвела, дракона с зелёной чешуёй. — Она разрушила нас и обрекла нашу расу на гибель!

Из глотки Эшвелона вырывается злобное рычание. Чёрт, он явно потерял голову из-за этой женщины. Я не понимаю, как такое возможно.

— Эшвелон признал чародейку своей спутницей жизни, — объявляю я. — Я сам скрепил их связь. Поэтому она теперь под защитой клана, и её нельзя тронуть. Он принимает на себя полную ответственность за её будущее.

— Включая любые её новые разрушительные заклинания? — выкрикивает Хинаракс.

Чёрт. Об этом я не подумал. Что помешает Телизе продолжать вмешиваться в нашу жизнь с помощью магии?

— Я принимаю полную ответственность за всё, что связано с ней, — говорит Эшвелон. — Если кто-то из драконов хочет оспорить это, пусть попробует бросить мне вызов.

— Он опасный противник, — добавляю я. — Не советую вызывать его без веской причины.

Собравшиеся драконы недовольно гудят.

Варекс выходит вперёд, его когти царапают камень.

— Братья, давайте успокоимся и дадим себе время привыкнуть к новой реальности. Нам нужно поговорить, поделиться опытом пребывания в человеческом теле и подумать о возможных преимуществах этой перемены.

— Преимуществах? — раздаётся злобное шипение.

— Да, преимуществах, — в голосе Варекса звучит нотка энтузиазма. — Мы сможем лучше ухаживать за скотом. Сажать сады и поля. Ковать доспехи, создавать машины, писать книги…

— Ты хочешь изменить нашу культуру? — Фортуникс грубо протискивается между мной и моим братом, его шрамированное крыло задевает моё плечо. — Стать похожими на людей, которых мы ненавидим? На тех, кто совершил это преступление против нас? Прости, юный принц, но я нахожу это невыносимым. Кто здесь помнит времена охотников на драконов? Едва ли кто-то, потому что тогда погибло так много наших. Затем была чума. Потом война и убийство наших самок. А теперь мы должны видеть плюсы в том, чтобы ежедневно принимать это слабое, человеческое тело? Я не могу воспринимать это иначе, чем оскорблением нашей природы, вызовом самому Создателю Костей. Приняв это, мы плюём на черепа предков — на твоего собственного отца, Варекс. На Костяного Короля, Арзалинга. Что бы он сказал об этом?

Глухое рычание вырывается из глотки Варекса.

— Не смей упоминать моего отца, — говорит он, его голос угрожающе низок. — Ты будешь говорить о нём с уважением или вовсе замолкнешь.

— Ты, вылупыш, учишь меня правилам почтения? — рычит Фортуникс.

— Хватит! — рявкаю я с такой силой, что оба отступают на шаг. — Как мудро заметил мой брат, нам нужно время, чтобы осмыслить все стороны этой перемены. Всем непросто, но ссоры бессмысленны. Сейчас как никогда мы нужны друг другу.

Над собравшимися драконами повисает тишина. А потом Варекс произносит:

— Кстати, у кого-нибудь ещё человеческий член оказался пугающе маленьким?

Всплеск возгласов пронёсся по группе — в основном это было ужасающее согласие. Моё сердце наполняется гордостью, когда я наблюдаю, как Варекс спрыгивает с выступа и начинает ходить среди других, обсуждая с ними странные человеческие гениталии. Также упоминаются и другие ощущения, но я не слушаю — моё внимание приковано к Фортуниксу. Он улетает прочь, вероятно, чтобы остыть.

Возможно, я не должен был говорить так резко. Он ведь старший, в конце концов. И он помог Эшвелону принести сюда чародейку, так что, вероятно, чувствует себя в какой-то степени ответственным за случившееся.

Я оставляю брата разбираться с кланом, а сам лечу за Фортуниксом, намереваясь извиниться.

Но он не направляется к своей пещере. Вместо этого он парит над одним из пиков и резко уходит на северо-запад. В том направлении расположены земли, густо населённые воротрицами и болотными волками. Что могло его туда повести?

Инстинкт подсказывает мне, что я должен оставаться незамеченным, пока не узнаю его цель. Воспользовавшись попутным ветром, я набираю высоту и прячусь в туманных облаках, чтобы частично скрыть своё присутствие. Он летит низко, прислушиваясь к моему предупреждению для клана.

Ищет ли он уединения? Охотится? Или, может, ищет хищника, чтобы сразиться с ним и выплеснуть свою ярость?

Я понимаю его гнев. Сам я злюсь и сбит с толку. Но у Фортуникса больше причин ненавидеть людей, чем у большинства. Отец рассказывал мне, что в молодости Фортуникс был благословлён любовью двух спутников жизни — мужчины и женщины. Их троица была легендарной среди драконьего рода. Во время охоты на драконов оба его спутника были убиты, с них была содрана кожа. Поскольку шкуры отделили от тел до рассвета, когда они могли бы обратиться в пепел, чешуя и шкуры остались целыми. Такие трофеи дорого ценились среди богатых людей.

Сдирание кожи или расчленение тела дракона — святотатство в самом ужасном проявлении. Считается, что такой акт препятствует возвращению духа дракона в круговорот вселенной. Неудивительно, что Фортуникс хранит в своём сердце такую ненависть к людям.

Возможно, где-то у него спрятаны кости спутников, и он направляется к ним, чтобы отдать дань памяти. В таком случае я не должен шпионить за его горем. Я уже собираюсь повернуть обратно, как вижу, что он ныряет в Некротрещину — тёмный разлом, где когда-то гора раскололась надвое. Драконы редко летают туда — трещина слишком узка для крыльев, да и место проклятое, где случались страшные трагедии. Забраться в Некротрещину — всё равно что просить Создателя Костей наложить на тебя проклятие.

Снижаясь, я следую за ним, погружаясь в разлом. Я осторожно лечу на некотором расстоянии, стараясь парить так, чтобы крылья не выдали меня, синхронизируя взмахи с его.

У меня нет причин преследовать его. Нет причин не доверять ему. И всё же… Он договорился о встрече с королём Ворейна без моего или Варекса запроса. Оставался, чтобы «сгладить ситуацию», но так и не рассказал, о чём шла речь после моего ухода. Сейчас он подорвал наш с Варексом авторитет перед кланом. И вместо того чтобы оставаться с остальными, обсуждая наше положение, он здесь, в Некротрещине.

Когда ущелье сужается, Фортуникс приземляется, складывает крылья и продолжает путь по земле. Я тоже приземляюсь, крадусь за ним на приличном расстоянии, пока он не начинает карабкаться по отвесной скале. Примерно на середине подъёма он исчезает. Должна быть скрытая пещера, которую не видно с этого угла. Вместо того чтобы встретиться с ним лицом к лицу, я продолжаю путь по ущелью мимо места, где он исчез.

Впереди ущелье забито обвалом. Это тот самый камнепад, в котором погибла первая семья Мордессы. Говорят, их души так и не поднялись из-под груды камней и навсегда остались под тяжестью бесчисленных валунов.

Отец рассказывал, что родители Мордессы пришли сюда за алетией — травой, которая, если её съесть, заставляет дракона видеть мир в радужных, волнующих красках и представлять самые фантастические вещи. Эта трещина и ещё несколько подобных мест — единственные на острове, где растёт это растение.

В других местах, где произрастает алетия, стаи болотных волков слишком многочисленны для дракона, который не может подняться в воздух. Как и старшие воротрицы, болотные волки Уроскелле развили устойчивость к огню, и наша магия наносит им едва заметный урон. Поэтому родители Мордессы решили собирать траву в этом узком ущелье, куда даже волки боятся заходить. Глупый риск ради нескольких растений.

Возможно, Фортуникс пришёл сюда за алетией? Я замечаю кучки радужных листьев вдоль краёв обвала, но не уверен, что это то самое растение. Отец запретил алетию после гибели первой семьи Мордессы, поэтому я её никогда не видел.

Огромная каменная плита наклонно лежит у склона. Я прячусь под ней и жду, пока Фортуникс не выходит наружу, спускается на землю и возвращается тем же путём, не оглянувшись в мою сторону. Тогда я карабкаюсь вверх, к тому месту, где он исчез.

Действительно, там есть туннель, ведущий внутрь горы, скрытый от глаз под углом камня. Достаточно широкий, чтобы дракон размера Фортуникса мог протиснуться.

Через несколько шагов туннель расширяется, превращаясь в овальную комнату. У стен стоят сундуки, некоторые из них переполнены сокровищами. Это должно быть личное хранилище. Обычно драконы оставляют себе лишь любимые украшения, а всё остальное отдают в клановую сокровищницу, но Фортуникс явно оставил ценные вещи себе. Эгоистично, но не предательски.

Я уже собираюсь уйти, как слышу звонкий, шебуршание. У дальней стены комнаты стоит деревянный ящик, заполненный стеклянными банками с широкими горлышками. Каждая банка закрыта кожаной крышкой с отверстиями, закреплённой металлической полосой. Это странно — видеть у Фортуникса человеческие вещи,

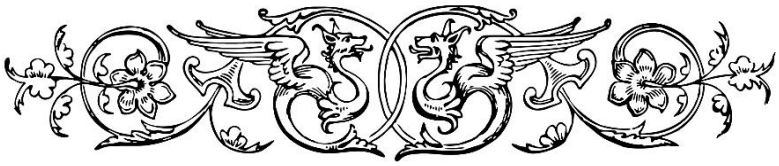
помимо украшений. Но меня удивляет не это. Звон и шорох раздаётся от крыльев кровавых жуков, бьющихся о стекло.

В каждой банке десяток жуков, каждый из которых тёмно-красного, почти чёрного цвета. Они ползают друг по другу, иногда пытаясь улететь, но натыкаются на толстое стекло. Их зазубренные челюсти постоянно шевелятся, а острый хоботок между ними то и дело совершает резкие движения, будто ищет плоть, которую можно пронзить.

Кровавые жуки обычно нападают на теплокровных животных, но иногда проникают в пасть дракона, его мошонку или в суставные углубления, вызывая боль и страдания. Эти насекомые способны выпить невероятное количество крови, увеличиваясь в размерах до пяти раз. Животные или драконы, укушенные ими, часто заражаются другими болезнями.

Я не понимаю, зачем Фортуникс спрятал это сокровище, или почему он держит кровавых жуков, словно питомцев. Но я уже достаточно удовлетворил своё любопытство. Мне нужно вернуться к остальным, напомнить им летать низко и не отдаляться. Нужно охотиться и собирать еду для нас и женщин, прежде чем трансформация снова произойдёт. А затем мне предстоит выполнить своё личное поручение и вернуться в пещеру Эшвелона за Принцессой. Сегодня ночью мы не вернёмся в мою пещеру — у меня на примете другое место.

18. Серилла



Удержаться на спине дракона, да еще с крупным узлом в руках, оказалось сложнее, чем я ожидала. К счастью, Киреаган летит медленно, держась ближе к земле, как и предложила Телисе.

– Мы не возвращаемся в твоё гнездо? – Я крепче обхватываю один из его шипов и сжимаю бедра вокруг его шеи так сильно, как только могу. Свободной рукой я прижимаю узел к груди, оберегая драгоценную одежду и припасы.

– Я отвезу тебя на другое место ночевки.

– А как же ужин?

– Еда ждет тебя.

– Молодец, – мурлыкаю я. – Учишься.

Он фыркает и резко ныряет вниз, заставляя в животе неприятно сжаться, хотя мы летим совсем невысоко над открытым лугом. Мы скользим к ряду низких предгорий у подножия другой горы. Меня поражает, насколько сложен и разнообразен рельеф этого острова. Подозреваю, что часть его создана не самой природой — вероятно, из драконьих костей или вырезана их когтями, а затем природа взяла свое, покрыв всё мхом, землёй и травой.

Киреаган лавирует через расщелину между холмами, а затем парит над тенистой долиной, где зеркальные пруды лежат под искривленными цветущими деревьями. Здесь весна во всей своей силе: деревья усыпаны пышными розовыми цветами, а влажные, мрачные лощины густо покрыты фиолетовыми фиалками.

Красота этого места заставляет моё сердце сжаться.

– Это место такое прекрасное, что больно, – шепчу я.

Киреаган тихо урчит, и я знаю, что он чувствует то же самое. Глубоко в его диком драконьем сердце есть мягкость, которая мне по душе. Ничего не могу с собой поделать.

Находиться здесь с ним наедине опасно, потому что я начинаю забывать, что должна его ненавидеть.

Чтобы укрепить внутреннее сопротивление, я вспоминаю, как он швырнул Телисе о стену. Она не пострадала, и, думаю, он не собирался причинить ей серьезный вред — всего лишь немного напугать, — но этот акт насилия всё равно разозлил меня.

И он убил Листора. Схватил его и сбросил со стены. Но это была война, а на войне свои правила — он был зол, в трауре…

Нет, Серилла. Хватит оправдывать его. Он сжигал людей заживо. Солдат десятками, а то и сотнями. Он убил родственников твоих слуг, стражников, друзей…

Киреаган скользит над несколькими круглыми прудами, окаймленными кристаллизованными камнями. От них поднимается пар, нагревая воздух. Искривленные деревья склоняются над прудами, словно впитывая тепло, а их розовые лепестки кружатся в воздухе, как ароматный снег, оседая на воде и скапливаясь в розовые дрейфы у краев каждого пруда.

Это горячие источники. Он привел меня к горячим источникам, и моя кожа сразу же начинает тосковать по погружению в эти теплые воды.

– Это священное место, – говорит Киреаган. – Мы приходим сюда в определенные луны, чтобы просить мудрости у Костяного Творца. Сюда мы приносим наших детенышей для очищения на третьем лунном цикле после их вылупления. Ни одному человеку ещё не было позволено посетить эти горячие источники.

– Тогда почему я здесь?

– Потому что я так желаю. – Он приземляется на участок мшистой скалы за пределами прудов, у входа в неглубокую пещеру. Когда я заглядываю внутрь, то замечаю еще два пруда под её сводом. Они светятся слабым голубовато-зеленым светом.

– Кристаллы в скалах светятся ночью, – объясняет он.

Будто этому месту нужно еще больше красоты, чтобы покорить меня. Я никогда не видела ничего столь прекрасного.

– Подожди здесь. – Киреаган заходит в пещеру и дует своим горячим дыханием на несколько кубических камней, расставленных вдоль пола. Каждый из них начинает ярко светиться оранжевым светом, и, в отличие от обычных камней, это сияние не угасает. Должно быть, эти камни каким-то особым образом удерживают тепло.

Когда свет от камней наполняет пещеру, он освещает два старых одеяла, разложенных на грубом каменном полу. На них стоят три миски: одна с черствыми на вид булочками, другая с сушеной соленой рыбой, а третья – с куском золотистого сыра, покрытого плесенью с одного бока.

Но моё внимание привлекает небольшая каменная чашка, идеально ложащаяся в ладонь и явно вырезанная когтем дракона. Она наполовину заполнена водой, в центре которой плавают крупные, холодные листья чая, словно жалкий островок.

Моё сердце сжимается от столкновения смеха, шока и горько-сладкой боли.

Как-то я всё же сохраняю лицо и, указывая на чашку, спрашиваю дракона:

– Что это?

– Это чай, – с явной гордостью отвечает он.

Я смотрю на чашку, чувствуя, как горло перехватывает от слез, а сердце переполняется... нет, это не привязанность или благодарность, потому что я не могу испытывать таких чувств к монстру, к убийце моего народа. Я предала своё королевство, позволив дракону лизнуть меня, поцеловав его... Я не могу зайти дальше.

– Это не чай, – презрительно морщу лицо, глядя на чашку. – Это просто вода и листья.

– Но ты же сказала... О, черт, я забыл! – Его длинная шея тянется вниз, и он выдыхает концентрированный жар в чашку. Вода мгновенно начинает парить. – Вот, теперь это чай.

Тепло разливается по моей груди, и улыбка начинает играть на губах.

– Откуда ты всё это взял?

– Из большого дома на побережье. Я попросил лучшее, что у них есть.

Кто бы там ни был, наверняка пришел в ужас от появления чудовищного черного дракона, но оказался достаточно дерзким, чтобы дать ему черствый хлеб, соленую рыбу и плесневелый сыр. Киреаган, ничего не подозревая, взял всё с чистой верой. Ему нужно перестать так легко доверять людям.

Дракон смотрит на еду, а потом на меня.

– Что-то не так? – В его глубоком голосе звучит неуверенность, и, черт, мне это невыносимо.

– Все прекрасно, – выдавливаю я два слова. Это предательство моего королевства, уступка, которую дракон никогда не поймёт. Но я забочусь о нём настолько, что не могу разочаровать его, особенно зная, что он проделал путь до самого побережья, чтобы найти то, что могло бы меня порадовать.

– Подожди… – Я поворачиваюсь к нему. – Ты был на материке? Ты встречался с королём Ворейна?

Он сглатывает, слегка прижимает острые уши.

– Да. Вчера.

– Ты сказал, что спросишь о моей матери.

– Я собирался рассказать тебе, когда вернусь, но ты сбежала, а потом…

– Воратрицы и трансформация, – заканчиваю я. – Но ты мог рассказать мне об этом ночью или утром.

– Это было неподходящее время. Как и сейчас. Тебе стоит поесть, насладиться чаем.

– Киреаган. – Я подхожу к нему и кладу руки по обе стороны его длинной морды. Его жёлтые глаза расширяются от моего прикосновения, а затем он отводит взгляд.

– Киреаган, скажи мне.

Он выдыхает тёплый воздух.

– Эта новость расстроит тебя.

– Я выдержу. Хуже не знать. Прошу…

На мою мольбу его взгляд возвращается ко мне.

– Она покончила с собой, – говорит он тихо. – Когда войска Ворейна вторглись во дворец, они нашли её мёртвой на троне.

Но он снова отводит взгляд, когда говорит это.

– Ты лжёшь и делаешь это плохо. Скажи мне, дракон. Сейчас же. – Я вцепляюсь в шипы на его челюсти, отчаянно жаждая правды.

– Она сражалась, – голос Киреагана звучит как печальный рык. – Она сопротивлялась, пока они не отняли у неё оружие. Король Ворейна заставил её раздеться догола и приказал избить перед народом. А потом он отрубил ей голову.

Я опускаю руки с его шипов, поворачиваюсь и, пошатываясь, ухожу прочь, глаза застилают слёзы.

Моя мать, которая никогда не выходила из своих покоев без идеально нанесённой пудры, румян и помады; моя мать, которая даже в дни без заседаний и встреч надевала роскошные, великолепные одежды; моя мать, чьи волосы всегда были сложены в сложнейшие прически – её лишили всех этих слоёв, её личной брони, и подвергли избиению на городской площади… Этот образ я просто не могу выдержать.

– Чай должен был помочь, – тихо говорит Киреаган.

– Чай? – Я резко оборачиваюсь, дрожа от гнева. – Этот чёртов комок листьев в воде? Это не чай. Это мерзость, как и черствая, гнилая еда, которую ты притащил.

Он пятится на шаг, его шея изогнута. Его рога и шипы выглядят, как корона, сильнее, чем когда-либо, и я ненавижу его за это. Ненавижу за то, что он такой красивый, такой величественный, что выглядит таким раненым, но всё равно так заботится обо мне.

– Я любила свою мать, – слова застревают у меня в горле. – Я ненавидела её, но любила. Она была отвратительной, беспечной женщиной, которая разбрасывалась

жизнями, как монетами, но она не заслужила такого страдания. Она не заслужила. Она, должно быть, чувствовала себя так униженно, испытывала такую боль… Ей нужна была я, а меня не было, я не была…

– С тобой произошло бы то же самое. Или хуже, – отвечает Киреаган. – Король Ворейна предложил мне три сундука золота и Паррокские банки в обмен на тебя.

– Какого чёрта?

– Он говорит, что твой народ тебя любит. Он планирует использовать тебя, чтобы управлять ими. И хочет, чтобы ты родила от него.

– И что ты ему ответил?

– Я подумал над предложением, но решил его отклонить.

– Неожиданно мудро с твоей стороны, – говорю я сквозь стиснутые зубы. – Может, ты наконец начинаешь понимать, что твой союзник – чудовище куда хуже любого дракона. Он использовал твой клан, чтобы творить ужасные вещи. Он манипулировал вашей нуждой и превратил вас всех в орудия своей жестокости. Ты не можешь доверять ему или его наградам. Если будешь – ты дурак.

Губы дракона приподнимаются, обнажая тихое рычание. Я ранила его, сказав правду о еде и чае, а теперь уязвила его гордость. Но я слишком полна беспомощной боли, чтобы это волновало меня.

– Ты отдал мой народ в руки ужасного человека, – говорю я ему. – Семьи, которые мне дороги, люди, которые были добры ко мне, теперь находятся в его власти, и в этом твоя вина. Я никогда не прощу тебя за это.

Он рычит громче, отступает ещё на шаг, его крылья напряжённо выгнуты, а хвост с шипами хлещет воздух.

– Удивлена, что ты не отдал меня ему, – продолжаю я. – Ты делал и худшие вещи, например, устраивал массовые резни ради новых охотничьих угодий. Почему бы не взять сокровища и Паррокские банки, или что там ещё, и не отдать меня ему? Ты всегда можешь найти другую девушку на моё место. Какую-нибудь покорную, которая не будет тебя раздражать, которая будет рада принять тебя и высиживать твои яйца.

Он двигается ко мне, голова опущена, глаза горят. С каждым словом он обнажает свои длинные, сверкающие в тусклом свете зубы.

– Мне не нужна другая девушка, – произносит он.

В моём сердце пульсирует тревожное волнение, но это только сильнее разжигает мою ярость. Я не могу справиться с бурей эмоций, поэтому сжимаю зубы и бью его кулаком в чешуйчатую морду, прямо между ноздрями.

– Кажется, будто муха приземлилась мне на нос, – мрачно усмехается Киреаган.

Я кричу от ярости и замахиваюсь, чтобы ударить его снова, но прежде чем мой кулак достигает цели, он резко вдыхает и вздрагивает.

Вспышка света на мгновение полностью заслоняет его, и, когда она гаснет, передо мной снова стоит тот самый высокий, крепко сложенный мужчина с тёплой смуглой кожей, острыми рогами и водопадом чёрных, как ночь, волос.

Я бью его сильно в левую грудь, и он отшатывается с хриплым стоном. Эта вспышка насилия немного облегчает мою неистовую боль, поэтому я бью его ещё раз, по рёбрам. Костяшки ноют, но эта боль ничто по сравнению с агонией моего израненного сердца.

Киреаган делает шаг назад, хватает одеяло и торопливо оборачивает его вокруг бёдер, заправляя края вместо того, чтобы завязать. Видимо, он понятия не имеет, как это делается. На этот раз он стоит немного увереннее.

Когда он снова поворачивается ко мне, его тёмные глаза светятся искренним сожалением.

– Вперед. Причиняй мне боль, – говорит он. – Твой гнев свеж и обжигающ, и ему нужна разрядка. Когда один дракон становится причиной гибели другого, намеренно или случайно, убийцу наказывает родственник погибшего. Я причинил тебе невыразимую боль и лишения. Независимо от моих мотивов, ты заслуживаешь возмездия. Разорви мою кожу, набей мне синяков, избей меня – я не буду сопротивляться. Моё тело принадлежит тебе.

Я замираю, потрясённая его словами, такими непохожими на те, что он сказал, когда вырвал меня из воздуха у городской стены.

Тогда он заявил: Твоя воля, твоё будущее и твоё тело принадлежат мне.

А теперь он отдаёт своё тело мне. Подчиняется боли ради меня, даже несмотря на то, что сам пережил невообразимые потери. Я не могу забыть его голос, когда он рассказывал о своей Наречённой, о бабушке, о сестре. Я не могу не видеть зуб и коготь, с такой заботой выставленные на полке в его пещере, с вырезанными именами его родителей. Я не могу игнорировать безмолвное свидетельство еды, которую он приготовил для меня, и этот дурацкий чай… этот чёртов чай.

– Ты слышала меня, Серилла? – повторяет он. – Соверши свою месть. Используй меня.

Жар прокатывается по коже, разгорается в центре тела, обжигает вены, пальцы. В ушах гулко шумит кровь.

Используй меня. Используй меня…

Я бросаюсь к нему, хватаю его за волосы, тяну его лицо к своему. Мои губы терзают его, наши зубы и языки переплетаются, безумные, голодные. Моё тело истосковалось по прикосновениям, по теплу, по чему-либо, кроме этой постоянной, изнуряющей неопределённости. Я так устала от боли, от грусти, от напряжения и страха. Мне нужно горячее, гладкое тепло его груди, плотные мышцы его живота, линии его бёдер. Мне нужны его сильные руки, которые неуверенно обнимают меня, пока мои пальцы вцепляются в широкую поверхность его спины. Он стоит неуверенно на своих человеческих ногах, и я толкаю его назад, к другому одеялу. Мы падаем на него, сметая в сторону чашку с комковатым чаем и несъедобной едой.

– Ты сказал, что я могу использовать тебя, – произношу я между яростными поцелуями. – Я хочу использовать тебя, чтобы почувствовать себя лучше. Можно?

– Тебе нужен мой язык, – он высовывает его с намёком, и это настолько нелепо и очаровательно, что я смеюсь. Я смеюсь, но тут же смех гаснет, словно потушенный огонь, потому что моя мать мертва, моя мать была избита и обезглавлена, и, боже, что со мной не так… Я перестаю целовать его, прижимаю лоб к его плечу и закрываю глаза, пытаясь удержать слёзы. Я сдерживаю их так сильно, что не могу дышать.

Всё моё тело содрогается, яростное подтверждение моей боли. Руки Киреагана крепче сжимаются на моих боках.

– Возможно, тебе сейчас не нужен мой язык, – тихо говорит он. – Возможно, тебе нужен отдых.

– Нет, – я провожу зубами по его толстой ключице и кусаю до тех пор, пока его дыхание не сбивается. – Мне нужно, чтобы ты заставил меня перестать думать, перестать чувствовать эту боль.

– Физическое наслаждение может это сделать? – Боль в его голосе струной отзывается в самой глубине моей души.

– На какое-то время, – шепчу я.

– Тогда делай со мной всё, что хочешь. Я сказал это и имел в виду каждое слово.

Я выпрямляюсь, сидя на его талии. На мне всё ещё нижнее бельё и короткая обёрнутая юбка, а он по-прежнему в одеяле. Но даже через ткань я чувствую его возбуждение.

Он мой враг, и всё же я не хочу переступать ту грань, к которой он может быть не готов. Он ведь никогда не был с женщиной.

– Если тебе что-то не понравится, скажи, и я остановлюсь, – произношу я мягко.

– Мне понравится всё, – отвечает он, его лицо заливает румянец. Он смотрит на меня так, словно разрывается между страхом и необузданным восторгом.

Этот взгляд стирает из моей памяти все ужасные истины, отодвигая их куда-то вглубь сознания. В этот момент существует только он – с его неукротимым, непредсказуемым драконьим сердцем, с его когтистыми руками, так осторожно удерживающими мою талию, и с его прекрасными чёрными, как шёлк, волосами, рассыпанными по одеялу.

Я снимаю розовую повязку с груди и бросаю её в сторону. Его лицо меняется, наполняясь чем-то, похожим на благоговение, и я едва сдерживаю смешок. Я никогда не понимала, откуда у людей такая яростная одержимость грудью. Мне нравится моя, но, честное слово, Киреаган выглядит так, будто хочет воздвигнуть ей памятник.

– Ты ведь уже видел их, – шепчу я. – И трогал.

– Да, но… – Но это другое. Ему не нужно договаривать — я тоже это чувствую.

Сбросив остатки одежды, я вновь устраиваюсь на его твердом животе. Беру его запястья, но вместо того чтобы направить его руки к своей груди, развожу их в стороны, а сама придвигаюсь ближе. Осторожно, немного неуклюже, ставлю колени по обе стороны от его головы и обхватываю пальцами основания его рогов. Его рот прямо под моей киской.

– Покажи мне язык, - шепчу я.

Киреаган уже открывает рот, уже тянется ко мне, полный желания ощутить мой вкус. Я использую его рога, чтобы изменить угол наклона его лица, когда опускаюсь на него.

Киреаган стонет, его низкий голос отдается вибрацией между моих ног.

– Черт… – вырывается из меня, когда я начинаю тереться о его челюсть, его рот, его нос. Его раздвоенный язык дразнит меня, скользит по моим припухшим, чувствительным губам, прежде чем начать уверенно и ритмично их ласкать.

– О… о… о… – задыхаюсь я, повторяя этот звук снова и снова, извиваясь на нем. Черт, я уже так близка к оргазму, но не могу позволить этому случиться так быстро. Я не хочу, чтобы это закончилось – я чувствую, как тень скорби подступает где-то рядом, готовая снова поглотить меня, а я не вынесу этого. Мне нужно, чтобы это продолжалось.

Когда я пытаюсь отстраниться, понимаю, что он держит меня за ягодицы, прижимая к своему лицу. Он наслаждается этим, по-настоящему смакуя момент.

– Отпусти меня, или я кончу слишком быстро, – выдыхаю я.

– Ты можешь кончить больше одного раза? – спрашивает он, произнося слова прямо у моего клитора. Я беспомощно вскрикиваю, дрожа на грани оргазма.

– Да, – всхлипываю я. – Да, да…

– Тогда мы будем считать, сколько раз ты кончишь для меня.

Когда он произносит «кончишь для меня», его губы слегка касаются моего клитора, и горячая волна блаженства пронзает меня насквозь. Мои ноги дрожат, я рефлекторно сжимаю его рога, сильнее притягивая его лицо к себе. Я беспомощно извиваюсь на нем, полностью отдавшись этим головокружительным ощущениям.

Киреаган впивается ногтями в мои ягодицы, не так сильно, чтобы поцарапать кожу, но достаточно, чтобы я поняла: он полностью поглощен моим наслаждением, полностью готов принять то, что я буквально душу его своим телом.

– Полегче, – выдыхаю я, ослабляя хватку на его рогах. – Сейчас я слезу с тебя.

Его пальцы расслабляются, переходя в мягкие круговые движения по моим бедрам, пока я поднимаюсь на колени, чтобы дать ему вздохнуть.

– Я ошибался, – говорит он. – Человеческие тела великолепны.

Когда я сползаю с него, замечаю, что его член стоит прямо под одеялом, обернутым вокруг его талии. Я осторожно разворачиваю одеяло и откладываю его в сторону, оставляя его тело полностью обнаженным.

– Ты такой чертовски красивый, – шепчу я. – Мне нравится и твоя новая форма.

Он приподнимается, его взгляд встречается с моим

– Ты считаешь, что я красив в облике дракона?

– Ты же знаешь, что так и есть.

Его лицо начинает озарять улыбка, но тут его будто что-то пронзает – я вижу это, я знаю это чувство, потому что оно только что случилось со мной. Я узнаю эту вину в его выражении, она мне до боли знакома. Это ощущение, что ты не имеешь права на счастье, потому что те, кого ты любил, были ранены или погибли.

Его красивое лицо напрягается, искаженное такой болью, что я невольно чувствую эту боль вместе с ним.

Я протягиваю руку и беру его за подбородок.

– Что случилось?

– Я не должен так себя чувствовать, – его дыхание тяжелое, грудь вздымается от переполняющих эмоций. – Так я должен был чувствовать себя к той, что была моей Нареченной. Она сказала, что любит меня, а я не смог ответить ей. Она заслуживала моей любви, но получила смерть.

– Ты чувствуешь вину, – говорю я, проводя большим пальцем по его губам.

– Но я чувствую и другое. К тебе.

В его глазах появляется что-то мягкое и страстное, что-то нежное и интимное. В моей голове раздается предупреждающий сигнал, словно драконья сирена из моего родного города. Внезапно я прижимаю ладонь к его губам.

– Не говори этого.

Он отстраняется.

– Ты спрашивала, почему я не хотел, чтобы Король Ворейна забрал тебя…

– Киреаган, остановись! – я бросаюсь к нему и прижимаю обе руки к его губам. – Тише, глупый дракон. Или мне снова придется заставить тебя замолчать с помощью своего тела?

Он захватывает мои запястья в свои большие руки.

– Так это так называется?

– Это… и другими словами.

– Ты боишься слов? – он поднимает на меня бровь. – Кажется, что так.

Я извиваюсь, пытаясь освободиться.

– Некоторых слов, да.

– Я просто хотел сказать тебе…

С резким проклятием я вырываю руку и обхватываю его член.

Его глаза мгновенно становятся пустыми, и из его горла вырывается странный звук – нечто между вздохом и стоном. Я позволяю себе торжествующую улыбку, проводя большим пальцем по головке его члена, размазывая его смазку.

– Не говори, – шепчу я. – Если только не хочешь, чтобы я остановилась.

Моя рука продолжает обхватывать его член, пока я придвигаюсь ближе, наклоняясь к нему, ощущая его тепло. Мои губы зависают в миллиметре от его, наши дыхания смешиваются, пока я начинаю медленно скользить рукой по его длине. Мне нравится, как он выглядит ошеломленным, словно все его мысли вычистили, оставив только ощущение моих пальцев. Его загорелые щеки розовеют, а дыхание становится все более прерывистым, пока я провожу пальцами вдоль его члена, следуя линии пульсирующей вены.

Мягко, кончиком пальца, я касаюсь чувствительной области прямо под головкой его члена. Его член дергается в ответ на мои движения, выделяя еще больше смазки.

– Серилла, – шепчет он.

– Хочешь, чтобы я остановилась?

– Нет.

– Хорошо. – Я меняю положение и склоняюсь над его бедрами. Когда мой язык касается головки его члена, он резко выдыхает:

– Черт, – и опирается на руки, откидывая голову назад. Его темные волосы рассыпаются по земле.

Два других пениса, которые мне доводилось пробовать, были грязными и отдавали кислым запахом, но Киреаган на вкус соленый, как океан, и свежий, как трава, обдуваемая ветром. Поэтому я беру его в рот полностью.

Он кончает мгновенно, с грубым криком. Я почти давлюсь, но успеваю изменить угол наклона головы и глотки, чтобы проглотить его семя. Его так много, что я чуть не сдаюсь, но продолжаю, пока каждая капля не оказывается у меня в животе. Пока я глотаю, одна рука лежит на его бедре, а другой я нежно поглаживаю его напряженный живот. Через ладонь я ощущаю напряжение его мышц, тяжесть дыхания, вибрацию стонов и жар, скрытый внутри него.

Когда он заканчивает, я выпрямляюсь и бережно обхватываю его член рукой, помогая ему пережить остатки оргазма. Я смотрю на его лицо: глаза плотно закрыты, черные ресницы словно кисти красят его раскрасневшиеся щеки, его четкая линия челюсти напряжена, а губы приоткрыты. Он настолько мощный, даже в своей человеческой форме, и в то же время выглядит таким уязвимым и прекрасным, что мне хочется снова его поцеловать.

Я не чувствовала такой искренней радости уже очень давно.

– Ты сделал это для меня, – мягко говорю я. – Хороший дракон. Твой первый раз.

Его глаза медленно открываются, и он садится прямо, осторожно убирая мою руку со своего члена. Теперь его выражение лица трудно понять.

– Ты в порядке? – спрашиваю я. – Ты… ты чувствуешь себя плохо из-за этого? Из-за нее?

Он протягивает руку, проводя когтями по моим волосам.

– У меня есть вопросы к самому себе. Но я не жалею.

19. Киреаган

Это было… чертовски потрясающе.

Драконам не положено испытывать сексуальное желание, кроме как в брачный сезон. Но я больше не просто дракон. Правила изменились. А то, что я испытал, было настолько невероятным, что я отказываюсь омрачать это сожалением.

Серилла коснулась меня, подарила мне наслаждение, но не позволила сказать ей правду о моем сердце, не дала рассказать, как изменились мои чувства к ней. Поэтому я молчу, пока она лежит передо мной обнаженная на покрывале. Я ласкаю ее губами и пальцами, пока она не кончает для меня снова, издавая самые нежные, самые мелодичные стоны.

– Ещё раз? – спрашиваю я, готовый вновь подарить ей наслаждение. Но она, хихикнув, говорит, что двух раз достаточно. Затем поднимается, берёт кусок сыра и выходит из пещеры к ближайшему горячему источнику.

Серилла опускает палец ноги в парящую воду и издает вздох наслаждения. Когда она оборачивается ко мне, я словно теряю дар речи, поражённый её стройной фигурой, освещённой мягким сиянием кристаллов у воды. Она выглядит божественно, неземной, почти священно.

– Давай, дракон, – зовёт она меня, отламывая куски от огромного клина сыра. Она постепенно счищает голубоватую плесень с его поверхности, пока не остаётся лишь нежный кремовый цвет.

Между мной и источником – участок неровной скалы, который мне придётся преодолеть на этих хрупких человеческих ногах. В прошлый раз я сумел пройти через песок – наверняка смогу справиться и с полом пещеры. Я должен попытаться двигаться грациозно и плавно, как она. Ведь если я начну выставлять себя дураком, это точно не поможет завоевать сердце Принцессы.

Я начинаю подниматься, но ноги запутываются, и я с глухим стуком падаю обратно. Кажется, это тело работает лучше, когда я не думаю о ходьбе, разговоре, еде или других действиях. Заклинание, изменившее меня, должно было включать некоторый уровень инстинктов для помощи в таких функциях. Но стоит мне начать слишком много анализировать, я становлюсь только неуклюжее. Не лучший сценарий для того, кто привык всё обдумывать до мелочей.

Может, мне лучше ползти к ней. Я привык передвигаться на четырёх лапах. Это, наверное, будет менее неловко, чем шататься и спотыкаться через весь пол пещеры.

Я начинаю ползти, но быстро осознаю, что это ещё более неловко. Это тело не предназначено для ползания. Острые углы и выступы камней впиваются в колени, а ступни нелепо волочатся позади.

Глаза Сериллы искрятся весельем, её губы плотно сжаты, будто она изо всех сил старается не рассмеяться. Она кладёт сыр на камень и, опираясь руками о гладкий край бассейна, зовёт меня:

– Давай сюда, дракон. Иди ко мне, хороший мальчик. Ты сможешь.

– Почему мне кажется, что ты меня дразнишь? – рычу я.

Она игриво издаёт чмокающий звук губами:

– Сюда, мальчик. Хороший дракон.

– Для тебя я – Принц-Дракон, – отвечаю я, погружая ноги в воду и опуская в неё всё тело. Мои волосы расплываются по поверхности источника, мгновенно впитывая влагу. Я собираю их в ладони, осматривая мокрую прядь.

– Вода приятная, правда? – спрашивает Принцесса.

– Да, но, думаю, её тепло не так впечатляет меня, ведь я и сам постоянно излучаю столько жара.

Она пожимает плечами, отламывает кусок сыра и отправляет его в рот.

Эта вода не так обжигает, как океан, но у меня всё ещё есть несколько ран от воратрицы. Они уже не открытые, но покрыты чем-то вроде чешуйчатого, тёмного материала.

– Не трогай, – предупреждает Серилла. – Это часть процесса заживления, защитный слой, чтобы кожа под ним могла восстановиться. Чешуйки отпадут сами, когда заживление завершится.

Я изучаю свои ладони. На одной из них – царапина от острого камня.

– Эта кожа такая тонкая, словно кожица у ягоды.

– Мы уязвимы, это правда, – тихо отвечает она. – Это цена за то, чтобы хорошо все чувствовать. Ты не можешь быть одновременно закованным в броню и чувствительным к прикосновениям.

– Значит, чтобы испытывать высшее наслаждение, нужно быть готовым к самой ужасной боли.

– Такова человеческая природа. – Она кладёт ладонь на поверхность воды, затем поднимает её и наблюдает, как сверкающие капли стекают с её пальцев.

Я повторяю её движение, наслаждаясь ощущением ряби на воде.

– В форме дракона мои чешуйки чувствительны к давлению, но невозможно ощутить все текстуры объектов, если только не использовать язык. И даже тогда это совсем другое, не то, что с этими. – Я поднимаю мокрые пальцы.

Но, кажется, в её голову закралась печальная мысль. Она едва замечает мой комментарий, её ресницы грустно опускаются, отбрасывая тень на голубые глаза, а уголки губ слегка опускаются. Ей снова больно. Но теперь я понимаю, что есть способы обойти боль, когда она становится невыносимой.

Я двигаюсь к ней по воде.

– Хочешь, я заставлю тебя кончить в третий раз?

– Эм… – Она краснеет и отводит взгляд. – Не сейчас.

– Но ты грустишь. Удовольствие может это исправить.

– Удовольствие – это всего лишь отвлечение, как вино или еда. Оно не убирает печаль. – Она отламывает ещё кусочек сыра. – Открой рот.

Я откидываю голову назад, с подозрением глядя на еду.

– Оно странно пахнет.

– Ты ешь сырые туши животных.

– Это другое. Думаю, мне не понравится.

Она закатывает глаза.

– Ты хоть пробовал?

– Не хочу.

– Дракон, – говорит она, беря меня за челюсть рукой. Её голубые глаза горят, пронизывая меня до глубины души. – Открой, чёрт возьми, рот. Я выпила всё, что ты мне дал, – так что, по крайней мере, можешь съесть то, чем я тебя кормлю.

Я отодвигаюсь чуть дальше.

– Тебе будет нормально после того, как ты выпила так много моего семени?

– Твоей спермы, – поправляет она. – Всё будет в порядке. Я определённо теперь менее голодная, потому что её было очень много. И, честно говоря, она вкуснее, чем человеческая.

Жар вспыхивает у меня в груди.

– Ты пробовала семя другого самца?

– Да.

На её признание я рычу, низко и глухо.

Глаза Сериллы расширяются от удивления.

– Тебе не нужно ревновать. Тогда я тебе не принадлежала – я могла быть с кем угодно. У тебя нет права злиться.

– Что ты сказала? – Мой пульс учащается.

– Я… э…

– Ты сказала, что тогда не принадлежала мне.

– И сейчас я тебе не принадлежу, – быстро добавляет она.

Теперь моя очередь преследовать её, а её – пятиться назад в парящей воде. Но мои ноги длиннее, и мне удаётся загнать её в угол. Я осознаю, что широко улыбаюсь. Надеюсь, это не выглядит слишком пугающе.

– Я не твоя, – протестует она слабо, её голос едва слышен, пока мои пальцы сжимаются вокруг её рук.

Я наклоняюсь, намереваясь поцеловать её, но она засовывает кусочек сыра мне в рот и ныряет под воду.

Незнакомый вкус на мгновение парализует меня. Богатый, сливочный, с ореховыми нотками и острой кислинкой. Я медленно жую, наслаждаясь плотной, но крошащейся текстурой.

– Сыр.

Серилла всплывает на другом конце источника.

– Ну что? Понравился?

– Пока не уверен. Думаю, мне нужно ещё.

– Разделим. – Она плывёт к камню, где оставила клин сыра, и делит его пополам, протягивая мне одну часть. На несколько мгновений в пещере царит тишина – слышно только журчание воды, мягкий звук пережёвывания и шёпот ночного бриза, проходящего сквозь цветущие деревья над нами. При свете диоритовых камней в пещере и свечении кристаллов я прекрасно вижу Принцессу, даже без ночного зрения, которое у меня есть в драконьей форме. Лепестки цветов падают с ветвей, тихо опускаясь и плывя по мерцающей воде. Никогда прежде я не испытывал такого покоя…

– Ты жуёшь очень громко, – Принцесса пристально смотрит на меня. – Я знаю, ты ещё не привык к своим зубам и языку, но мог бы попытаться жевать с закрытым ртом? Я всегда ненавидела звук чавканья.

– Ах, значит, это тебе не нравится? – Я начинаю жевать громче, нарочито чавкая.

– Придурок.

Я откусываю большой кусок сыра и шумно его пережёвываю, одновременно говоря:

– Ты не единственная, кто может быть раздражающей маленькой засранкой.

– Давай уточним: ты сам себя так назвал.

– А как бы ты меня назвала?

– Большой, озабоченный ублюдок.

– Похоже, ты заранее приготовила этот титул.

Она смеётся, но звук её смеха почти сразу затихает, вместе с улыбкой.

– Что случилось? – спрашиваю я тихо. – О чём ты вспомнила?

– Ничего. Просто… моя мать тоже имела для меня пару прозвищ. Она их словно копила, чтобы изредка произнести, едва слышно, так, чтобы только я могла услышать. Ничего приятного. – Она делает глубокий вдох и медленно выдыхает. – Но потом я шла на кухню, и повара, все там, всегда заставляли меня чувствовать себя желанной. Главный повар, Майрон, был крупным, крепким мужчиной, который любил хорошие истории или песни. Так что кто-нибудь всегда рассказывал что-то интересное, пока остальные слушали и работали. Или кто-нибудь из персонала учил нас новой песне, и мы пели её все вместе. Майрон всегда говорил: «Истории и песни делают труд легче».

– Ты беспокоишься за его благополучие.

– Я беспокоюсь обо всех них.

– Уверен, они тоже скучают по тебе.

Она играет с лепестками, плавающими на поверхности воды, водя по ним пальцем, и при этом медленно дрейфует в мою сторону. Похоже, она даже не осознаёт, что приближается ко мне.

– А ты? – Она зачерпывает воду ладонью, легко дует на лепестки, заставляя их закружиться. – Расскажи мне о своих хороших воспоминаниях.

– Тебе не интересны жизни драконов.

– Возможно, раньше и нет, – тихо отвечает она. – Но теперь мне интересно.

С неохотой я начинаю рассказывать о вылуплении Варекса, о том, как мы с моими братом и сестрой учились летать, о том, с каким терпением наша мать нас обучала. Как только я начинаю, остановиться становится сложно, и я рассказываю ей о страсти Вилар к стратегии, о том, как она придумывала бесчисленные игры для нас, птенцов. Я вспоминаю, как отец обожал угрей и шёл на любые хитрости, чтобы поймать их. Я делюсь воспоминаниями о полётах моей матери с Варексом, о том, как она наслаждалась грозами и безлунными ночами.

Даже после того, как мы выходим из источника и укутываемся в одеяла, я не могу перестать рассказывать ей всё. Я цитирую строфу из поэмы Гриммав, грубо переведённую с драконьего, и рассказываю, как Мордесса и я стали Наречёнными по настоянию наших семей.

Между моими историями она делится своими – рассказывает о свирепых охотничьих собаках из дворцовых псарен, которые лизали ей руки и скулили, требуя внимания. О пухлых человеческих младенцах и неуклюжих детях, которых она, кажется, любила почти так же, как их собственные родители. О том, как тайком ходила по дворцу, помогая слугам с повседневными делами, потому что ей нравилось быть занятой, чувствовать себя полезной и помогать облегчать их труд.

Когда мы сидим бок о бок в пещере, окружённые нашими воспоминаниями, наши потери становятся чуть легче. И когда мы, наконец, ложимся спать, утомлённые, Серилла пододвигается ближе ко мне в своём одеяле и начинает петь завораживающую мелодию о крыльях и клыках, ветре и море, шёпотах и тьме. Я без слов понимаю, что это песня, которую она сочинила сама, после того как я привёз её на этот остров. Моё горло сжимается, потому что она однажды сказала, что никогда не поёт свои композиции для других. Но сейчас она поёт эту – для меня.

Слёзы скатываются из моих глаз в полумраке – слёзы привязанности, восхищения, изумления, потому что я никогда не слышал песни, которая так идеально воплощала бы дикость, опасность и красоту Уроскелле.

Я просыпаюсь посреди преобразования – магия вибрирует в моих конечностях. В спешке я отползаю от Сериллы и бросаюсь из пещеры, как раз в тот момент, когда моя драконья форма прорывается наружу.

На мгновение, в процессе трансформации, я оказываюсь без тела. Я – ничто. Это самое страшное, что я когда-либо испытывал. Возможно, это похоже на смерть.

Когда всё заканчивается, я встряхиваюсь, расправляя крылья. Раны, где воратрица вырвала мои чешуйки, заживают. Боль ушла, но потребуется несколько недель, чтобы чешуя полностью восстановилась.

Раздражение вцепляется в мою душу горящими когтями. Я яростно взмахиваю хвостом, широко раскрываю пасть и выпускаю поток огня, который накрывает три источника, заставляя густой пар подниматься столбами. Обугленные лепестки кружатся в воздухе, осыпаясь пеплом.

Все идёт не по плану. С тех пор, как умер отец, одна катастрофа сменяет другую. Каждый раз, когда я пытаюсь взять ситуацию под контроль, терплю неудачу. Я устал от этого. Я не привык разбираться с таким количеством эмоций одновременно; я не могу разобрать их, как ракушки, или выстроить в ряд, как кости. Я пытался спрятать их, как тёмные сокровища в глубине пещеры, но они снова вырываются наружу, затопляя меня, давя на плечи. Я спал, но всё равно чувствую себя измотанным. Мы с Сериллой провели блаженный вечер, но с приходом нового утра, когда я снова в своей чешуйчатой форме, наше время вместе кажется таким далёким, словно сон. Тихий покой, который я ощущал, исчез во время внезапного пробуждения, и теперь я чувствую только ярость.

Серилла, завернувшись в одеяло, выходит ко входу в пещеру. Её лицо ещё сонное и слегка покрасневшее.

– Ты снова дракон.

– Очевидно.

Она хмурится.

– Ты ещё ворчливее, чем обычно.

– Мне это не нравится, – рычу я. – Ненавижу, когда меня вынуждают менять тела. Это противоестественно. Я должен был наказать эту колдунью.

– Кроме того, что ты заставил её стать парой Эшвелона? – Она поднимает бровь. – Думаю, этого было достаточно.

– Это было для её же блага. А он влюблён в неё, разве ты не видишь? Ты - человек и должна уметь замечать эти проклятые знаки и понимать, когда кто-то яростно, безнадёжно, мучительно влюблён.

– Ничего себе. – Она моргает, глядя на меня. – Ты заставляешь это звучать таким ужасным.

– Это и есть ужасно. Собирай свои вещи. Пойдём.

– Я хочу снова искупаться в горячем источнике.

– Нет.

Она приподнимает брови и слегка вскидывает голову. На её лице появляется надменное выражение вызова.

– Ты не можешь говорить мне, что делать.

– Ты - моя пленница. Конечно, могу.

Её пальцы театрально подносятся к губам в притворном удивлении.

– Я твоя пленница? Правда? Я совсем об этом забыла. Скажи, дракон, все ли похитители целуют своих пленниц?

– Ты сказала, что сексуальное удовольствие ничего не изменит между нами, – отвечаю я. – Когда я в этой форме, ты будешь делать то, что я скажу, и тогда, когда я скажу.

Её взгляд сверкает вызовом, и она сердито топает обратно в пещеру. Сначала я думаю, что она собирается меня послушаться, потому что она надевает простое белое платье и укладывает все свои вещи в большой свёрток, готовый для путешествия. Но когда упаковка завершена, она оставляет свёрток у входа в пещеру и уходит дальше внутрь.

– Серилла. – Я медленно иду за ней. – Иди сюда.

Она продолжает идти, доходя до конца пещеры, где начинается короткий тоннель.

– Этот тоннель ведёт в тупик, – предупреждаю я её.

– Что? – Она ускользает в тоннель с довольной улыбкой. – Ты не сможешь последовать за мной сюда.

Чёрт.

Я бросаюсь к тоннелю и просовываю голову и шею так далеко, как могу, но она права – мои плечи не пролезают, и я не могу её достать. Мои челюсти с треском захлопываются – злой щелчок, от которого она вздрагивает и ахает, но затем смеётся. Она, блин, смеётся.

– Тебе нужны вода и еда, – говорю я ей. – Тебе всё равно придётся выйти за ними.

Она плюхается на пол и скрещивает руки на груди.

– Отлично. Сиди там и голодай, – рычу я. – Одним ртом меньше кормить. Всё равно еды у нас в обрез.

– Из-за чумы, – говорит она. – Мне до сих пор кажется странным, что она распространилась по всем островам. Что-то же должно было её перенести – птицы, драконы, насекомые… а если насекомые, то, наверное, кровососущие, такие как…

– Кровяные жуки, – тихо произношу я.

– Не знаю, что это, но звучит отвратительно.

Я резко отворачиваюсь от входа в тоннель, подлетаю к выходу из пещеры и взмываю в небо.

Скажи, что я ошибаюсь, Фортуникс. Скажи, что я ошибаюсь, скажи…

У него были кровяные жуки в той пещере, в тех банках. Зачем ему было держать столько? Точно не в качестве питомцев. Должна быть причина, более тёмная цель. Кровяные жуки, заражённые чумой. Если мои подозрения верны, он выпустил их на свободу несколько месяцев назад, зная, что они уничтожат нашу добычу, зная, что они, возможно, даже погубят нескольких драконов.

Зачем?

Потому что, как только наша добыча станет редкостью, нам придётся искать новые охотничьи угодья. Фортуникс должен был знать, что отец не станет захватывать новые острова силой. Родная земля священна для драконов, и мы никогда бы не отняли земли, на которые уже претендуют. Фортуникс знал, что Костяной Король будет торговаться за землю – торговаться с Ворейном, королевством, которому принадлежали ближайшие и богатейшие охотничьи угодья. И, торгуясь с Ворейном, мы стали их союзниками в войне против Электстана – страны, которую Фортуникс ненавидит с тех пор, как они начали охоту на драконов.

Это логично, но я не могу поверить, что он мог так поступить. Должно быть другое объяснение. Это, наверное, просто совпадение или паранойя, порождённая моим горем. Старейшина никогда бы не подверг других драконов опасности.

Дом Фортуникса – треугольная пещера на вершине зубчатого пика. Он живёт там столько, сколько я себя помню. В детстве я мечтал о дне, когда смогу взлететь так высоко. Когда я наконец обрёл достаточно сил и уверенности, я часто посещал его. У него всегда находилось несколько жирных угрей для голодных молодых драконов.

Я ошибаюсь. Это паранойя, я выдумал безумную теорию, которая не может быть дальше от истины. Спросить его об этом, усомниться в его преданности после всего, что мы пережили вместе, – это было бы жестоко. Ему будет больно из-за того, что я поставил под сомнение его верность, пусть даже на мгновение.

И всё же…

Я врываюсь в пещеру, быстро складывая крылья.

Это место едва достаточно велико, чтобы защитить его от стихии, поэтому я с первого взгляда понимаю, что его здесь нет. Нет следов свежей добычи, никакой еды, и его запах уже выветрился. Он не был здесь несколько часов. Возможно, прошлую ночь он провёл на земле.

Как выглядит его человеческая форма? Он ничего не упомянул об этом на собрании клана. Возможно, он стар, слабее большинства, и ему стыдно, чтобы кто-то это увидел.

Его отсутствие раздражает меня. Я хочу разобраться с этим сейчас же. Ещё минуту назад я считал себя жестоким за то, что подозревал его, а теперь не могу уйти отсюда, не получив ответов. Чёрт, мой разум – как косяк рыб, метающийся то в одну сторону, то в другую. Я не могу решить, что делать.

Я вновь вырываюсь из пещеры, с ревом выражая своё раздражение небу. Ответный крик раздаётся с соседней вершины, где два дракона кружат, наслаждаясь солнцем перед охотой. Вместо того чтобы поздороваться с ними, я направляюсь обратно к горячим источникам. Я оставил там Принцессу, но будь я проклят, если она подумает, что выиграла. Я заставлю её выйти и унесу обратно в свою пещеру, где она будет ждать, пока я не решу, что делать – с ней, с Фортуниксом, со всем.

Но когда я поворачиваю к юго-востоку, то замечаю гряду тёмных облаков на горизонте – плотную, угрожающую линию, которая тянется настолько далеко, насколько хватает моего взгляда.

Я уже видел такую облачную гряду однажды, и меня много раз о ней предупреждали. То, что я сейчас вижу, – это Мордворрен, огромный, медленно движущийся шторм, чей гром раскалывает скалы, а молнии могут пробить даже драконью броню. Это космический ураган, состоящий из множества штормовых ячеек, – неестественное, разумное погодное явление, сгущённая локализация нестабильной магии. Это – разрушение.

Отец бесчисленное количество раз предупреждал меня и моих брата и сестру о Мордворрене.

– Если увидите, что он приближается, соберите всё, что сможете, и укройтесь, – говорил он. – Мордворрен - не друг драконам.

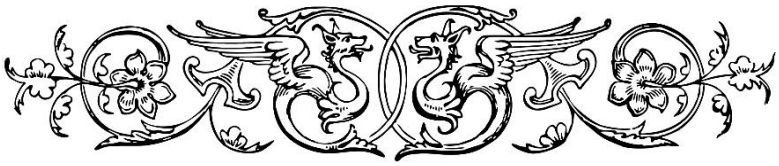
В прошлый раз нам повезло. Мордворрен обошёл нас стороной, и Уроскелле ощутил лишь краешек его ярости. На этот раз он направляется прямо к нам. Хотя огромный размер замедлит его, Мордворрен достигнет нас к закату.

Скоро наступит Ребристая луна, а Мордворрен может бушевать днями. Это значит, что наш брачный жар не превратится в радостную, страстную оргию на зелёных полях под весенним небом. Вместо этого всё произойдёт, пока мы будем заперты в пещерах, ожидая, когда смертельные молнии и гром, раскалывающий скалы, утихнут.

Горький смех вырывается из меня. Конечно, именно так должен пройти мой первый брачный сезон. Это подходит ко всем несчастьям, которые обрушились на нас в последнее время.

Мои вопросы о Фортуниксе придётся отложить. Времени нет. Я должен предупредить клан, чтобы мы успели собрать достаточно еды, чтобы пережить этот шторм. Затем каждый дракон должен решить, где он укроется и с кем.

20. Серилла



Кровавые жуки.

Он произнес это странное слово и оставил меня здесь на весь день.

Сначала я оставалась в сыром каменном туннеле, убежденная, что он только притворяется, будто ушел, и схватит меня своими когтями, как только я высуну голову. Но спустя пару часов я выскользнула из прохода, разделась и погрузилась в один из горячих бассейнов, чтобы расслабиться. Позже я пошарила в поисках еды, но муравьи уже разобрали черствый хлеб и остатки сыра. К счастью для меня, у меня была сумка с засахаренными орехами, которую мне тайком передала Телисе перед тем, как я покинула ее пещеру. И уж точно не благодаря Киреагану. С ним в роли моего смотрителя я бы провела день голодной или, того хуже, была бы вынуждена попробовать ягоды с ближайших кустов, надеясь, что они не окажутся ядовитыми.

Пока он отсутствует, я сочиняю о нем песню — злую балладу, в которую вставляю все обидные слова, какие только могу придумать. Как-нибудь я спою ее ему, когда он будет измотан и попытается уснуть.

К черту его. Я думала, что между нами что-то изменилось. Мы делились друг с другом не только интимными моментами, но и эмоциональными. Я думала… да какая разница, что я думала. Это было глупо.

Чтобы развлечь себя, я надеваю оранжевое платье, которое выбрала из тех, что принесла Телисе. У него нет ни бретелей, ни рукавов, но лиф идеально садится, как только я кое-как застегиваю большинство пуговиц. Одну, правда, застегнуть самой у меня не выходит. Три тонкие золотые цепочки нашиты на талии, изображая фальшивый пояс, и их концы свободно свисают, сверкая на фоне пышной оранжевой юбки. Мне нравится это платье, особенно потому, что мать всегда говорила, что оранжевый мне не идет. Надев его, я чувствую, будто совершаю маленький бунт против ее контроля. И мне стыдно за это из-за того, как она умерла. Но я также полна такой безрассудной злости, что мне все равно. Я в бешенстве на нее за то, что она не сдалась в те последние недели, когда могла бы спасти себе жизнь. Если бы король Ворейна согласился письменно пообещать сохранить нам жизни как часть условий капитуляции, он был бы обязан сдержать слово перед своим народом и нашим. Но когда он вошел как завоеватель, чтобы подчинить бывшую королеву, такой сделки не существовало.

Я хочу убить его за то, что он убил ее. Хочу повернуть время вспять и помешать Верховному Чародею наложить свое последнее ужасное проклятие. Хочу остановить себя от того, чтобы взбираться на стену к той башне. Хочу, чтобы я сбежала за южную границу и исчезла. Хочу, чтобы смогла стать ближе к своей матери, понять странное партнерство между ней и Чародеем. Хочу, чтобы могла ненавидеть Телисе за то, что она – его дочь. Хочу, чтобы она мне не нравилась так сильно. И хочу, чтобы мне было плевать на одного сварливого черного дракона.

По мере того как день подходит к концу, небо начинает выглядеть странно. Оно приобретает желтоватый, почти зеленоватый оттенок, что меня тревожит. Вместо того

чтобы казаться мягким и свежим, как утром, воздух кажется хрупким, натянутым, словно тетива лука, натянутая слишком сильно и готовая лопнуть.

– Киреаган, где ты? – бормочу я, глядя в небо.

Через мгновение его тень скользит по мне, словно он услышал мой призыв. Я бегу к пещере, намереваясь снова нырнуть в туннель и ему наперекор, но в этот раз он оказывается слишком быстр. Он преграждает вход в пещеру, подталкивая мой сверток носом.

– Хватай свои вещи и залезай, – приказывает он.

Я готова снова с ним спорить, но напряженная срочность в его тоне меня останавливает. Схватив сверток, я без возражений забираюсь ему на спину.

Он взмывает в воздух с таким рывком, что я едва не падаю.

– Идиот! – огрызаюсь я. Он коротко бросает:

– Извини.

– Что случилось? – спрашиваю я, пока мы поднимаемся. – Ты сказал «кровавые жуки», а потом ты… о боже… что это за чертовщина?

На горизонте разрастается огромная стена из кипящих черных облаков, приближаясь к Уроскелле. Это не просто буря — это катастрофа. Несчетные ветви фиолетовых молний беззвучно сверкают под угрожающей громадой.

– Мордворрен, – говорит Киреаган. – Ты о нем слышала?

– В школе, – выдыхаю я. – Он уничтожил часть нашей столицы десятки лет назад. А потом прошел неподалеку от южного побережья, когда я была маленькой, но свернул и ушел обратно в море.

– На этот раз нам не удастся избежать его. Он будет здесь через два часа или меньше, и, судя по рассказам, может продолжаться несколько дней. Другие драконы и я весь день охотились, запасая рыбу и дичь, чтобы пережить бурю. Женщины тоже собирали припасы много часов подряд.

Я крепче прижимаю сверток к груди.

– Ты оставил меня там, у горячих источников. Я могла бы пойти с тобой. Я могла бы помочь.

– Я ушел, потому что у меня были другие дела, – отвечает он. – Но, увидев шторм, я понял, что это придется отложить. Наше выживание важнее всего. У меня не было времени возиться с избалованной принцессой, которая предпочитает прятаться по углам, вместо того чтобы делать, как ей говорят.

– Если бы ты вернулся и объяснил, что происходит, я бы вышла. Но, может быть, ты подумал, что от меня мало пользы в поисках припасов, ведь я такая слабая и избалованная девчонка.

– Хватит! – почти рычит он, и мое сердце сжимается. – Драконы и люди собираются прямо сейчас. Когда мы прибудем, нужно будет решить, где каждый сможет укрыться.

– Черт, – вырывается у меня, когда я наконец осознаю. – Жар спаривания начнется во время шторма, да?

– Да.

– Что будет?

– Я не знаю. Но вчера был последний раз, когда мы были вместе. Раз уж ты так меня презираешь, выберешь другого дракона, чтобы пережить Мордворрен.

Его слова больнее, чем должны быть.

– Прекрасно. Я останусь в большой пещере с остальными женщинами.

– Никто не может остаться в той пещере. Во время сильных дождей она затапливается.

– А что если женщины останутся вместе в другой пещере, выше в горах? – предлагаю я. – Только люди, без драконов.

– Где бы ни содержались пленники, с ними будет хотя бы один дракон. Мы не оставим ни одну группу без защиты в это время.

– Без защиты? – усмехаюсь я с сарказмом. – С вами, монстрами, мы в гораздо большей опасности.

Он не отвечает. Ветер усиливается, хлещет по моим щекам, пока мы летим над полями, усеянными свежими драконьими костями, над зубчатыми скалами, возвращаясь к горам, где расположены пещеры драконов. Мы пролетаем над разрушенным лагерем, где раньше пленницы разводили костры. Теперь он пуст, не души.

– Они ждут в Раковинной долине, – говорит Киреаган. – Это место сбора для драконов. Если встать на каменную плиту в ее центре, все в долине услышат сказанное.

Я не отвечаю. Дыхание перехватывает, а из-за яростного ветра слезы текут из уголков глаз. К тому же я злюсь на него. Он отверг меня, так что я должна выбрать кого-то другого. Но что бы я ни сделала, не могу быть уверена, что буду в безопасности. И не могу защитить остальных женщин.

– Ты должен пообещать мне, что никто не будет спариваться под принуждением. – Мой голос, тонкий, словно нить, едва прорывается сквозь ветер. Но Киреаган меня слышит.

– Я уже объявил смертную казнь любому дракону, который решится на такое.

– О. – Это, наверное, облегчение, но совсем небольшое. Никто из нас точно не знает, как жар спаривания повлияет на драконов теперь, когда они могут принимать человеческий облик. Будет ли желание слишком сильным, чтобы они могли себя контролировать?

– Всё это неправильно, небезопасно, – выдыхаю я, чувствуя, как комок в горле мешает говорить. – Это всё из-за тебя. Ты сделал это, притащив нас сюда, похитив Телисе. Ты поставил нас всех в эту ситуацию. Что бы ни произошло, это будет на твоей совести.

– Конечно будет, – рычит он. – Никто другой не несет никакой ответственности. Всё – мое. Но теперь этого уже не избежать – ни шторма, ни заклинания, ни жара спаривания. Мы должны справляться, как можем. Готов поспорить, ты будешь рада избавиться от меня.

Он резко ныряет вниз, и я вскрикиваю от внезапного падения. Но я уже научилась держаться, сжимая его бока коленями и бедрами. Это похоже на езду на огромном, необъезженном жеребце.

Когда я забралась на него, то подоткнула оранжевое платье, и теперь его огненные юбки развеваются вокруг меня, пока Киреаган приземляется с громовым грохотом черных крыльев. Я неуклюже сползаю с его спины, крепко сжимая свой сверток и остро ощущая, как десятки драконов и людей смотрят на меня. Слава богам, я выбрала оранжевое платье, а не белую рубашку.

Глаза зрителей меня не пугают. Я привыкла к тому, чтобы ходить перед толпой, привыкла быть под пристальным взглядом – вызывать аплодисменты, критику, восхищение. Привыкла, что люди оценивают всё, что я ношу, и всё, что я делаю,

начиная с самых незначительных действий и заканчивая мельчайшими изменениями в выражении лица.

Спокойно кладу свои вещи, приглаживаю юбки и становлюсь рядом с Киреаганом, слегка касаясь его шеи ладонью. Он напрягается, словно хочет отстраниться от моего прикосновения, но не делает этого.

Мы стоим на большой каменной плите, напоминающей платформу, на которой могла бы стоять королевская чета. Остальные драконы и люди собрались чуть ниже, на дне долины.

Из толпы выпрыгивает стройный черный дракон и приближается к Киреагану. Это его брат, Варекс. Он говорит тихо, но его голос разносится по долине, звучный и отчетливый.

– Самцы хотят исполнить брачные танцы, брат, – говорит он. – Я сказал им, что мы позволим.

– Нет времени, – рычит Киреаган. – Шторм почти настиг нас. Мы должны быстро выбрать себе спутников и укрыться.

– Время еще есть, – Варекс поднимает голову выше, чем у Киреагана. – Это важная традиция, ритуал, передающийся из поколения в поколение. Чтобы сэкономить время, вместо того чтобы каждый дракон выступал по отдельности, мы можем танцевать вместе, все сразу.

– Так это не делается, – возражает Киреаган.

– Это называется компромиссом, – голос Варекса становится глубже, а в его ноздрях мелькает пурпурное свечение. – Для меня это важно, и если мы действительно делим правление Уроскелле, ты позволишь мне принять это решение. Я уважаю каждый твой выбор и поддерживаю тебя во всем. Поддержи меня в этом.

Меня поражает, что они ведут этот откровенный разговор на глазах у всех. Моя мать никогда бы не позволила нам показать себя перед публикой иначе, чем как преданная родительница и послушная дочь. Если бы я хоть намекнула на несогласие с ней при нашем народе, я знала, что меня ждет: долгие тирады, жестокие пощечины и лишение привилегий. Даже после того как мне исполнилось двадцать, она дала понять, что я принадлежу ей — что я не партнер, а ценное имущество, объект.

Наблюдая за партнерством между Киреаганом и Варексом, я чувствую, как сердце сжимается от боли. Особенно когда Киреаган склоняет голову перед братом.

– Я поддерживаю тебя.

– Тогда у нас будет музыка, – объявляет Варекс. – Леди Элекстана, вы могли быть пленницами вначале — трофеями войны, добычей нашей мести, – но, думаю, я выражу общее мнение всех драконов здесь, сказав, что вы стали для нас гораздо большим. Вы – почетные гостьи, прекрасные подруги, дорогие спутницы. Вы – наше спасение. Как мой брат провозгласил сегодня утром, ни одна из вас не будет принуждена спариваться с каким-либо драконом, в любой форме. Но если вы сочтете нас достойными своей благосклонности в этот сезон, мы будем поклоняться вам, как вы того заслуживаете, и оберегать вас столько, сколько вы позволите. Ни одна пара, сформировавшаяся во время жара, не будет связана обязательствами. Это время радости и, да, времени рождения потомства. Но яйца, как только они будут отложены, станут исключительно ответственностью самцов. Вы будете свободны жить так, как пожелаете, с драконом, которого выберете сегодня, или без него.

Я толкаю Киреагана локтем в шею и бормочу:

– Почему ты не мог сказать это так же?

И, конечно же, мои слова разносятся по всей долине. Все слышат их.

Горячая волна приливает к моему лицу, когда я осознаю, что натворила. Я унизила Киреагана, поставила под сомнение его лидерские качества перед всем кланом и всеми женщинами.

– У моего брата язык из золота, – громко говорит Киреаган с улыбкой в голосе. – Мне повезло служить клану вместе с ним.

Это изящное признание того, что он менее искусен в публичных выступлениях, чем брат. Другие драконы тихо смеются над его замечанием, и Варекс безупречно берет ситуацию под контроль, направляя женщин отойти назад и сгруппироваться, а драконов – собраться вокруг центральной каменной плиты.

Я не вижу ни Телисе, ни Эшвелона. Но ко мне подходит Джессива, протягивая руки. Я бросаю ей свой сверток и с трудом спускаюсь с плиты, не причинив себе вреда.

Долину заполняет шум драконов – взмахи крыльев, удары лап, их голоса, рычащие на драконьем языке, пока они быстро планируют свое выступление. Под прикрытием этого гула Джессива поворачивается ко мне, кладет сверток между нами и говорит:

– Каждой из нас сегодня дали свежую одежду, мыло и несколько других вещей.

– Я рада. – Я пытаюсь взять свои вещи, но она не отпускает. Под прикрытием одеяла, обернутого вокруг свертка, она что-то мне передает. Я касаюсь острого края, и мой взгляд тут же устремляется к ее глазам.

Она четко шепчет одними губами:

– Убей принца. Этим.

Ее пальцы сжимают мои вокруг предмета. Это изогнутый нож или, возможно, коготь. Бесполезный против дракона, но для человека он может быть смертельно опасен.

Она дает мне оружие. Она хочет, чтобы я убила Киреагана, когда он будет в человеческом облике.

– Он не выберет меня, – шепчу я.

– Ты можешь выбрать его, – говорит она. – А я выберу его брата.

Ее взгляд полон решимости, в нем нет ни капли сомнения. Она намерена свергнуть руководство драконьего клана, надеясь, что хаос, который последует за этим, даст нам шанс на побег.

Джессива делает шаг назад, оставляя мне оружие и мои вещи. Мне удается спрятать коготь-нож в складке свертка, прежде чем положить его рядом с ближайшим камнем. Я заберу его позже, когда пойму, с каким драконом мне предстоит уйти.

Вчера я думала, что Киреаган вот-вот признается мне в любви. Очевидно, я неправильно поняла его намерения. Я вела себя как дура, зажимая ему рот, паникуя из-за признания, которое он даже не собирался делать. Сегодня он ясно дал понять, что не испытывает ко мне никаких чувств.

Киреаган и Варекс оба сказали, что женщины могут сами выбирать своих тюремщиков, стражей, партнеров — кем бы драконы сейчас себя ни называли. Я могла бы выбрать Киреагана против его воли. Но это кажется неправильным. Лучший вариант для меня — выбрать другого дракона, того, кто добр, умен и уже испытывает чувства к другой пленнице.

Голубой дракон, Роткури, кажется очевидным выбором. Я уверена, он позаботится обо мне и защитит меня во время шторма. И, судя по тому, как его пленница минуту

назад гладила его плечо, между ними все еще кипит страсть. Он точно будет трахать ее. Возможно, я смогу предложить ей немного травяного контрацептива, который мне дала Телисе, если она хочет секса, но не горит желанием выдавливать из себя драконьи яйца.

Я чуть не смеюсь, стоя среди женщин и думая такие нелепые мысли. Эта ситуация настолько абсурдна, что выходит за пределы всего, что я когда-либо могла представить. Я думала, что мой лучший шанс на достойную жизнь – это вполне привлекательный принц из соседнего королевства, который, возможно, будет хорошо ко мне относиться, с которым я могла бы наслаждаться дружбой, если не любовью. Я была полностью готова рожать детей от этого гипотетического принца и сделать этих детей целью всей своей жизни.

Смешно то, что меня действительно «забрал» принц, и ему действительно нужна спутница, чтобы стать матерью его детей. Но в моих фантазиях такая жизнь включала определенные удобства: чистые, прекрасно обставленные комнаты в великолепном дворце, изысканные блюда каждый день, прекрасные сады, где я могла бы играть с детьми и питомцами. Дом, а не пещера. Сшитую по мне одежду, а не платья, подобранные наобум. Еду, приготовленную на настоящей плите.

Драконы стараются, насколько это возможно, полагаю. Признаю, другие женщины выглядят вполне ухоженными — теперь они куда чище, одеты в свежую одежду. Никто из них не плачет и не выглядит столь отчаявшейся, как в первый раз, когда я их встретила. Интересно, сколько из них сблизились с конкретным драконом — или даже с несколькими. В конце концов, самцов-драконов больше, чем женщин. Некоторые могут остаться без спутницы, а это, согласно словам Киреагана, ослабит их магию.

Пятеро драконов-мужчин отошли в сторону, похоже, больше интересуясь друг другом, чем происходящим действием. Двое из них выглядят особенно нежно настроенными друг к другу. Как и у людей, думаю, некоторые драконы находят, что любовь и удовлетворение, которых они жаждут, лежат за пределами пары «мужчина-женщина» — или вообще за пределами любого гендерного определения.

Кто-то касается моей руки, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Гвенет, женщину, которая побежала в лес впереди меня.

– Значит, тебя тоже снова поймали, – бормочу я.

– Нет, – отвечает она. – Я вернулась сама. Когда увидела больше острова, то поняла, что драконы — мой лучший шанс на выживание. И я обнаружила… – Она прикусывает губу, ее взгляд становится мягким и отстраненным. – Они не такие ужасные, как я думала. Они нуждаются в нас. А быть нужной, желанной… страстно жаждаемой… для меня это что-то значит.

Ее слова глубоко меня трогают. Я хочу поговорить с ней больше, задать вопросы, разобраться в чувствах, что сталкиваются в моем сердце. Но прежде чем нахожу, что сказать, драконы начинают свою песню.

Сначала низкий, резонансный гул, рождающийся где-то глубоко в груди каждого дракона. Одни выстраиваются в круг вокруг огромной центральной плиты, другие усаживаются на нее, а около дюжины поднимаются в воздух, синхронно взмахивая крыльями. Тем временем драконы на земле топают лапами, создавая ритм, в который вплетается глухой удар их огромных хвостов.

Гром их движущихся тел пробивается прямо до моих костей, заставляя сердце биться быстрее. Музыка всегда сильно на меня влияла, а в этом первобытном ритме

есть что-то, что вызывает дрожь в коленях. Ветер, порожденный величественными крыльями, растрепывает волосы женщин. Глаза каждого дракона горят пламенем, пасти обнажены, шеи гордо выгнуты, рога сверкают.

– Черт, какие же они красивые, – шепчет женщина за моей спиной.

Топот, гул и удары продолжаются, и группы из шести драконов отделяются от остальных, начиная танцевать. Некоторые выглядят неловко, взмахивают крыльями, покачивают головами, кружатся, словно гоняются за своими хвостами. Другие двигаются с естественной грацией, превращая даже самые нелепые движения в нечто чувственное. Я пытаюсь сосредоточиться на Роткури, который с радостью машет своими голубыми крыльями и кружится в веселом танце, кивая своей гладкой головой. Но Киреаган находится в той же группе, и я не могу оторвать от него взгляд.

Он танцует, словно сражается. Его шея извивается вперед, пасть щелкает в такт ритму. Он кружится, будто готовится к прыжку, размахивает когтями, словно атакует добычу. Каждая линия его тела, от узких желтых глаз до самого кончика хвоста, излучает ярость, страсть и жажду. Он гибкий, великолепный, порочный. Я совершенно очарована, и когда его группа отступает, освобождая место для другой, я испытываю разочарование.

Он не хочет меня. Он сам это сказал. Мне нужно сделать правильный выбор ради своей безопасности. К тому же я предпочла бы избежать решения о том, убивать его или нет.

О чем я думаю? Я не могу убить его. Несмотря на все его ошибки и на то, как мы иногда относимся друг к другу, я просто не могу. Возможно, как наследная принцесса, я обязана заботиться о других пленницах и обеспечивать их возвращение домой, но не ценой его жизни. Я отказываюсь. Если Джессива хочет уничтожить двух принцев, ей придется делать это самой.

Стоит ли предупредить Киреагана, что Джессива планирует убить его брата? Он может испепелить ее на месте. Возможно, лучше сказать напрямую Варексу, чтобы он был начеку. Но будет ли это предательством моего народа?

Когда каждая группа драконов заканчивает свой танец, резонансный гул становится громче и более завораживающим. Драконы ломают строй и направляются к своей аудитории. Некоторые женщины визжат и хватаются друг за друга, но я слышу беззвучный смех, спрятанный за притворным страхом. Теперь, когда они увидели драконов в человеческой форме, всё изменилось. Сам воздух насыщен предвкушением, силой и желанием.

Интересно, как другие драконы выглядят в человеческом облике. Вряд ли кто-то из них может быть так же красив, как Киреаган. Это не значит, что я хочу его — это просто объективное суждение. Он красив. Бессмысленно убеждать себя в обратном.

Драконы продолжают топать и гудеть, но прижимают крылья к бокам, пока обходят нас, как хищники, кружащие вокруг добычи. С коротким последним ревом и топотом они останавливаются.

– Наши гостьи сейчас выберут себе стража на время шторма, – объявляет Варекс. – После того как выбор будет сделан, у вас будет время собрать вещи, прежде чем ваш дракон отведет вас в свою пещеру.

Я вижу, как девушка Роткури идет прямо к нему. Он приветствует ее, нежно прикоснувшись к ее щеке.

Если я собираюсь выбрать его, мне лучше поторопиться. Но мне нужно сначала поговорить с Варексом, прежде чем Джессива доберется до него. Она тихо говорит с одной из женщин, а я пробираюсь сквозь пленников к Варексу.

Он смотрел на Джессиву, и мое появление, кажется, его удивляет.

– Принцесса, – говорит он, уважительно склоняя голову. – Я думал... Я ожидал, что ты и мой брат...

Я хватаюсь за один из его шипов на челюсти и тяну его голову вниз, чтобы тихо сказать ему на ухо. Мы уже не стоим на центральной плите, но я хочу убедиться, что мой голос не разнесется.

– Осторожнее с Джессивой, – говорю я. – Она хочет твоей смерти.

Когда я его отпускаю, он поднимает голову, и в его янтарных глазах появляется боль.

– Ты ошибаешься.

– Надеюсь, что так. Просто... будь осторожен.

Большая, усеянная шипами гора из черной чешуи и кожистых крыльев появляется в моем боковом зрении.

– Ты выбрала его? – рычит Киреаган с удивлением, в котором слышится боль. – Ты собираешься укрыться с моим братом?

– Нет, не собираюсь! Я пойду с Роткури.

Киреаган возвышается надо мной, глядя сверху вниз с величественным презрением.

– С Роткури?

– Да.

– Нет. – Это слово гремит из его груди.

– Что значит «нет»? Ты сам сказал, что я могу выбрать, что я должна выбрать. Это либо Роткури, либо Варекс. Или, может, вон тот. – Я указываю на белого дракона с сапфировыми чешуйками, разбросанными по телу. – О, красный тоже прекрасный, и танцевал он хорошо. Может, я выберу его.

Киреаган рычит, широко открыв пасть, и в глубине его горла вспыхивает огонь. Варекс исчезает из виду, а остальные держатся подальше — все, кроме миловидной девушки с черными волосами, которая приближается к Киреагану.

– Если позволите... Я бы хотела выбрать вас, мой лорд, – говорит она, застенчиво улыбаясь. – И мы могли бы... ну, вы понимаете. Я готова...

– О, отлично. Да, пожалуйста, забери ее, – вмешиваюсь я. – Тебе как раз нужна такая милая, как она. Посмотри на ее очаровательное тело! Держу пари, она хороша в постели, как думаешь, дракон? Унеси ее в свою пещеру, а я пойду к Роткури.

Я разворачиваюсь и начинаю уходить, но Киреаган издает душераздирающий рык. В следующую секунду я оказываюсь зажата между его челюстями.

Мое тело охватывает жар и холод одновременно — леденящий ужас в венах и шок, обжигающий кожу.

Киреаган держит меня осторожно, прижимая губами и языком, но я не осмеливаюсь пошевелиться, боясь напороться на его острые зубы. Его дыхание частое, лихорадочное, не настолько горячее, чтобы обжечь меня, но оно жалит. Это паническое, стремительное дыхание говорит мне, что он достиг своего предела. Громадный груз, который он вынужден был нести, сломил его. Он больше не способен мыслить разумно, осталось лишь голое инстинктивное начало.

Я хочу помочь ему, но не могу, пока нахожусь у него во рту, где опасность быть разорванной его кинжаловидными зубами так велика.

– Киреаган! – я задыхаюсь. – Поставь меня на землю.

Рядом с головой Киреагана появляется Варекс и говорит низким, срочным тоном:

– Брат, что ты делаешь? Немедленно отпусти девушку.

Киреаган шипит, но опускает голову и позволяет мне скатиться из его челюстей. Прежде чем я успеваю отползти, он наваливается на меня, его массивная грудь прижимается к моей, не настолько сильно, чтобы раздавить, но достаточно, чтобы ясно дать понять: нужно оставаться на месте. Он облизывает мое горло, и его тело сотрясает судорожная дрожь, сопровождаемая стоном желания.

– Черт, – шепчу я. Жар вспыхивает между моих бедер, разливается по всему телу. Несмотря на то, что на нас смотрят все, мне с трудом удается не задрать юбки и не умолять его использовать свой язык на мне.

Он хочет меня. На самом деле хочет. И с этим осознанием приходит полное понимание того, почему он пытался оттолкнуть меня.

– Замри, Серилла, – предупреждает Варекс. – Дай ему время. – Затем он добавляет строгим голосом: – Брат, если ты не возьмешь себя в руки, мне придется сразиться с тобой прямо сейчас. Ты сам говорил, что ни одна женщина не будет принуждена драконьей волей.

Но Варекс не понимает. Никто из них не понимает. Они не осознают, что Киреаган был моим первым выбором, моим единственным выбором, и если бы он упорно не настаивал на разлуке, я выбрала бы его с самого начала. Они не видят, что поведение Киреагана сейчас – это не признак безумия жара спаривания, а результат разбитого сердца, истощенного разума и души, поглощенной внутренним конфликтом.

Ну ладно… может, немного и безумие жара.

– Всё в порядке, – громко говорю я. – Он не принуждает меня. Я выбираю его. Я пойду с ним.

Другие женщины переговариваются между собой, пока дракон-принц отступает в сидячее положение, позволяя мне подняться. Его дыхание замедляется, но золотые глаза по-прежнему полны боли, паники и унижения. Мне нужно увести его отсюда, чтобы он смог оправиться.

– Прости, – говорю я застенчивой девушке. – Тебе придется выбрать кого-то другого. Принц мой.

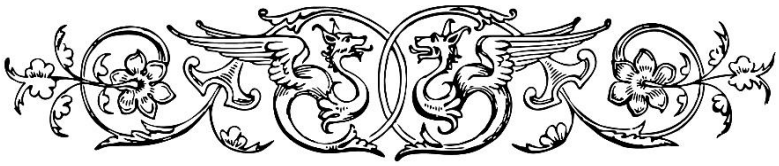
Она выглядит разочарованной, но не подавленной, и уходит к алому дракону.

– Теперь он в порядке, – говорю я Варексу. – Спасибо.

Он кланяется мне и поворачивается, чтобы поприветствовать Джессиву, которая приближается к нему с яркой улыбкой. Можно подумать, что она его преданная возлюбленная, а не женщина, планирующая его убить. По крайней мере, я его предупредила. Он сам решит, переживать ли шторм с ней или нет.

– Жди здесь, – говорю я Киреагану. – Я заберу свои вещи, и мы отправимся в твою пещеру.

21. Киреаган



Я оставляю брата следить за оставшимися и убеждаюсь, что все доберутся до своих пещер в безопасности. Мне трудно полностью передать ему бразды правления — в голове вертится сотня вещей, о которых ему придется позаботиться или разобраться до того, как обрушится Мордворрен. Поскольку укрываться мы будем несколько дней, всем нужно напомнить держать пещеры чистыми от отбросов и выбрасывать мясо, которое начинает портиться. Те, у кого в пещере есть источник воды, должны принять меры предосторожности против возможного затопления.

Но Варекс знает все это. Мой брат мудр и способен, он сделает все возможное, чтобы защитить клан. Он должен, потому что я не в состоянии вести за собой. Я выставил себя на посмешище перед драконами и людьми, лишь потому, что так отчаянно жажду девушку, сидящую на моей спине.

Моя пещера выглядит совсем иначе, чем утром. В прохладной тени у задней стены висят два трупа животных. У одной из стен я разложил нашу долю еды, собранной сегодня женщинами: ягоды, грибы, морские водоросли, стебли кресс-лилии, орехи, семена и множество больших, крахмалистых корней, таких же, какие мы ели сырыми той ночью на пляже. Своими когтями я углубил и расширил русло ручья, чтобы свести к минимуму риск превращения струйки воды в поток, который выйдет из своего обычного русла на полу.

Я знаю, Серилла все это видит, понимает мои запасы и меры предосторожности. Но она ничего не говорит. Она соскальзывает с моей спины, бросает свою ношу в гнездо и обходит меня, становясь перед моей головой. Её лицо серьёзное.

– Ты в порядке?

– Нет, – отвечаю я.

– Ты имеешь право быть… не в порядке. – Её глаза полны сострадания, полны доброты, которую мне трудно вынести. – Киреаган, ты ушел на войну, когда всё ещё оплакивал отца…

– Его войну, – говорю я.

Она поднимает брови.

– Его войну. Он заставил меня поклясться на костях, что я выполню его договор с Ворейном. Костяные клятвы нельзя нарушить.

– Чёрт, – шепчет она. – Ки, мне так жаль.

Я моргаю, услышав, как она сократила мое имя. Думаю, мне это нравится.

– Так ты присоединился к войне своего отца, став новым правителем, всё ещё скорбя, – продолжает она. – Ты убил сотни людей. Потерял близких. И, пока скорбел по ним, сделал несколько ужасных выборов – из мести и необходимости. Эти решения не сработали так, как ты планировал, и тебе пришлось приспосабливаться к заклинанию Телисе, к этим неожиданным превращениям тел. А теперь – Мордворрен. Катастрофическая буря. Ответственность за безопасность всех и выживание твоего народа лежит на тебе и твоем брате, но я думаю, ты ощущаешь этот груз сильнее, чем он.

– У него свои раны, – говорю я. – Но он справляется с трудными ситуациями и публичными речами лучше, чем я.

– Я привыкла к тому, что многое выходит за пределы моего контроля. – Серилла кладет руку на мой нос. – Не то чтобы мне это нравилось, но это для меня привычно. А ты… ты всегда был уважаем. Тебе всегда доверяли ответственность и давали право выбора, даже до смерти твоего отца. Так что потеря контроля оказалась для тебя труднее, чем ты думал. Именно поэтому твоё тело так реагирует. А потом ещё и твои чувства к Мордессе. Ты заботился о ней, но она любила тебя, и ты чувствуешь вину за то, что не любил её в ответ. Ты чувствуешь вину за то, что выжил. Ты не думаешь, что заслуживаешь испытать ту любовь, которую она хотела от тебя. Поэтому ты изо всех сил борешься с тем, что тебе нужно, и это причиняет тебе боль.

Я отшатываюсь, глядя на неё с полным неверием, мои крылья безвольно лежат на каменном полу.

Я думал, что, оставшись наедине, она будет яростно ругать меня за ветреность, за то, что сначала отверг её, а потом объявил своей перед всеми. Но вместо того чтобы упрекнуть меня, она проявляет бесконечную доброту. И, кажется, понимает меня лучше, чем я сам, что одновременно восхищает и тревожит. Те чувства, с которыми я изо всех сил пытался разобраться… она аккуратно распутала их и разложила передо мной. Ей понадобился лишь миг.

Заметив моё удивление, она слегка смеётся.

– Никогда бы не подумала, что смогу так легко проникнуть в мысли дракона. Я попала в цель?

– Прямо в центр, – выдавливаю я.

– Отлично. – Она улыбается, похлопывает меня по носу. – Отдохни перед бурей. И, дракон… никогда больше не хватай меня челюстями.

– Не буду. Прости. Я причинил тебе боль?

– Ты был очень осторожен. Но мне было страшно. Зубы у тебя огромные. – Она поднимает мою губу своими маленькими руками. – Посмотри на это. Каждый размером с кухонный нож. Открой рот.

Я подчиняюсь, снова ощущая это лёгкое волнение где-то глубоко внутри. В её деловитом обращении с моими губами и челюстями есть что-то странно интимное. Когда я открываю рот, мой язык непроизвольно шевелится. Я чувствую вкус надвигающейся бури в воздухе.

– Я помню тебя, – шепчет принцесса моему языку, и всё моё тело замирает от возбуждения. Я пытаюсь подавить дрожь, но, похоже, она замечает это, потому что ухмыляется и обхватывает пальцами мой язык. Для неё это настоящее горсть. Думает ли она о том, как я проникал в её тело и доводил её до оргазма? Потому что я не могу думать ни о чём другом.

Она мягко тянет за мой язык, и я ощущаю, как возбуждение пробегает по всему телу. Но затем она отпускает его и неспешно удаляется, покачивая своими округлыми бёдрами, направляясь осматривать запасы еды, что я приготовил.

– Этого хватит на нас обоих на несколько дней? – спрашивает она.

– Этого должно хватить на худшее время шторма, по крайней мере. Как дракон, я могу обходиться без добычи несколько дней, если придётся. Мы справимся. – Я не говорю ей, что на подготовку к буре ушла большая часть оставшейся дичи на Уроскелле. У нас не было времени, чтобы отправиться на Острова Мерринволд, так что пришлось обойтись тем, что было, включая наших коров. Это потеря, но необходимая.

После шторма мы будем охотиться только в Мерринволд, чтобы дать возможность животным на Уроскелле восстановить свои популяции. И у меня есть мысли об истреблении популяции болотных волков, теперь, когда мы можем принимать человеческий облик и проникать в их логова. Прежде чем попытаться уничтожить волков, нам придётся пройти подготовку и развить навыки человеческих воинов.

Серилла бросает на меня острый взгляд.

– Я сказала тебе отдыхать, а ты всё планируешь и волнуешься. Перестань думать.

– Я уже не понимаю, что такое отдых, – ворчу я, ползком направляясь к гнезду и укладываясь в нём.

Она смеётся.

– Я люблю работать, но чтобы делать это хорошо, нужно уметь нормально отдыхать. Закрой глаза, а я спою тебе, пока буду разбирать вещи, что получила от Телисе. Ещё я собираюсь привести в порядок запасы еды — они в ужасном беспорядке.

Пещера отзывается тихим эхом на её сладкий голос, а мелодия, которую она напевает, настолько успокаивающая, что я даже не замечаю, как засыпаю. Меня пробуждает огромный взрыв грома, и я срываюсь с гнезда, мои шипы настороженно торчат, а губы издают рычание.

На мгновение мне показалось, что гора раскололась пополам. Но моя пещера всё ещё здесь, прочная и невредимая. Потоки дождя с шумом обрушиваются на выступ снаружи, стекают вниз, исчезая в пустоте.

Серилла съёжилась в моём гнезде. Теперь она в белом платье из тонкой ткани — должно быть, отложила оранжевое платье на потом. Я должен был сказать ей, как мне понравилось то пламенного цвета платье, но и в этом она выглядит очаровательно. Хотя она напугана. Мордворрен принёс с собой кромешную тьму, а она не видит в темноте, как я.

– Киреаган? – тихо зовёт она.

Прежде чем я успеваю ответить, ослепительная белая молния разрезает небо так близко, что я слышу её шипение. Серилла вскрикивает. Острый едкий запах обжигает мои чувствительные ноздри, словно горит сам воздух, несмотря на завесу ливня.

– Киреаган! – кричит принцесса.

– Подожди минуту.

Я нахожу два своих камня дайра и перемещаю их в центр пещеры. Своим дыханием нагреваю их, пока они не начинают светиться, как фонари. Затем я возвращаюсь в гнездо и обвиваю её своим телом. Она подползает ко мне вплотную, дрожа, прижимается к моей бронированной груди. Мне мучительно хочется быть в человеческом обличье, чтобы чувствовать больше, чем просто давление её тела. Я хочу ощущать её кожу под пальцами, её грудь в своих ладонях, её губы на своих. Я так сильно жажду этой близости, что замираю, задержав дыхание.

Ощущение дрожи проносится через меня, и вдруг я становлюсь им — своим другим «я», гораздо меньшим и стройнее, чем драконья форма, но всё же крупнее, чем принцесса, достаточно крупным, чтобы дать ей чувство безопасности и покоя.

Серилла отшатывается назад на солому, когда моё массивное тело исчезает из-под неё. Она садится, выглядя растерянной.

– Что только что произошло?

– Я это сделал. – Я тоже сажусь, улыбаясь. – Я захотел сменить форму, и у меня получилось.

– Что ж, я вижу. – Она протягивает руку, убирает мои длинные чёрные волосы с лица и распутывает прядь, зацепившуюся за рога. Её губы приоткрываются, чтобы сказать что-то ещё, но ветер снаружи вдруг поднимается до пронзительного визга, настолько похожего на человеческий крик, что её глаза расширяются от ужаса. Визг продолжается, взлетая и опадая, яростный стон, балансирующий между скорбью и безумием.

– Я никогда не слышала ничего подобного, – шепчет она, подползая ближе. – Обними меня.

Я сижу в гнезде, согнув колени, и она усаживается ко мне спиной, прижимаясь бедром к моему боку, её тело наклонено к моей груди. Я обхватываю её обеими руками и благодарю Костяного Создателя за каждый участок её кожи, что касается моей.

– Это живая буря, пропитанная странной магией, – шепчу я в её волосы.

– Да, об этом говорили в школе, – отвечает Серилла. – Жаль, что я тогда не слушала внимательнее.

– У нас есть длинная поэма о ней среди исторических речей.

– Прочти её мне.

– К сожалению, я плохо это помню. Я тоже не всегда слушал своих наставников.

Она тихо смеётся. Это мягкий, сладкий, женственный звук, и мой член откликается. Я невольно напрягаюсь, чувствуя прилив горячей крови.

Серилла поворачивается и бросает взгляд мне между ног.

— Хочешь штаны? Я выбрала для тебя несколько вещей из тайника Телисы.

Я не хочу надевать штаны. Я хочу поставить ее на четвереньки и засунуть в нее свой новый член.

Хотел ли я трахнуть её в тот первый день, когда увидел, как она стоит на стене и целится в меня из арбалета? Думаю, возможно, хотел, хотя и не признался бы в этом.

— Да, мне нужны штаны, — выдавливаю я сквозь зубы. — Да.

Серилла наклоняет голову, её губы изгибаются в той лукавой полуулыбке, которую я уже успел полюбить.

— Сначала урок.

— Урок? — Едва удаётся выговорить это слово.

— Если ты собираешься быть мужчиной, со всеми желаниями мужчины, тебе нужно знать, как справляться с ними самому, когда это необходимо. Как облегчить себя. Помнишь, что я сделала для тебя у горячих источников?

Я сглатываю, когда мой член снова начинает пульсировать.

— Да.

— В этот раз я не буду тебя трогать. Ты всё сделаешь сам.

Кровь, не заполнившая мой член, приливает к щекам.

Конечно, с тех пор, как я впервые принял новый облик, я трогал свои гениталии. Я тщательно осматривал свой член, использовал его, чтобы справить нужду. Но я не задумывался о нём в таком контексте, не понимал, что это значит — что я могу прикасаться к себе так, как это делают люди. Это значит, что если у меня есть желание, влечение, я могу доставить себе удовольствие в любое время. По сути, теперь я сам себе источник чувственных наслаждений.

И это открывает целый мир новых возможностей.

Серилла покусывает свою пухлую нижнюю губу и подмигивает мне.

— Раздвинь ноги немного шире.

Сердце стучит так же громко, как дождь за окном. Я подчиняюсь.

— Теперь обхвати свой член у самого основания.

От прикосновения моих пальцев тепло разливается по чувствительной длине.

— Двигай рукой вверх, не разжимая хватки. Она должна быть достаточно плотной, но не сжимай слишком сильно. Проведи вверх, затем вниз. Если хочешь, чтобы всё стало немного скользким, можешь использовать свою смазку — вот эту жидкость, что собирается капельками на кончике. Размажь её.

Я внимательно смотрю на маленькое отверстие, из которого вытекает прозрачная жидкость. Медленно размазываю её по головке и стволу, пока всё не становится блестящим и скользким.

— Как это ощущается? — Голос принцессы звучит немного сбивчиво.

— Приятно, — шепчу я. Но когда поднимаю взгляд на неё, всё, что я делаю, внезапно кажется не просто приятным, а волнующе восхитительным.

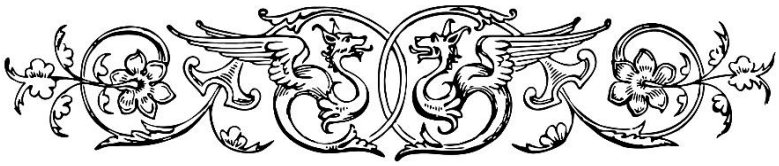
Её лицо раскраснелось, глаза горят. Низкий вырез простого белого платья обнажает грудь. Она сжимает пальцы между бёдрами, придерживая ткань, словно пытаясь подавить ощущения, что охватывают её в этом нежном месте.

Ещё минуту назад она полностью контролировала ситуацию. Но теперь уже нет.

С лёгкой улыбкой на лице я говорю ей своим самым низким голосом:

— Каково это для тебя, принцесса?

22. Серилла



Я потерялась в тот самый момент, когда он схватился за свой член.

Видеть его вот так, сидящим передо мной, с широко расставленными сильными ногами, каждый рельефный мускул его тела озарён мерцанием дайр-камня — это было слишком для простой смертной.

Его позвоночник изгибается, когда он осматривает свой член, мышцы пресса напрягаются, пока он следует моим указаниям, размазывая смазку по стволу. Сначала в его взгляде — сосредоточенность, но бархатистый оттенок губ и румянец на щеках делают это самым развратным зрелищем, которое я когда-либо видела. Я прижимаю ладонь к своей промежности, стараясь удержать дрожь.

Когда он поднимает на меня взгляд, его лицо меняется, мгновенно превращаясь из покорного исследователя в ухмыляющегося повелителя. Своим глубоким, драконьим голосом он мурлычет:

— Каково это для тебя, принцесса?

Его крупная рука продолжает ласкать член по всей длине, а взгляд приковывает меня, лишая возможности отвернуться. Он слишком быстро учится.

Я резко убираю руку из-под юбки.

— Это для тебя, не для меня, — огрызаюсь, но голос выдаёт лёгкую дрожь. — Исследуй себя. Найди самые чувствительные места, ритмы, которые приносят тебе больше удовольствия. — Я отвожу взгляд.

— Посмотри на меня, Серилла.

Моё дыхание перехватывает, когда я снова поворачиваюсь к нему, заворожённая силой его голоса. Его глаза темны, как звёзды в безлунную ночь, а чёрные волосы шелковистыми прядями рассыпаются по широким плечам и груди. Его черные когти блестят на свету, пока он размеренно проводит рукой по своему внушительному члену.

— Я делаю все правильно, как думаешь? — его голос звучит низко, почти с вибрацией.

— Да… эм… ты… ты ощущаешь, как нарастает удовольствие? Как тогда, когда я касалась тебя?

— Ты имеешь в виду, когда я кончил тебе в рот?

Я едва не закатываю глаза и сильнее сжимаю бёдра.

— Да.

— Ты не ответила на мой вопрос, — настаивает он. — Что ты чувствуешь?

— Жар, — выдыхаю я.

— И?

— Влажность.

— Покажи мне, — требовательно рычит он. Это не просьба. Это приказ. И боги, как же мне это нравится.

Я опускаюсь спиной к краю гнезда и задираю юбку. Нижнего белья я не надела — в глубине души я знала, куда это приведёт. Я хочу, чтобы он овладел мной. Единственный вопрос — когда. И буду ли я потом принимать травы,

предотвращающие зачатие? Позволю ли я ему наполнить меня своей спермой, как он это называет? Буду ли я носить его яйца? Телисе казалась уверенной, что это не только возможно, но и безопасно. Хотя, сомневаюсь, что её словам стоит безоговорочно верить.

Пока что Киреаган настолько ошеломлён видом моей влажной киски, что не требует большего. Его рука движется быстрее, взгляд скользит от моих глаз вниз и обратно, впитывая каждую деталь, каждую эмоцию на моём лице. Он находит удовольствие в моём возбуждении.

Я осторожно прижимаю два пальца к клитору. Мое тело откликается мгновенно, и я не могу не вздрогнуть. Вывожу пальцами круги, время от времени опуская их ниже, позволяя себе чуть глубже проникнуть внутрь.

Глаза Киреагана полыхают, прожигая меня насквозь, наполняя ещё более острой жаждой. Этот оргазм мне нужен, как воздух.

За пределами пещеры ударяет новая вспышка молнии, зигзагом разрезая скалу. Мы оба вздрагиваем — я вскрикиваю, а он издаёт низкий, почти болезненный стон. Страх обостряет наше удовольствие, и эти непроизвольные крики ослабляют наши запреты. Я не сдерживаю сорвавшийся с губ вскрик, а Киреаган отвечает мне мрачными, изящными стонами, мужским, низким звуком, от которого моё сердце сбивается с ритма.

— Ты… первая, — срывается у него с губ. — Я хочу это видеть.

Моя рука движется быстрее, и я сосредотачиваюсь на нарастающем удовольствии, усиливая его в своём сознании, доводя себя до предела. Я запрокидываю голову, задыхаюсь… почти… ещё немного… Последний взгляд на Киреагана — его пылающее лицо, налитой член, тяжёлые, напряжённые бёдра…

— Чёрт! — вскрикиваю я, когда накрывает. Пальцы давят на клитор, ноги раздвинуты, и я позволяю ему видеть каждую судорожную вспышку удовольствия, пробегающую по телу. Свет мерцает на моих влажных пальцах и внутренней стороне бёдер.

— Серилла… Серилла… — глухо стонет Киреаган, и белая сперма выплёскивается из его члена, попадая на мою ногу и спрессованную траву гнезда.

— Продолжай, — выдыхаю я. — Больше давления, пока не станет достаточно.

Он снова стонет, проводя рукой по себе ещё несколько раз, прежде чем с тяжёлым выдохом падает на бок, перекатывается на спину и остаётся так, тяжело дышать.

Я опускаю юбку и вытираю руку о ткань, прежде чем откинуться на стену гнезда. Но спустя всего несколько секунд оглушительный раскат грома сотрясает всю гору, заставляя её дрожать. Я даже не понимаю, как оказываюсь рядом с Киреаганом — просто вдруг оказываюсь там, прижавшись к нему, вцепившись в него в отчаянной панике.

— Тсс… — Он гладит меня по волосам. — Я не позволю причинить тебе боль.

Я знаю, что он, возможно, не сможет сдержать обещание. Но я также знаю, что он говорит это совершенно искренне. И пока этого достаточно.

Не знаю, сколько времени мы так лежим… он обнимает меня, а я уткнулась лицом в его тёплую грудь. Гроза ревёт так громко, что нет смысла пытаться говорить. Ветер загоняет дождь почти под прямым углом, заливая пол, но, к счастью, гнездо находится достаточно глубоко в пещере, чтобы капли не добрались до нас.

Через какое-то время гром стихает, и страх немного ослабевает, хотя я понимаю, что это ещё не конец — всё может стать куда хуже, прежде чем стихия уймётся.

Я достаю для Киреагана пару чёрных штанов, и, когда он надевает их, прошу его передвинуть светящиеся камни поближе друг к другу — подальше от дождя, но и не слишком близко к гнезду, чтобы не беспокоиться о пожаре. Затем перекладываю часть запасов еды в другую посудину, освобождая каменную чашу, которую Киреаган помогает мне установить поверх горячих, похожих на кубики камней.

— Вот. Плита. — Я довольно улыбаюсь.

— Ты собираешься готовить? — Киреаган садится неподалёку, несколько раз меняя положение ног, прежде чем устраивается поудобнее.

— Я собираюсь приготовить тебе рагу. — Я беру жестяную коробочку с солью, пару горстей крахмалистых кореньев и дикого лука. Затем достаю коготь, который мне дала Джессива, и отрезаю кусок оленины от одной из туш в глубине пещеры.

— Только бы тебя не стошнило, — сухо замечает Киреаган.

— Меня стошнило только потому, что была голодна, а ты сунул мне в лицо окровавленный кусок мяса и сказал есть сырым, — огрызаюсь я. — Сырого мяса я не боюсь, если оно идёт в готовку. Подай мне ту плоскую каменную пластину, дракон.

Он, наконец, высвобождает ноги из скрещённого положения, поднимается и протягивает мне пластину.

— Зачем она тебе?

— Тише и смотри. — Я укладываю мясо на один конец камня, который отлично служит разделочной поверхностью, нарезаю его на мелкие кусочки и бросаю в каменную чашу вместе с сочными кусками жира.

Киреаган внимательно разглядывает нож-коготь, его плечи напрягаются.

— Откуда он у тебя? Он пахнет Тенебриксом.

— Тенебриксом?

— Одним из драконов, погибших во время чумы, примерно в то же время, когда умер мой отец.

— Джессива дала мне его, — спокойно отвечаю я, продолжая нарезать мясо.

— Она не должна была этого делать. Костяные реликвии священны для нашего народа. Это касается и когтей, и зубов. Она отдала тебе его для готовки?

— Нет.

— Тогда зачем?

Вместо ответа я собираю оставшееся мясо и бросаю его в раскалённую каменную чашу, где оно сразу начинает шипеть. В тонкой струе чистой воды мою обе руки и когтевой нож с мылом, пахнущим апельсинами, прежде чем подойти к Киреагану. Его глаза широко распахиваются, когда я перекидываю ногу через его колени и усаживаюсь верхом, лицом к лицу, грудью к груди. Не отводя взгляда, я прижимаю острый кончик когтя к его шее, туда, где кровь пульсирует прямо под кожей.

— Как думаешь, почему она дала его мне? — тихо спрашиваю я.

— Чтобы ты могла защититься от меня, — отвечает он.

— Не только. Она велела мне убить тебя, если смогу. Она хочет, чтобы ты умер. Она считает, что, если ты исчезнешь, остальные смогут вернуться домой.

Огонь в очаге отражается в его тёмных глазах.

— А ты как считаешь?

Я сжимаю губы, ведя острием когтя по его загорелому, сильному горлу, затем очерчиваю им угол его подбородка.

— Пока не решила.

Он обхватывает пальцами моё запястье.

— Если ты собираешься убить меня, у меня есть одно условие.

— И какое же?

— Сначала поцелуй меня.

Я коротко смеюсь и наклоняюсь ближе, мягко прижимая свои губы к его. Он глубоко вздыхает, будто теперь может умереть спокойно.

Я углубляю поцелуй, позволяя языку танцевать с его раздвоенным языком. Только когда он тяжело втягивает воздух, я понимаю, что забыла про нож в руке. Когда резко отстраняюсь, замечаю тонкую линию крови под его ухом.

— Чёрт, прости, — выдыхаю я.

— Пустяки. — Он тянется ко мне, пытается снова притянуть, но я уже соскальзываю с его колен.

— Мне нужно готовить, — говорю я. — Я умираю с голоду. Если за время, что я была твоей пленницей, я что-то и поняла, так это то, что если хочу нормально поесть, мне придётся самой себя кормить.

— Значит, ты решила отложить моё убийство?

— Очевидно. Было бы жестоко лишить тебя жизни, не дав попробовать мое божественное рагу.

Помыв нож, я продолжаю готовить, нарезаю дикий лук и добавляю его к шкворчащему мясу.

Киреаган кажется неспокойным. Он поднимается и начинает мерить пещеру шагами, с каждым разом двигаясь всё увереннее.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

— То, что ты сказала раньше… О том, как чума могла передаваться между островами. Ты была права. Кто-то должен был её распространить. Кровавые жуки — паразиты, которые пьют кровь животных. Они выносливы, у них крепкие крылья, они могут пролетать большие расстояния. Использование их в большом количестве было бы идеальным способом для быстрого заражения.

— Ты думаешь, кто-то целенаправленно истребил вашу добычу?

— Чтобы заставить нас присоединиться к войне. Да. На днях, когда остальные были заняты, я заметил, что Фортуникс улетел один. Я последовал за ним и нашёл тайную пещеру, где он держит кровавых жуков в стеклянных сосудах. Такие могли сделать только люди.

Я лихорадочно складываю обрывки головоломки.

— Значит, он мог сотрудничать с Ворейном, чтобы заставить ваш клан встать на их сторону против Элекстана. Но зачем? И почему он до сих пор хранит этих жуков, если их дело уже сделано?

— Фортуникс ненавидит Элекстан. Когда он был молод, у него было два спутника, что крайне редко среди нас. Их обоих убили, когда Элекстан охотился на драконов. Думаю, он просто ждал момента, чтобы отомстить. А оставшихся кровавых жуков… возможно, он держит их про запас, если снова понадобится контролировать наши пищевые ресурсы.

— Скажи, что ты их уничтожил.

— Когда я их обнаружил, я ещё не знал, для чего он их использовал. Осознал это только позже, после разговора с тобой.

— Насколько помню, ты просто выкрикнул «кровавые жуки» каким-то жутким голосом и умчался. Я подумала, что ты сошёл с ума.

— Я искал Фортуникса, но не нашёл его. А потом увидел, что приближается Мордворрен, так что пришлось отложить разборки. Я не видел его ни во время подготовки, ни во время брачного танца.

— Как думаешь, куда он мог податься?

Киреаган качает головой.

— Возможно, он почуял мой запах в своей тайной пещере и понял, что я что-то узнал. За такое предательство его ждёт либо смертельный бой со мной, либо немедленное изгнание, на усмотрение клана. Возможно, он сбежал, чтобы избежать и того, и другого.

— В таком случае ты больше его не увидишь. Ты расскажешь клану о том, что он сделал?

— Только когда услышу это из его уст. Я не стану обвинять его, пока не буду уверен.

— Молодец. Мудрый лидер не делает поспешных выводов. — Я поднимаю на него взгляд и улыбаюсь.

В глазах Киреагана появляется тёплый блеск — будто он не ожидал моего одобрения, и оно что-то для него значит. Щёки у меня и так пылают от жара дайр-камней, но теперь разгораются ещё сильнее. Он смотрит на меня так же, как в тот вечер у ручья, когда мы впервые поцеловались.

— Прекрати так смотреть на меня. — Голос звучит раздражённо, и я краснею ещё сильнее. — Принеси воды, дракон.

Принц наполняет глиняный сосуд. По моему указанию он льёт немного воды в каменную чашу, где варится рагу.

— Кто делал эти сосуды? — спрашиваю я.

— Моя Гриммав умела. Ещё будучи детенышем, она жила среди людей и кое-что у них переняла. Но не любила об этом говорить. Может, если бы говорила, я бы знал, как лучше заботиться о тебе.

— По крайней мере, я жива. — Я подмигиваю ему.

— Не поверишь, но другие драконы приходили ко мне за советом, как ухаживать за своими женщинами.

— Помню, в первый день многие заглядывали в эту пещеру. И что именно они у тебя спрашивали?

Он прочищает горло, неловко опирается на стену.

— Всякое.

— Уверена, ты дал им ужасные советы. Надо было спросить меня. Но, конечно, твоя гордость не позволила.

— Думаю, я справился. Хотя мне давно было интересно… У вашего вида бывает кровотечение из… э-э, половых органов?

Я смеюсь.

— Конечно. У многих женщин есть ежемесячный цикл, связанный с фертильностью.

— То есть это не рана? Не то, что нужно лечить?

— В большинстве случаев нет.

— Ох. — Он смущённо хихикает, и в тот же момент у него урчит в животе.

— Рагу скоро будет готово, — заверяю я. — Не идеальное, конечно, мне не хватает нужных специй и ингредиентов, но сойдёт.

Киреаган снова принимается расхаживать по пещере, время от времени выглядывая наружу, на бурю. Рагу хорошо кипит, и я бросаю в него клубни, которые, судя по их консистенции, похожей на картофель, должны приготовиться меньше чем за полчаса. Я также добавляю горсть толстых серых грибов.

Молния снова и снова ударяет в высокую, тонкую гору напротив нас, по другую сторону долины. Ослепительные вспышки света и раскаты грома каждый раз заставляют меня вздрагивать. Несколько раз куски скалы откалываются от утёса и с грохотом обрушиваются в пропасть далеко внизу.

Пока рагу томится на огне, я споласкиваю крахмал с пальцев. Ручеёк родниковой воды в пещере превратился в стремительный поток, и я благодарна Киреагану за предусмотрительность — он расширил и углубил русло. Видимо, делал он это в спешке, не заботясь об аккуратности, потому что на камнях по обе стороны потока видны глубокие царапины от его когтей. Они резко контрастируют с тщательно выгравированными узорами, украшающими стены пещеры.

Вытерев руки о подол юбки, я подхожу к Киреагану. Он стоит у входа в пещеру и молча смотрит на бушующую стихию.

— Это ты украсил это место? — я жестом указываю на резьбу на стенах.

— Нет. — В его взгляде скользит мягкая грусть. — Это сделал спутник Гриммав. Его звали Лоргрин. Это письменность драконов. Поэзия, история. Записи, повествующие о крови моего рода.

— Красиво.

— Я никогда не встречал Лоргрина. Старейшины говорят, что из него не вышло ни воина, ни охотника. Он предпочитал проводить долгие часы за резьбой. Иногда он вырезал узоры на чашах и горшках, которые делала Гриммав, или украшал жилища других драконов в обмен на дичь или собранные в лесу припасы.

— Он тоже был королём?

— Его брат был. Но у того не оказалось наследника, а Лоргрин не желал править, и тогда клан избрал моего отца.

— Избрал? — задумчиво повторяю я. — Значит, нового правителя выбирают всем кланом?

— Да. Когда мой отец умер, решение уже было принято: следующим должен стать я. Но я не чувствовал, что могу править в одиночку. Поэтому мы с братом и сестрой поклялись править вместе.

— В Элекстане у людей нет выбора, — говорю я, высовывая руку за пределы пещеры. Холодный дождь хлещет с такой силой, что мне приходится быстро отдёрнуть ладонь. — Там власть передаётся по крови.

Свет от дайр-камней за нашими спинами делает ночь за пределами пещеры ещё темнее, ещё страшнее. Я чувствую взгляд Киреагана в полутьме.

— Ты бы стала великой королевой, — произносит он. — Мудрой и доброй, но сильной.

Никто и никогда не говорил мне ничего подобного. А уж тем более — что я была бы великой королевой.

— Мне кажется, ты несёшь чушь, — слабо улыбаюсь я. — Но всё равно спасибо.

Внезапный шквальный порыв ветра врывается в пещеру, терзая нашу одежду, взметая волосы, чуть не вышвыривая меня обратно в бушующую стихию. Киреаган ловит меня, притягивает ближе, увлекая вглубь пещеры. В одно мгновение мы оба насквозь промокли.

— Нам стоит снять мокрую одежду, — его взгляд скользит по мне, задерживаясь на белом платье, облепившем тело.

— Всё в порядке. Одежда высохнет. Лучше поедим.

— Насколько я помню, ты терпеть не можешь мокрую одежду. — Его голос становится мягким, почти мурлыкающим. — Как твой пленитель, я обязан позаботиться о тебе как следует. А это значит — согреть и высушить.

— Да я же сказала… — протестую я, но не успеваю договорить, потому что он подхватывает меня, забрасывает через плечо и несёт, как мешок с мукой. Как ему вообще пришло это в голову? И как он делает это так легко? — Немедленно поставь меня на землю, дракон!

Он даже не реагирует. Направляется к месту, где я разложила свои вещи: чистая одежда, небольшая фляга с чем-то крепким, пакетик с травами…

Как только он ставит меня на пол, его когтистые пальцы цепляются за подол платья, и в следующее мгновение ткань соскальзывает вверх, оставляя меня обнажённой. Я вскрикиваю:

— Я только что сложила это!

Но он не слушает. Ловко хватает одеяло и принимается вытирать меня, совсем не заботясь о моих протестах.

— Подними руки, — приказывает он.

Я повинуюсь, и он методично проводит тканью по моим бокам, затем по груди.

Тепло его рук, его движения — всё это заставляет кровь пульсировать в висках. Если он продолжит вытирать меня с таким серьезным выражением лица, я кончу прямо здесь, прямо сейчас. А я не могу. Я потратила столько сил на приготовление этого ужина и не позволю ему сгореть.

Когда он спускается ниже, я перехватываю одеяло и отступаю.

— Дальше я сама. Ты переоденься, а потом сними тушёное мясо с плиты. И смотри, не пролей ни капли.

Спустя несколько минут мы сидим напротив друг друга, он — в чёрных брюках и светлой рубашке, я — в розовом платье. Он выглядит так чертовски хорошо, что мне трудно сосредоточиться на еде.

Ложек у нас нет, поэтому я беру ракушку из коллекции Киреагана и показываю, как зачерпнуть тушёное мясо половинкой ракушки, как подуть на неё, чтобы остудить бульон, и как отправить содержимое в рот. Принц внимательно копирует всё, что я делаю. Он чертовски очарователен.

— Ну? — с ожиданием смотрю на него. — Как тебе?

Он моргает, прожёвывает, проглатывает.

— Как ты сотворила это волшебство?

— Это не волшебство, а наука. Разные вещества взаимодействуют под воздействием внешних сил — в данном случае тепла.

— Значит, всё же волшебство.

Я смеюсь и подношу ко рту ложку с новой порцией.

— Хорошо, волшебство.

Мы едим в молчании, наполненном тихим согласием, и мне лишь раз приходится напомнить ему не жевать с открытым ртом. К тому времени, когда наши ложки скребут по дну миски, я приятно сыта и ощущаю нарастающую сонливость.

— Возможно, это лучшее рагу, которое я когда-либо готовила, — вздыхаю я с удовлетворением. — Хорошо, что Джессива дала мне этот коготь. Без него я бы не

смогла так ловко всё нарезать. Конечно, можно было бы найти камень и попытаться использовать его как нож, но это было бы не так удобно. Интересно, оставила ли она один для себя? Или у неё есть что-то ещё…

— Что-то ещё? — хмурится Киреаган. — Что ты имеешь в виду?

— У неё должно быть какое-то другое оружие… если она… — Чёрт. Мне не стоило этого говорить.

— Если она что? — Киреаган не отводит взгляда, его настойчивость не знает пощады. — Зачем ей оружие?

Я ёрзаю.

— Ты знаешь зачем.

Он слишком умен, чтобы не понять.

— Она дала тебе этот коготь, чтобы убить меня. А значит, ты думаешь, что у неё есть другое оружие, чтобы убить моего брата.

Громовой раскат вторит его словам, гулко отдаваясь в горах, потрясая стены пещеры. Ветер врывается внутрь, завывая с пустынной тоской, будто истерзанная душа, обречённая скитаться в ночи.

— Думаю, она может попытаться, да, — мой голос едва слышен даже для меня самой, но, каким-то образом, он его улавливает.

— И ты даже не подумала сказать мне, что мой брат, последний живой член моей семьи, в опасности? — теперь он рычит, в его голосе — ярость, хищная и беспощадная. Никогда раньше я не видела в его глазах такой жажды убийства.

— Я предупредила Варекса, — запинаюсь я. — Сказала ему, чтобы держал ухо востро рядом с ней.

— Как и я, он примет человеческий облик, — сквозь стиснутые зубы произносит Киреаган, поднимаясь на ноги. — Он будет уязвим, беззащитен, без своих шипов и чешуи. Один на один с женщиной, которая хочет убить его. В эту самую минуту он может быть уже мёртв. И если это так — это твоя вина.

— Прости… — я судорожно глотаю воздух. — В тот момент всё было слишком… Я должна была думать и о себе. Ты отверг меня, и я не знала, какого дракона выбрать, куда идти…

— Так вот почему ты всё же выбрала меня? — перебивает он. — Возможно, ты не просто дразнила меня. Может, ты действительно хочешь убить меня. Как ты собираешься покинуть эту пещеру после шторма, если я умру? У тебя не будет крыльев, чтобы спуститься вниз. Или, может, у тебя и других женщин есть союзники среди клана? Есть ли ещё предатели, плетущие заговор у меня под носом, замышляя смерть и гибель нашего народа?

— Не могу говорить за других женщин, — я резко встаю и отступаю назад. — Но у меня нет никаких союзников. Когда я была в загоне с остальными пленницами, разговоры о том, чтобы переманить на нашу сторону несколько драконов, действительно возникали…

— И я слышу об этом только сейчас, — рычит он. — Как и о том, что Варекс в смертельной опасности.

Странно, но его человеческая ярость пугает меня сильнее, чем драконья. И всё же… я тоже злюсь. Нет, я в ярости.

— Как ты смеешь? — мои губы дрожат, но голос звучит твёрдо. — Как ты смеешь вести себя так, будто я твой преданный осведомитель, твой партнёр, союзник, который

обязан сообщать о подозрительных и предательских замыслах? Я не твоя пара. Я твоя, чёрт возьми, пленница. Как ты мне сам сегодня утром напомнил.

Он приближается — высокий и грозный, его чёрные волосы струятся за спиной, словно плащ, а в глазах сверкает ярость. Когда я отступаю к стене пещеры, он резко движется вперёд, с силой прижимает ладонь к камню у меня над головой. Его когти со скрежетом скребут по скале рядом с моим ухом. Он подавляет меня своей мощью, его жар пылает на моей коже.

— Я думал, что между нами было нечто иное, — процедил он сквозь зубы. — Я начал тебе доверять. Похоже, меня ввели в заблуждение.

— Не надо так, — я обеими руками упираюсь в его грудь и толкаю. Это всё равно что пытаться сдвинуть гору. — Не сваливай на меня вину за положение, в котором оказались мы оба. Оно не устраивает никого, и мы можем всю ночь перекидываться обвинениями — от меня к тебе, от моей матери к твоему отцу, от короля Ворейна к Фортуниксу, от Джессивы обратно ко мне. Но это ничего не изменит. Я думала, что предупреждения твоему брату будет достаточно. Даже это заставило меня чувствовать себя предательницей своего народа. Но прости, что не сказала тебе, Киреаган. Правда, прости. Я не хочу смерти твоего брата. И твоей тоже. Особенно теперь, когда ты обрёл человеческую форму.

— Вот оно что, — он усмехается. — Теперь, когда я больше похож на тебя, ты сжалилась надо мной. Ты готова меня пощадить. Но я в облике дракона — это для тебя слишком чуждо. Моя истинная форма, мой язык, моя культура, мой образ жизни — всё это неприемлемо для тебя. В этом теле я приятен на вкус. Насколько я помню, тебе не понравилось, когда я использовал это слово в отношении тебя. Подумай же, как чувствую себя я, зная, что, останься я драконом без возможности принимать иной облик, ты бы меня попросту презирала.

— Нет, — слово срывается с моих губ в беззвучном выдохе. — Я касалась тебя в драконьем облике. Я позволила тебе… доставить мне удовольствие.

— Эгоизм, — бросает он. — Ты приняла мой язык, потому что жаждала физического утешения. Ты касалась меня, потому что хотела ехать верхом, а не чтобы тебя несли. Ни одно из этих действий не было ради меня… только ради тебя.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Конечно, мне больше нравится этот твой облик! — восклицаю я. — Мы совершенно разные виды, Ки! Я считала тебя красивым, забавным и чертовски соблазнительным ещё до заклинания Телисе. Разве ты можешь меня винить за то, что я рада, что теперь твоё тело более совместимо с моим? Дело не в наших прочих различиях — только в том, что теперь ты можешь войти в меня. Всё настолько просто. Понимаешь?

Его грудь тяжело вздымается, он хватает меня за нижнюю часть лица, сверля взглядом, в котором бушует яростное, грешное желание. Я просовываю большие пальцы за пояс его чёрных брюк и резко притягиваю его ближе.

Он прижимается ко мне своей толстой эрекцией, его голос низкий и хриплый:

— Ты хочешь, чтобы я вошёл в тебя?

Я не могу повернуть голову — он сжимает моё лицо, — но отвожу глаза в сторону.

— Серилла. — Он слегка встряхивает меня. — Посмотри на меня. Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

У меня вырывается резкий стон, но я всё равно не могу заставить себя произнести это вслух, несмотря на то, что внизу влажная.

— Я чувствую перемены, когда твоё тело реагирует на меня. Ты знала об этом? — Киреаган выгибает спину, продолжая тереться о меня, как зверь в период течки. И, возможно, так оно и есть. Его магическое превращение всё изменило; я бы не удивилась, если бы течка началась раньше.

Я всё ещё сжимаю руками его талию, удерживая его прижатым ко мне, и я едва сдерживаюсь, чтобы не извиваться под ним, не обхватить его ногами, не принять его член в своё тепло… пожалуйста, пожалуйста…

Он касается своей щекой моей.

— Я хочу оплодотворить тебя, принцесса, — рычит он. — Я хочу входить в тебя, пока ты не сможешь больше сдерживаться, пока твой живот не наполнится моим семенем. Я хочу, чтобы мои яйца росли в твоём животе.

— О боже, — выдыхаю я. Почему от каждого его слова по моему телу пробегает восхитительное покалывание? Со мной что-то не так, потому что я думаю о том, чтобы позволить ему сделать именно то, что он сказал. В конце концов, я бы вынашивала детей какого-нибудь напыщенного южного принца — почему бы не выносить яйца этого дракона, которому я действительно нужна? Конечно, это опасно, но, по моему опыту, лучший секс сопряжён с риском.

— Я не знаю, что делать с яйцами, — выдыхаю я. Но даже произнося это, я вспоминаю травы, которые дала мне Телисе. Если мы займёмся сексом, я могла бы принять дозу утром, чтобы предотвратить беременность.

Я должна уступить ему сейчас, а потом решить, что делать с яйцами. Трахнуть его хоть раз, и я надеяться, что после этого желание пройдёт.

— Если ты собираешься отказать мне, сделай это быстро, — хрипит он. — Пока я не вышел за пределы терпения.

— Значит, начинается? Брачный период?

— Я не уверен. Я знаю только, что в любой момент могу повалить тебя на пол и трахать, пока не перестану дышать.

Я практически теку под платьем, неистово возбуждаясь от одной мысли о такой навязчивой потребности. Какая-то примитивная, тёмная часть меня хочет, чтобы меня взяли так, чтобы меня схватили, повалили и трахали так сильно, чтобы я не могла даже думать. Я жажду, чтобы меня желали так яростно, так безумно, чтобы мужчина не мог думать ни о чём, кроме как о том, чтобы потеряться во мне. Не просто любой мужчина… этот мужчина. Я хочу, чтобы он взял меня с такой страстью — неистовой, безрассудной, чудовищной. Я хочу отдать ему всю власть и почувствовать, как он яростно, беспомощно кончает внутри меня.

Если быть честной с самой собой, думаю, что жаждала этого дракона с тех пор, как увидела, как он летит к моему городу во главе своей армии. Под каждым порывом моей ненависти к нему скрывалось едва уловимое очарование, влечение.

И этот могучий дракон теперь — мужчина, мужчина с рогами и когтями, и великолепным телом, которое содрогается рядом с моим. Он проводит своим обжигающим ртом вдоль моей скулы, опускает руку с моей челюсти на горло.

— Я сильнее тебя, даже в этой форме. - Его дыхание обжигает мои губы, а глаза похожи на чёрные угли. — Часть меня хочет поглотить тебя, раздавить, заставить подчиниться.

— Но ты не сделаешь этого, — шепчу я. — Ты лучше. Ты добрый.

Его губы кривятся в болезненной гримасе.

— Я не такой. Я убил так много людей… я бы не стал слишком сильно задумываться об этом или сожалеть, но теперь я едва могу терпеть…

— Тише. – Я наклоняюсь вперед, выгибаясь навстречу ему. — Поразмыслишь о своей вине потом. А пока думай только об игре, в которую я хочу сыграть.

— Это игра?

Теперь моя очередь шептать ему на ухо, пока снаружи сверкают молнии и гремит гром.

— Это игра. Я убегу, буду бороться с тобой, притворюсь, что отвергаю тебя. И, несмотря на это отрицание, ты будешь брать меня жестко, когда захочешь, любым способом, всю ночь напролет. Если мне действительно нужно, чтобы ты остановился, я скажу: — Прекрати это. Ты должен пообещать уважать эти слова.

— Я сделаю это, даже если мне придётся броситься в Мордворрен, — отвечает он.

Я приподнимаю бровь.

— Сомневаюсь, что всё станет настолько серьёзным.

— Ты никогда не видела дракона в брачный период. Мой отец рассказывал мне истории…

Я прикрываю его рот ладонью.

— Истории, которые мне сейчас не нужны.

— Очень хорошо. — Он отстраняется, создавая дистанцию между нашими телами. Без него мне холодно, я чувствую себя опустошённой и голодной. В мире, погружённом во тьму из-за разрушения всего, что я когда-то знала, он — единственное, что может рассеять тени.

Это значит больше, чем я могу выразить словами, что он не отверг предложенную мной игру. По крайней мере, в этом наши цели совпадают. Моя — быть вырванной из самой себя, подчиниться кому-то могущественному, забыть о необходимости планировать, убегать или даже думать. А его — полностью завладеть мной и удовлетворить свою первобытную потребность в размножении. Ему не нужно знать, что я решила нейтрализовать его семя. Это моё тело, и я отдам ему столько, сколько захочу, и не больше.

Находясь на расстоянии, Киреаган по-прежнему выглядит голодным, но на его лице читается неуверенность.

— Я никогда раньше этого не делал.

— Я делала это всего пару раз, — признаюсь я. — Не думай об этом слишком много. Как и в случае с ходьбой и речью, позволь своему телу взять контроль. Оно знает, что делать.

Он закрывает глаза, запрокидывает рогатую голову и делает долгий медленный вдох. Что-то в движении его когтей и напряжении плеч подсказывает мне, что, когда он закончит выдыхать, со мной будет покончено. Его не остановить.

Я подозреваю, что это будет непросто, и, поскольку одежды так мало, я бы предпочла, чтобы он не порвал розовое платье, которое на мне. Я поспешно стягиваю его и бросаю вместе с остальными вещами. Я бросаю туда же и свои порванные тапочки. Тихо ступая босыми ногами, я обхожу огромное гнездо и отступаю вглубь пещеры.

Я не буду затягивать игру. Он уже несколько часов в человеческом обличье, и через четыре-пять часов ему придётся снова превратиться в дракона. К тому времени я хочу быть полностью удовлетворённой. Но я хочу, чтобы он постарался.

Киреаган стоит там, где я его оставила, с закрытыми глазами, но я вижу, как слегка раздуваются его ноздри. Уголок его рта приподнимается. Даже если я стою в тени, он чувствует мой запах. А в пещере, хоть она и глубокая, негде спрятаться.

Когда он не двигается, я опускаю руку между бёдер. Затем я показываю свои влажные пальцы.

Мне не приходится долго ждать, прежде чем холодный влажный ветерок проносится по пещере, над гнездом и обратно, мимо Киреагана, неся запах моего возбуждения прямо ему в нос.

Он прыгает, как рычащая пантера, как жидкая молния. Теперь в его человеческих конечностях нет и следа неуклюжести — он настоящий хищник, охваченный азартом охоты. Он огибает гнездо и несётся ко мне быстрее, чем я ожидала, и я издаю настоящий визг от страха, когда отпрыгиваю в сторону, едва избежав его пальцев.

Я обхожу гнездо и останавливаюсь с другой стороны, не сводя с него глаз и затаив дыхание в предвкушении. Он останавливается, чтобы снять рубашку — это довольно легко, так как он не потрудился её застегнуть. С брюками дело обстоит сложнее, но он справляется и отбрасывает их в сторону. Я видела его обнажённым, но наблюдать за тем, как он приближается, с этим высоким, мускулистым телом, подсвеченным янтарным светом, — это искушение, с которым я не готова справиться. Я почти отказываюсь от своего плана заставить его «принудить» меня — моё тело умоляет подчиниться. Но затем он легко запрыгивает в гнездо и крадётся по нему ко мне, и мой инстинкт подсказывает мне, что я — добыча, а он — охотник.

Я медленно отступаю, подстраиваясь под его размеренный шаг, пока не чувствую, как на мою обнажённую спину падает дождевая влага. Я всё ещё в пещере, далеко от опасного края, но Киреаган замедляет шаг и говорит:

— Осторожнее, принцесса.

Он прав. В любой момент в пещере может подуть ещё один порыв ветра — и на этот раз не просто ветерок, а настоящий ураган, который схватит меня и унесёт навстречу смерти.

Я дьявольски улыбаюсь Киреагану и делаю ещё один шаг назад.

В его глазах вспыхивает тревога.

— Прекрати, Серилла.

Еще один шаг назад.

— Ты, глупышка. – Он скалит зубы и выпрыгивает из гнезда. — Повинуйся мне. Иди ко мне.

— Заставь меня.

— То, что ты подвергаешь себя опасности, никогда не было частью этой игры, ты, прекрасная обманщица, — говорит он.

Ещё один резкий порыв ветра, и я вздыхаю, думая, что, возможно, всё-таки зашла слишком далеко. Но порыв обволакивает моё обнажённое тело, холодя соски, а затем снова уносится из пещеры — на этот раз без всасывающей силы.

Киреаган не ждёт, пока порыв ветра станет сильнее. Он набрасывается на меня через полсекунды, разворачивает и толкает вглубь пещеры.

Я вырываюсь из его хватки, но он ловит меня за запястье и прижимает к себе. От прикосновения моей шелковистой кожи к его коже он издаёт глухой стон. Он прижимает меня спиной к своей груди, а задницей — к своим бёдрам. Его когтистая рука сжимает мою грудь, а другая обхватывает меня за талию.

— Ты, чёрт возьми, моя, — рычит он, и я резко вздыхаю, потому что это его драконий голос, низкий и гортанный, вырывающийся из самых тёмных глубин его дикого сердца.

— Нет. — Я выворачиваюсь из его хватки, и кончики его когтей оставляют на моей коже кровавые точки, полукругом вокруг груди. Как только он замечает кровь, отпускает меня, и я отползаю прочь.

Но через мгновение он снова набрасывается на меня, хватает за руку и за бедро и швыряет в гнездо. Трава мягкая, но немного колется, и я ползу вперёд на животе так быстро, как только могу, направляясь к краю.

Киреаган хватает меня за лодыжку и за волосы. Он тащит меня к себе, а я брыкаюсь и ругаюсь. Я и в лучшие времена не была бойцом, и ему до смешного легко волочить меня по траве. Он переворачивает меня и набрасывается на меня, упираясь коленями в мои бёдра и прижимая одну руку к моей шее. Другой рукой слегка проводит по моей груди, по соскам, а затем по животу. Мой живот вздымается от прерывистого дыхания, когда эти острые когти царапают кожу, и я лежу неподвижно, осознавая, что этот дракон может разрезать меня на ленты, если захочет.

Моя промежность дрожит от предвкушения, когда он опускается ниже. Когда он сгибает указательный палец и проводит костяшкой по моему клитору, я тихо и отчаянно вскрикиваю.

Он устраивается между моих бёдер. Я притворяюсь, что пытаюсь свести их, но он раздвигает их по шире и слегка проводит губами по моей киске. От этого нежного прикосновения я начинаю извиваться.

Но я не хочу, чтобы он был нежным, не сейчас. Я хочу, чтобы он был жестоким. Я хочу, чтобы меня изнасиловали.

Поэтому я даю ему пощёчину, прямо по лицу, и пока он рычит в ответ, отползаю прочь на четвереньках.

Он набрасывается на меня, и я сразу понимаю, что именно этого я и хотела. Весь мой мир исчезает, кроме щекочущей травы под животом и его массивного тела, придавливающего меня к земле. Его жар и сила ощущаются на моей коже; его грудь вздымается от тяжёлого, звериного дыхания. Он дышит мне в волосы, приподнимая и седлая меня, сжимая мои бёдра. Приняв позу волка во время спаривания. Одна большая рука скользит под мой живот, приподнимает мой таз, заставляет зад приподняться. То, что он делает, инстинктивно, это сочетание человеческого желания и драконьей настойчивости.

Тупая, горячая головка его члена упирается в мое влагалище, и я хнычу. Не могу вымолвить ни слова. Не могу думать ни о чем, кроме того, что лежу на лице, задницей вверх, раздавленная и замурованная мощными руками и ногами дракона-перевертыша, который отчаянно хочет меня оплодотворить.

Он выгибает спину. Двигает бёдра вперёд. Врывается в меня с яростной силой.

Я закатывают глаза, сжимаю губы. Я натянута до предела, на грани боли. Он такой большой, черт...

Тяжело дыша, он медленно и плавно отстраняется, его гигантская длина выходит из моего тела почти полностью, но не совсем. В следующую секунду он врывается в меня, вызывая у меня короткий вскрик. В ответ он рычит, и этот дикий звук заставляет меня трепетать. Я хочу, чтобы он издавал больше этих диких, мужских звуков, поэтому тихо стону. Хриплое, стонущее рычание, исходящее от его тела, полностью отключает мой разум, и я сдаюсь.

Он губами находит моё плечо и облизывает меня своим раздвоенным языком, прежде чем издать задыхающийся стон, почувствовав вкус моей кожи. То ли мой запах, то ли вкус сводят его с ума, и он начинает яростно, жестоко трахать меня. Сначала он стоит, сгорбившись, как волк, навалившись на меня, вбиваясь в меня своим членом, но затем выпрямляется, кладёт руку мне на голову и вдавливает мою щеку в гнездо, продолжая безжалостно долбить.

Моё тело полностью подчиняется ему. Все мысли путаются, и единственное, чего я хочу, единственное, что мне нужно, — это оргазм, который всё сильнее и сильнее нарастает внутри. Я в ужасе от того, что он кончит, что он остановится слишком рано, прежде чем я достигну того, чего хочу.

— Сделай так, чтобы я кончила, — хнычу я сквозь рыдания. — Пожалуйста, пожалуйста, дракон, сделай так, чтобы я кончила, сделай так, чтобы я кончила.

С жестоким рычанием он входит в меня так глубоко, что я думаю, он сломает меня, но это усиливает оргазм, дарит мне ещё один всплеск удовольствия, приближает меня к вершине. Я кричу «да», а он рычит от смеха и толкается с удвоенной силой.

— Принцесса Элекстана в моём гнезде, — хрипло и торжествующе говорит он. — С её красивой задницей в воздухе, умоляющая кончить от моего члена. Скажи это ещё раз, принцесса.

Я не думаю ни о гордости, ни о горе, ни о чём-либо ещё — я полностью подчиняюсь. Я едва могу вымолвить слова, потому что он так сильно трахает меня, сотрясая всё моё тело, но мне удаётся пробормотать распухшими от страсти губами:

— Заставь меня кончить, пожалуйста. Не останавливайся, никогда не останавливайся… о боже… — Мой голос срывается на тонкий визг, когда он пальцами яростно вцепляется в мои волосы, а когтями другой руки царапает мою спину. Жестокость этого поступка поражает меня, как вспышка драконьего пламени, приводит мой клитор в трепетное неистовство, заставляет оргазм пронзить тело, как жидкое пламя.

Резкие, короткие вскрики срываются с моих губ снова и снова. Я не контролирую свои конечности —пальцы впиваются в гнездо, бёдра дрожат, а он всё равно трахает меня, громко и тяжело сопя, быстрее, быстрее — он кричит, и этот крик похож на агонию, и его тело склоняется надо мной. Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, выпуская сперму в мою матку.

— Ты родишь мне потомство, — шепчет он, гладя меня по волосам, его член по-прежнему до основания погружен в меня. — Сущность моего вида и твоего соединятся, и мы создадим совершенно новую расу.

В этих словах, в том, как он откидывает бёдра назад и снова врывается в меня, есть что-то восхитительно первобытное. Его член ещё раз сокращается, выпуская всю сперму из его яичек в моё тело.

— Чёрт, — выдавливаю я. Волосы спутаны, на щеках слезы, бледная кожа покраснела. Я никогда не была так сломлена, никогда так не отдавалась кому-то. Мне кажется, будто он раздевает меня догола, сдирает с меня одежду, кожу и плоть, до самого сердца, и трахает его, пока оно не взорвется фонтаном кровавой, преданной любви.

Вот каково это — признать правду, настоящую причину, по которой я позволяю ему это делать. Я едва могу прошептать это про себя. Но когда он выходит из меня, я позволяю себе подумать об этих словах, всего один раз.

Я люблю тебя.

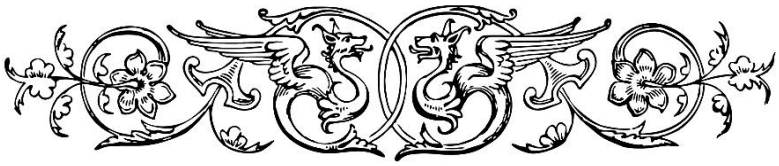
НЕТ… черт.

Нет. Я не должна произносить эти три слова. Они поймают меня в ловушку здесь, в этой пещере, в этой жизни.

Закрыв глаза, я произношу про себя ещё несколько слов, отдавая себе чёткий приказ.

Покончи с этим сейчас же.

23. Киреаган



Когда я выхожу из неё, блестящая белая сперма вытекает из розовых половых губ. Никогда я не видел ничего более соблазнительного. Я собираю сперму кончиком указательного пальца и возвращаю её обратно в неё, стараясь не повредить нежную кожу когтями. Затем я плотно прижимаю ладонь к её половым губам, чтобы удержать сперму внутри её тела.

Она была права. Когда настал момент, я знал, что делать. И удовольствие, которое я испытал, когда кончил в неё, было гораздо сильнее, чем два оргазма, которые я испытал до этого.

Серилла была правильным выбором для этого брачного сезона. Независимо от того, останемся ли мы с ней вместе или нет, будет ли она откладывать для меня яйца или нет, я знаю, что принял правильное решение пережить с ней бурю.

Когда она пытается встать, я удерживаю её на месте.

— Подожди минутку. Я не хочу, чтобы всё, что я вложил в тебя, вылилось наружу.

— Ты получишь больше, — отвечает она. — Пусти меня. Мне нужно в туалет.

Она просит меня не смотреть, пока она удовлетворяет свои физиологические потребности, поэтому я стою у входа в пещеру и смотрю на бурю, пока она не говорит мне, что закончила.

Когда я оборачиваюсь, она стоит там обнажённая и пытается пальцами распутать свои спутанные светлые волосы.

— Почему твои волосы всегда выглядят такими гладкими и шелковистыми? — ворчит она.

Я приподнимаю прядь волос и хмурюсь.

— Это нормально?

— Нет, это не так. Думаю, это работа Телисе, небольшой бонус, который она добавила к заклинанию. Может, мне удастся уговорить её сделать нечто подобное и для меня, чтобы волосы всегда оставались чистыми и безупречными. Кстати, о волосах — я собираюсь воспользоваться этим когтем-ножом, чтобы побрить ноги и… другие места. В замке я делала это регулярно, но с тех пор, как ты меня забрал, у меня не было возможности. Я вся заросла и чувствую себя ужасно.

— Мне нравится, какая ты есть, — говорю ей.

— Спасибо, но я делаю это для себя.

Она берет нож и поднимает на меня взгляд, замечая выражение моего лица.

— Что такое?

— Этот коготь-нож, как ты его называешь, принадлежал одному из наших павших. Такие реликвии почитаемы, их не принято использовать как инструменты. Я ничего не сказал, когда ты готовила с его помощью еду, но это… кажется мне неуважительным.

Серилла внимательно рассматривает коготь и кивает:

— Понимаю, о чём ты. Если тебе это не нравится, я не буду его использовать.

Она проявляет доброту, тактичность и уважение, но я вижу, как сильно ей хочется побриться. Я размышляю, вспоминая, что Тенебрикс нашел своё место среди звёзд много месяцев назад. Теперь он снова слился со вселенной и вряд ли заботится о том, что делают с его когтем. Возможно, в такие времена, полные перемен, можно позволить себе небольшое отступление от правил. К тому же, этот коготь не является данью памяти — на нём нет вырезанного имени. Значит, это запасной, найденный Джессивой где-то, а значит, его использование более допустимо.

— Делай, — говорю я принцессе. — Тенебрикс был драконом с лёгким нравом, он всегда любил шутки и охотно пробовал новое. Думаю, он бы не возражал.

— Спасибо.

Она берёт кусок мыла и усаживается у выхода из ручья. Я наблюдаю, заворожённый, как она намыливает ноги и подмышки, аккуратно сбривая светлые волоски.

— У тебя появились новые синяки, — замечаю я. — И, кажется, я поцарапал тебе спину. Прости.

— Не извиняйся! Когда ты впился в меня когтями, это было именно то, что мне нужно. Пока ты не заходишь слишком глубоко, всё в порядке. А теперь тише, мне надо сосредоточиться.

Она раздвигает ноги и покрывает нежную кожу мыльной пеной, аккуратно начиная бритье. Я замираю, опасаясь, что она поранится, но её движения уверены.

— Ты часто это делала, — отмечаю я.

— У меня были служанки, они могли бы заняться этим, — отвечает она. — Но я всегда предпочитала делать такие вещи сама.

Странно… В тот первый день её нагота ничуть меня не смущала, но теперь одна мысль о том, что кто-то ещё видел её обнаженной, пробуждает во мне вспышку горячей, необъяснимой ревности. Мне не нравится представлять, как её служанки касались её, а ещё больше — что до меня у неё были другие мужчины. Это глупая, иррациональная ревность, с которой мне нужно бороться.

— Готово.

Она ополаскивается, без стеснения раздвигая складки кожи, смывая пену и остатки светлых волосков.

Я сглатываю, когда моё тело сжимается от внезапного желания. Сердце гулко стучит, кровь кипит в венах, каждая мышца напряжена, дыхание перехватывает. Мой член поднимается, толстый и твёрдый. Неистовое желание сковывает каждую мышцу, бушует в мозгу, грохочет в груди.

Снаружи сверкает молния, вспыхивая в темноте, на миг превращая пещеру в ослепительное белое пространство. Гром грохочет где-то в горах, и Серилла вздрагивает, когда вниз с грохотом срываются камни. В ту же секунду дождь обрушивается с новой силой, ветер с воем загоняет его в пещеру. Капли со шипением разбиваются о дайр-камни, но не достигают гнезда.

Серилла поднимается, берёт свое белое платье и натягивает его через голову. Я наблюдаю, как тонкая ткань спускается вниз, скрывая её тело от моего взгляда, и ненавижу её за это.

Она подходит к гнезду, закидывает одну ногу, готовясь забраться внутрь, видимо, собираясь спать. Ткань натягивается на её округлых бёдрах.

И я теряю рассудок.

С приглушённым стоном я набрасываюсь на неё. Мои когти лихорадочно хватают платье, отбрасывая ткань в сторону. Дрожа от мучительной потребности, я вхожу в неё.

Принцесса вскрикивает от неожиданности, когда я резко вхожу, но, слава богу, не произносит своих заветных слов. Даже если бы она их произнесла, не уверен, что я смог бы остановиться.

Из моего горла вырывается хриплый стон, когда я погружаюсь глубоко в её тело. То, как её сочные, влажные внутренности дрожат и сжимаются вокруг меня, — это лучшее ощущение, которое я когда-либо испытывал. Я не могу представить, что секс в облике дракона может быть таким приятным.

Я держу её за бёдра и смотрю, как мой член входит и выходит из-под её ягодиц. Экспериментируя, я дразню кончиком большого пальца крошечную сморщенную дырочку в её заднице, пока трахаю ее, получая в награду вздох удивленного восторга. Крошечная дырочка предназначена для испражнения, а не для размножения, но я очарован ею, как и каждой частью её тела.

Дрожь удовольствия пробегает по моему члену с каждым новым толчком в мою пленницу. Я содрогаюсь, издавая отчаянные стоны в пропитанный дождем воздух пещеры, потому что я никогда не чувствовал ничего столь совершенного, утонченно-изысканного — ничего столь невероятно восхитительного…

— Мне нравятся эти приятные звуки, которые ты издаёшь, — мягко говорит Серилла. — Ты так сильно хочешь мою пизду, дракон?

Я помню, как король Ворейна использовал это слово. Должно быть, оно означает то же самое, что и «киска». Оно какое-то более грубое, вульгарное и собственническое. Мне не нравилось, когда он произносил его, но, кажется, мне нравится, когда его произносит она.

— Я жажду твоей пизды, Принцесса. — Я делаю судорожный вдох. — Ты ощущаешься так, будто я лечу сквозь закат. Словно ныряю с водопада. Словно разрываю свежее, сочное, вкусное мясо…

— Хватит драконьей поэзии. — Она смеется, но смех этот дымный и густой от желания. — Чёрт, Киреаган, как ты заставляешь меня чувствовать себя так? Боже, мне нужно, чтобы ты был глубже… чёрт возьми, глубже… снова стони для меня.

Я прижимаю её бёдра к себе и вхожу в неё по самые яйца, кончая с прерывистым, беспомощным стоном, от которого она хнычет от восторга. Великолепное удовлетворение омывает мою душу, когда мои яйца сжимаются, извергая ещё одну порцию спермы в лоно моей маленькой пары.

Пара? Я не должен позволять себе надеяться на такое. Она никогда не согласится стать моей спутницей жизни.

Кажется, она готова вынашивать моих детенышей, чтобы помочь мне спасти мой вид. Но после этого - я выхожу из неё, дрожа от последних отголосков удовольствия, пробегающих по моему члену, - после этого, после вылупления, я должен отпустить ее. Если она мне действительно дорога, я должен вернуть ей свободу и право выбора. Я должен позаботиться о том, чтобы она была счастлива, и о ней хорошо заботились, а потом я должен оставить её в покое.

Я отвезу её обратно на материк и освобожу в безопасном месте, подальше от Ворейна. Она сможет прожить свои дни так, как пожелает, со своими сородичами. Я выращу наших детёнышей, а в следующий брачный сезон, на пятидесятом году моей жизни, я сойдусь с дочерью члена клана — одной из новых самок драконов, которым

исполнится двадцать пять лет. Эти новые драконы тоже будут оборотнями, способными переходить из одной формы в другую, что должно сделать брачный период ещё более интересным.

Мой план отвратителен мне до глубины души. Но я не вижу для нас другого будущего. Серилла никогда не сможет быть счастлива здесь, в этой пещере, со мной. Она никогда не согласится стать спутницей дракона, даже того, кто может менять облик.

Она лежит на животе, свесившись с края гнезда, и тяжело дышит. Через мгновение она переползает в гнездо.

Она ещё не кончила, что непростительно с моей стороны. Я намерен довести её до оргазма столько раз, сколько получил сам.

Я забираюсь вместе с ней в гнездо, притягиваю ее к себе и снимаю с нее платье. Когда она обнажается передо мной, я кладу ее на спину, поднимаю нижнюю часть тела и закидываю ее ноги себе на плечи. Я наклоняюсь вперед, пока мое лицо не оказывается между ее бедер, и провожу языком по ее залитой спермой киске. Она вскидывает обе руки над головой и отдается мне со сладостным вздохом покорности.

С каждым нежным прикосновением, с каждым дразнящим движением моего языка я всё лучше понимаю, что ей нравится. Я узнаю, что она предпочитает сюрпризы — каждый раз что-то новое.

Когда я быстро провожу языком по ее клитору в неустанном ритме, она начинает неистово хныкать. Я ослабляю воздействие, перехожу к более низким зонам, успокаивая ее отверстие, и когда она начинает кричать от удовольствия, я уже точно знаю, что делать. Я возвращаюсь к этому быстрому ритму, под тем же углом, лаская ее крошечный клитор, пока не слышу резкий звук, которого я так ждал, в тот самый момент, когда она достигает пика наслаждения и падает вниз, скользя в свободном падении. Я продолжаю, пока она не обхватывает мою голову обеими ногами и не начинает неистово двигаться, прижимаясь киской к моему лицу. Ей нужен комфорт, твердость, поэтому я позволяю ей использовать меня, чтобы добиться этого давления. Я купаюсь в её соках и своих, в её запахе и своём.

Когда ее ноги ослабевают, я приношу одеяла, и мы долго дремлем вместе в гнезде, обнаженные. Я медленно просыпаюсь, одурманенный мечтами о том, как трахаю её, и обнаруживаю, что мой член снова твёрдый. Одеяло соскользнуло, и она лежит на боку, отвернувшись от меня, соблазняя меня своей красивой попкой. Я поднимаю одну её ногу и поправляю её так, чтобы видеть её красивую киску. Я слегка глажу её, стараясь не задеть когтями. По мере того как я глажу, из ее тела начинает просачиваться влага.

Серилла сонно хнычет и тянется к моему члену, неуклюже пытаясь ввести его в себя. С довольной ухмылкой я беру его в руку и медленно ввожу головку члена в её щель, наблюдая, как блестящие влажные губы её киски раскрываются вокруг него. Ощущения божественные, но ещё приятнее слышать её милые стоны, когда я снова и снова ввожу член в её киску. Она подаётся назад бёдрами, словно пытаясь насадиться на меня, но я не тороплюсь, наслаждаясь каждым ощущением, каждым тактильным чудом, на которое способна кожа. Я заставляю её ждать. Я нежно глажу её своим членом, пока он становится твёрже и горячее в моей руке.

У меня есть руки. Ноги. Гладкая кожа, которая может тереться о её кожу, не причиняя ей боли. Это не проклятие — это чудо. Миллион новых ощущений, которыми можно наслаждаться.

Экспериментальным путём я провожу головкой члена по гладкой ягодице Принцессы, просто чтобы посмотреть, как на её коже блестит полоска смазки. Так много текстур, так много чувственных удовольствий.

— Пожалуйста, — тихо стонет Серилла.

— Вот моя хорошая, принцесса, — шепчу я, поглаживая её киску членом, прежде чем войти в неё. Она скользкая, шелковистая - мой разум может взорваться от одного только великолепия проникновения в нее. Ее тело поглощает меня, обтягивает мой член каждый раз, когда я отступаю для очередного толчка, будто она обнимает меня и не хочет отпускать.

Она мычит от удовольствия, вертит задницей с довольным мяуканьем, пока я продолжаю наседать. От скользящего всасывания в моем мозгу вспыхивают звезды, доводя меня до грани блаженного безумия. Я кончаю в нее, я кончаю, и черт, это прекрасно, это все.

Я остаюсь в ней надолго — настолько долго, что мой член снова твердеет. Она спит, поэтому я осторожно двигаюсь внутри неё, толкаясь медленно и размеренно. Через несколько мгновений она просыпается с приятным стоном и запускает пальцы между ног, пока я трахаю её. На этот раз мы кончаем одновременно, и ощущение, как её тело сжимается и пульсирует вокруг моего пульсирующего члена, становится моим новым любимым занятием — лучше, чем полёт на закате, лучше, чем любой из моих ограниченных опытов. До нее я понятия не имел, что такое настоящее удовольствие.

Но когда оргазм проходит, я чувствую вибрацию в костях.

Мое время в этой форме закончилось, и мое драконье «я» возвращается.

Я поспешно освобождаюсь из объятий Сериллы, выскальзываю из гнезда и устремляюсь к выходу из пещеры. Там, на омытом дождем камне, я вновь обретаю свою истинную форму.

Сила и незыблемая уверенность наполняют меня в драконьем облике. Это тело, в котором я был рожден, облик моих предков. Но вместе с этим я ощущаю и потерю. Я стою, неуверенно опираясь на все четыре лапы, мои крылья безвольно опущены на камень, а за спиной разрывают тьму вспышки молний, сопровождаемые оглушительным грохотом грома.

Серилла поднимается — обнаженная, прекрасная. Она перекидывает ноги через край гнезда, немного шатается, ослабевшая от удовольствия, но затем выпрямляется, подходит ко мне и обнимает меня за чешуйчатую шею.

— Вернись в гнездо, — говорит она. — Пора спать.

Я не знаю, как долго сплю, чувствуя, как моя принцесса уютно свернулась у теплых чешуек моего живота. Но, проснувшись, я не нахожу ее рядом. Я слышу, как она тихо двигается возле припасов. Раздается легкий шелест, воздух наполняет резкий травяной аромат, затем — звук жевания.

Дайр-камни почти погасли, их свечение едва различимо. Если она хочет приготовить еду, мне придется снова их разогреть.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть, что она ест.

— Ты голодна?

Она поперхнулась, но все же проглатывает то, что было у нее во рту.

— Эм… нет.

— Но ты же ела.

— Лекарственные травы.

— Ты больна? Я был слишком груб с тобой? — я вскакиваю, мои крылья распахиваются в тревоге.

— Нет, нет! Дело не в этом. Я просто… — Она морщится, отводя взгляд. А затем слова вырываются потоком: — Просто я не готова вынашивать драконьи яйца. Эти травы предотвращают беременность.

Холодный дождь разочарования обрушивается на меня.

— Они сделают тебя бесплодной навсегда?

— Нет! Их действие длится всего несколько часов, и они останавливают всё, что могло начаться. Но потом я снова смогу зачать.

— Понимаю. — Я прижимаю крылья к спине и опускаю морду на лапы. — Я понимаю, почему ты их приняла. Это твое право — защищать себя от будущего, которого ты не желаешь.

— Киреаган… — В ее голосе слышится мягкость, сочувствие. — Я знаю, как много это для тебя значит. Мне просто нужно еще немного времени, чтобы всё обдумать.

Я закрываю глаза, желая вернуться в сон, в котором я успешно оплодотворил ее, и мы вместе растили выводок маленьких драконов…

— Ты теперь грустный, — говорит она, голос ее наполнен жалостью. — Прости… Мне не стоило принимать травы. Мы можем попробовать снова, когда ты примешь человеческую форму…

— Не жалей меня. — Я резко поднимаюсь, смотрю на нее с пылающей в сердце любовью. — То, что я собирался сделать… принуждать тебя принять драконью форму… Я ошибался во всем. Ты не должна соглашаться на то, чего не желаешь всей душой. Твое счастье важнее для меня, чем потомство. Важнее всего твоя свобода. Когда этот шторм закончится, я верну тебя на материк. Мы отправимся на юг, подальше от Ворейна, и я дам тебе сокровища из моего тайника, чтобы ты могла купить все, что пожелаешь. Может быть, ты заведешь маленькую ферму, выйдешь замуж за доброго человека, родишь его детей. Ты сможешь жить так, как захочешь. Это будет радовать меня, Серилла, и ничто иное. Я проведу свои дни в мире на Уроскелле, зная, что ты в безопасности и счастлива. Мне этого хватит…

Я запинаюсь, потому что она снова поднимается в гнездо, в глазах ее бушует пламя, и она так прекрасна, что я едва сдерживаю дрожь, когда выдыхаю правду:

— Этого должно быть достаточно.

— Ты так поступишь? — Она хватает мою морду ладонями. — Ты отпустишь меня? Даже если я не подарю тебе ни одного детеныша?

— Да.

— Почему?

Огонь клокочет во мне, поднимаясь, раздуваясь, готовый вырваться наружу. Я с трудом его проглатываю.

— Говори, Киреаган, — требует она. — Скажи мне. Ты раньше отказывался меня отпустить. Почему ты готов сделать это теперь?

— Я… привязался, — рычу я, ощетинившись.

— Насколько сильно?

— Очень сильно.

— Если бы ты просто привязался ко мне, как к вещи, ты бы не говорил о том, чтобы отпустить меня. Ты бы держал меня здесь. Но дело в другом.

Я рычу громче.

Она кивает, с лёгкой, едва заметной улыбкой.

— Да. И?

Я резко вырываю голову из её ладоней и выпускаю узкий поток огня в бушующую бурю. Дождь шипит, испаряясь в облака пара, которые клубятся и заполняют пещеру, окутывая нас туманными лентами.

Сквозь этот туман выходит Серилла — маленькая, сильная, несгибаемая. Настоящая. Не та, кем она пыталась казаться, когда я впервые привёл её сюда.

— Что ещё, Киреаган? — Она смотрит на меня снизу вверх, нежная и бесстрашная. И я потерян. Сломлен. Я был таким с той самой минуты, как король Ворейна сказал, что хочет её.

— С каждым днём становится только хуже, — признаюсь я. — Я не просил об этом. Я этого не заслуживаю.

— Скажи это, — шепчет она.

Я сжимаю челюсти, но сквозь сдавленный рык всё же выдавливаю:

— Любовь.

Её улыбка распускается, как огонь, зажигая глаза, наполняя светом всю чёртову пещеру.

— Ты говоришь это слово, будто оно на вкус горькое.

— Оно чёртовски болючее.

— Разумеется. Разве ты не слышал ни одной песни о любви?

— Совсем немного.

— Тогда, может, я напишу для тебя одну.

Моё сердце бьётся, болит, надеется.

— Ты играешь со мной.

— Совсем чуть-чуть. Кто бы мог подумать, что огромный, страшный, покрытый шипами дракон может быть таким чувствительным. — Она похлопывает меня по передней лапе. — Ложись. Нам стоит ещё немного отдохнуть.

Я не чувствую, утро сейчас или нет — за пределами пещеры бушует кромешная тьма Мордворрена, неистовые потоки ветра хлещут по горным склонам. Как сказала Серилла, можно и отдохнуть, так что я устраиваюсь на боку в гнезде, а она прислоняется к моему брюху.

Серилла не ответила мне взаимностью. Она выглядела довольной, но слов любви от неё я не услышал. Пожалуй, это справедливо. Теперь я испытываю на себе то же, что пришлось вынести Мордессе, когда она поклялась в любви ко мне, а я не смог ответить ей тем же. Неуверенность, что пожирает меня сейчас, — своего рода расплата.

— Как думаешь, с остальными всё в порядке? — через некоторое время спрашивает Серилла.

— У них есть припасы.

— Я не совсем это имела в виду.

— Если кого-то завалило в пещере камнями, мы всё равно не сможем помочь, пока не утихнет Мордворрен. При таких ветрах даже дракон разобьется о скалы.

— Это… тоже не совсем то, что я имела в виду.

— Ты говоришь о брачной лихорадке.

— Я знаю, ты предупредил самцов, чтобы они не смели ничего делать силой… но я всё равно волнуюсь за других женщин.

— А за себя ты не боишься?

Она смеётся и похлопывает меня по плечу.

— Нет.

— И почему же?

— Потому что теперь я знаю тебя. Не всего, пока, но достаточно. И я… — Она вдруг замолкает.

У меня сводит всё внутри в болезненном ожидании — какое слово могло прозвучать дальше?

Но она больше ничего не говорит.

Грома почти не слышно, значит, мы оказались в разрыве между ячейками этого многослойного шторма. Мы снова дремлем под монотонный гул дождя.

Внезапный взрыв сотрясает гору. Я вскакиваю, едва не наступая на Сериллу. Возможно, её бы не ранило — гнездо достаточно упругое, — но сама мысль, что я мог причинить ей вред, заставляет меня выпрыгнуть прочь.

Я дую на один из дайр-камней, освещая пространство вокруг, если вдруг Серилла проснётся. Но она, кажется, снова мгновенно провалилась в сон.

Я же, напротив, не могу успокоиться. Моё тело пульсирует странной, необъяснимой силой. На мгновение мне кажется, что я снова превращаюсь в человека. Но нет. Я даже пробую изменить облик, притягиваясь к этому ощущению так же, как в прошлый раз, — и ничего.

Но теперь я осознаю себя отчётливее, чем когда-либо: свою огромную тушу, массивные плечи, смертоносные шипы, тянущиеся по спине и хвосту, тонкую, но прочную перепонку крыльев.

Я чувствую себя могущественным. Величественным. Почти божественным.

Я пробираюсь вглубь пещеры и срываю с крюка одну из туш — жирную овцу. Несу её к входу и когтями ловко вспарываю брюхо, выдирая куски мяса и заглатывая их. Жилы и внутренности тянутся, когда я вцепляюсь в новый ломоть и с усилием отрываю его. Я проглатываю сердце, мозг, печень, почки — всё, что нужно.

Когда от туши остаются лишь кости да жалкие ошмётки, я сталкиваю их во тьму, за край утёса.

Косые струи дождя бьют в проём пещеры, змеятся прозрачными потоками, перемешиваясь с кровью.

Слабо, на задворках сознания, я понимаю: обычно я не был бы таким небрежным в охоте.

Но я хищник.

А хищники убивают.

Хищники пожирают добычу.

Принц и хищник.

Вот кто я.

Эта могучая форма, эти крылья, мои зубы клинки и отточенные когти — всё это должно пережить меня. Всё это я обязан передать потомству.

С момента пробуждения мысли упростились, сузились до первобытных инстинктов.

Сначала была жажда крови.

Теперь, когда я думаю о потомстве, поднимается новый зов.

Пара.

Горячая кровь пульсирует, кипит в венах, бешено стучит в висках и ниже, в животе, ниже…

Горячий туман застилает разум, сметая всё, оставляя только одно желание.

Найти.

Взять.

В воздухе пещеры витает запах самки.

Серилла - женщина. Серилла - моя.

Тяжёлыми шагами я подхожу к гнезду. Вот она, там, где и должна быть. Моя самка в моём гнезде. Её тело расслабленное, тёплое и розовое.

Сомнение пронзает пылающий туман в моей голове. Слишком мала.

Каждая чешуйка на теле кажется мне насекомым, ползущим под ней, их шершавые лапки царапают мою кожу. Глубоко внутри моего тела мои яйца набухли почти до разрыва. Мой член толстый и твёрдый, как камень, он давит на скрывающую его щель, угрожая выскользнуть наружу. Агония и жажда пронзают мой позвоночник, пока я медленно ползу в гнездо, к Серилле. Голова опущена, плечи напряжены, крылья плотно прижаты.

Трахни ее, спаривайся с ней.

Она лежит на боку, поджав ноги, и я переворачиваю её на спину, чтобы уткнуться носом в ложбинку между её бёдрами и вдохнуть сладкий аромат её лона.

Моя. Спаривайся с ней.

НЕТ… слишком маленькая.

Я фыркаю и мотаю головой из стороны в сторону. Желание оседлать её пронзает меня от головы до хвоста. Щель между моими задними лапами, у основания хвоста, расширяется, позволяя члену выскользнуть наружу. Он висит там, огромный и пульсирующий.

Спаривайся с ней. Трахай ее. Трахай, трахай, трахай…

Мой член болит, он воспалён, он жаждет погрузиться в гостеприимную дырочку. Боль пронзает меня изнутри, когда семя внутри меня стремится излиться в тёплую женскую плоть.

Это агония. Это смертельная нужда, и без облегчения, клянусь, я умру.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

24. Серилла

Меня будит рев боли.

Киреган выбирается из гнезда, рыча и стеная. Он бросается на стену пещеры, скребётся о неё, словно пытаясь содрать с себя чешую.

— Ки! — Я вскакиваю. — Что случилось?

— Нет, — стонет он. — Нет… чёрт… - Он бьётся головой о стену, и я кричу.

— Прекрати, Ки! Перестань причинять себе боль!

Сквозь стиснутые зубы он невнятно бормочет:

— Лучше… я… чем ты.

И тут я вижу его. Гигантский драконий член между его ног. Он огромный и фиолетовый, с выпуклой фиолетовой головкой. К счастью, он не шипастый и не зазубренный. Это был миф. Но он слишком большой для человека. С кончика свисает струйка прозрачной смазки, покачиваясь в такт его движениям.

— Не смотри на меня, чёрт возьми, — рычит он. — Спрячься где-нибудь, уходи… – Его слова переходят в стон отчаянной потребности.

Значит, это брачный период. Выглядит невероятно болезненно, и сопротивляться трудно. Если все драконы в таком же состоянии, как Киреаган, то у других женщин мало шансов.

— Ты можешь превратиться? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Я пытался.

— Попробуй еще раз.

Всё его тело содрогается от напряжения, и из его члена вытекает ещё больше смазки. Он вскидывает рогатую голову и в отчаянии кричит в потолок пещеры, раскаляя камни до янтарного цвета.

— Твой член размером с мою ногу, так что ты точно не сможешь меня трахнуть, — твёрдо говорю я ему. — Но ты не можешь и дальше так стоять. Иди сюда.

— Нет, — он качает головой из стороны в сторону, и в его жёлтых глазах сверкает безумие. — Если я подойду слишком близко, то трахну тебя. Разорву тебя на части. Убью тебя.

— Если ты сможешь немного сдержаться, у меня есть идея, которая может тебе помочь. Помнишь, чему я тебя учила, о том, что можно получить удовольствие, не вступая в контакт с другим человеком?

Он колеблется, тяжело дыша.

— Я лягу на спину, — говорю я ему. — Ты будешь водить своим членом по моему животу, а я буду обхватывать его руками и ногами. Мы будем ласкать друг друга, пока ты не кончишь.

— Но… спаривание… — хрипло говорит он. — Размножение.

— Потом я впущу в себя немного твоей спермы. Это поможет? Если нет, просто подумай о том, что ты можешь сделать со мной, когда вернёшься в человеческий облик. Когда ты снова станешь человеком, ты сможешь проникнуть внутрь и…

Ошибка, о, это была ошибка…

Он наваливается на меня, прижимая к гнезду. Его член яростно упирается между моих согнутых коленей, раздвигая их, и он издаёт хриплый стон, в котором слышится огонь. Затем его массивная головка ударяется о мою киску, и на одну ослепляющую, наполненную ужасом секунду мне кажется, что он ворвётся в меня и разорвёт на части.

Кровь отливает от моего лица.

— Киреаган. — Я стараюсь говорить как можно спокойнее. — Подожди.

Ему удаётся сдержаться. Но он смотрит на меня так, словно голодал веками, а я — единственная еда, которая сделает его счастливым и удовлетворённым навсегда.

Я приподнимаю драконий член и устраиваюсь под ним так, чтобы его нижняя часть касалась передней части моего тела. Он очень похож на человеческий член, но гораздо горячее и с более толстой кожей. Я обхватываю его руками и ногами, чтобы обеспечить Киреагану большее трение.

— Это твоя дыра, — говорю я ему. — Это туннель, в котором ты можешь трахаться, пока тебе не станет лучше.

Он не ждёт дальнейших указаний, просто начинает трахать меня. При первом же полном контакте с моим телом он стонет от облегчения.

— Хороший дракон, — говорю я. — Потрись этим бедным ноющим членом о мою мягкую кожу. Проведи им между моих грудей, вот так. Так лучше, правда?

Трение немного раздражает, пока мне не приходит в голову обмазать себя его смазкой. После этого всё идёт гораздо более гладко. Он толкается в мой живот и грудь, а я провожу своими скользкими руками и ногами по его члену, чтобы стимулировать его.

— Закрой глаза, — приказываю я. — Представь, что я – дракон, красивая самка дракона с чёрной чешуёй, как у тебя, и ты глубоко трахаешь меня.

Он низко урчит в груди, и я принимаю это как поощрение продолжать.

— Твой огромный драконий член так хорошо ощущается внутри меня. — Чёрт, я возбуждаюсь, когда говорю с ним в таком тоне.

Мои ноги обвивают его, моя киска раскрыта, полностью обнажена и трётся о его толстый член. Каждый раз, когда он делает рывок вперёд, мой клитор пульсирует от удовольствия. Я не могу удержаться от желания немного приподнять бёдра, чтобы усилить давление.

— Ты собираешься излиться в меня, вылить всю эту густую сперму из своих болезненно набухших яиц, — бормочу я. — Она хлынет в меня и наполнит так, что будет вытекать, когда ты закончишь. Ты собираешься оплодотворить меня, сделать со мной детей…

Боже, что я говорю — мне нужно перестать думать о том, чтобы завести с ним детей-драконов. Хотя эта мысль, кажется, работает. Его дыхание становится более прерывистым, а член твердеет.

— О, чёрт, — выдыхаю я, выгибаясь навстречу его толчкам. Трение сильнее, чем я могу вынести, — ещё немного, — я стону, когда меня пронзает удовольствие. Оно не такое сильное, как другие оргазмы, которые он мне дарил, но оно хорошее, очень хорошее.

По глубине стонов дракона и усилившемуся неистовству его толчков я понимаю, что он вот-вот кончит — мне на лицо.

— Ты же не извергаешь лаву или кипящую сперму, да? — спрашиваю я.

Он не отвечает. Он зашел слишком далеко.

— Чёрт, — шепчу я и закрываю глаза. — Сделай это, Киреаган. Кончи для меня.

С гортанным рыком он кончает. Горячая струя бьёт мне в лицо и волосы — я вся промокла, но, к счастью, не обожглась. Думаю, температура примерно такая же, как в горячем источнике. Его запах наполняет воздух; он насыщенный и землистый, но не неприятный. Он напоминает мне запах камня на солнце с примесью древесного дыма.

Он ещё дважды кончает, а затем я чувствую, как он отодвигается, давая мне пространство. Не открывая глаз, я сажусь и вытираю лицо от спермы обеими руками.

Дракон выглядит встревоженным, когда смотрит на моё тело. Из его горла вырывается низкое недовольное рычание.

— Размножение. — Я киваю. — Я позабочусь об этом. Смотри.

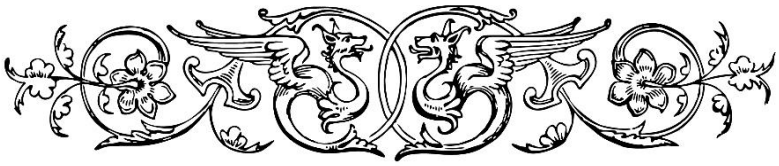
Я раздвигаю ноги и запускаю пальцы, покрытые спермой, в свою киску. Затем я зачерпываю ещё немного его спермы и тоже ввожу её в своё отверстие. Не думаю, что она проникла достаточно глубоко, чтобы вызвать беременность, но дракон, кажется, доволен, по крайней мере, пока. Он падает в гнездо, вытянув шею и безвольно свесив хвост с края. Его член снова спрятан там, где ему и место, и я не могу не почувствовать лёгкое облегчение от этого.

К тому времени, как я заканчиваю умываться в ручье и натягиваю платье, он уже тихо дышит и крепко спит. Наверное, он устал.

Я ложусь рядом с его длинной шеей, ближе к голове. Медленное дыхание расслабляет меня, и я провожу рукой по плоской чешуе, покрывающей его горло снизу.

— Ты сделал это, — шепчу я. — Ты справился, не причинив мне боли. Это значит, что ты можешь сделать это снова. Мы пройдём через это вместе, сколько бы раз нам ни пришлось.

25. Киреаган



Я пробуждаюсь в человеческом облике, мой член уже твёрд. Но я не говорю об этом и не прикасаюсь к Принцессе. Просто моюсь с мылом, как видел, делает она, и одеваюсь ещё до того, как она просыпается.

Серилла снова готовит нам еду, а я тем временем избавляюсь от травы, испачканной спермой, в гнезде. Затем тревожно оглядываю широкий поток — он уже слегка разваливается, вода тонкими струйками пробирается по полу пещеры. В следующий раз, когда я приму форму дракона, нужно будет углубить канавку, иначе наше убежище может затопить. Если только в следующий раз я сумею удержать себя в руках.

Я помню всё: о чём думал, что чувствовал и что почти сделал с Сериллой. Я был слишком близко к тому, чтобы причинить ей боль, и мне невыносимо осознавать, что она видела меня в том зверином состоянии — дрожащего от потребности, безумного от жажды спаривания.

— Еда готова, — говорит она. — Иди есть.

— Я не голоден. — Я не оборачиваюсь, устремляя взгляд в воду.

Несколько мгновений она молчит, а потом я слышу лёгкие шаги её босых ног по камню.

— Да пошло оно… — Серилла перешагивает поток и встаёт передо мной. — Ты смущён. Я понимаю. Но с нами обоими всё в порядке. Я не злюсь и не боюсь тебя.

— Ты должна испытывать отвращение.

Она слегка наклоняет голову и одаривает меня одной из своих очаровательных полуулыбок.

— Нет. Брачная лихорадка — это не то, что ты выбрал. Это часть твоей природы, и если бы ты испытал ее так, как положено, с другим друконом, это было бы красиво и страстно, а не страшно. Ты не хотел причинить мне боль, и потому боролся. И победил. Я восхищаюсь этой силой.

Её принятие ошеломляет меня. Я не нахожу слов.

— Иди ешь. — Она берёт меня за руку, переплетая свои тонкие пальцы с моими когтистыми. Ведёт к пище — нарезанные овощи и обжаренное в соли мясо. Вкусно. Пока мы едим, она тихо насвистывает мелодию, но время от времени хмурится, задумчиво устремляя взгляд в пустоту.

— Ты сочиняешь песню? — спрашиваю я.

— Тссс. — Она прижимает палец к губам и ещё больше хмурится. — Ах, ты заставил меня забыть фразу, о которой думала. Мне бы бумагу и чернила…

— Я мог бы вырезать слова для тебя.

— На камне? Нет, нет, они ещё не готовы стать чем-то таким… вечным. Мне нужно поиграть с ними.

А мне хочется поиграть с ней.

Я снова теряю контроль: её губы слишком чертовски притягательны, когда беззвучно складывают слова. А потом она берет ягоду и втягивает её в рот… Чёрт. Я чуть не кончаю в штаны.

Резко поднимаюсь и отхожу ко входу в пещеру. Ледяной ветер бросает на меня холодный дождь, одежда мгновенно промокает.

— Киреаган.

— Ты должна перестать произносить моё имя, — рычу я, не оборачиваясь. — Перестать говорить. Перестать есть. Перестать сидеть вот так.

— То есть… мне стоит просто перестать существовать? Ты это хочешь сказать?

— Нет, но почему ты всё время так чертовски хороша? Клянусь, это кого угодно сведёт с ума.

Я склоняю голову перед ветром и дождём, позволяя им смачивать мои рога и волосы. Мокрая одежда прилипает к телу, как мокрая кожа.

И тут я чувствую, как маленькая ручка сжимает мой зад.

Эта единственная искра воспламеняет все мое существо.

Я разворачиваюсь, хватаю её за плечи и прижимаюсь своими губами к её. Она — огонь и сладость, мёд и дождь. Мой язык переплетается с её, пока я веду её к ложу. Я толкаю её на него и дрожащими пальцами расстёгиваю штаны.

Она уже задрала юбку до талии, широко расставив ноги, и её мокрая киска блестит. Она ухмыляется мне, и я ухмыляюсь в ответ, чувствуя, как в груди разливается приятное тепло.

— Войди в меня, дракон, — шипит она, и я нависаю над ней, закидываю её ноги себе на плечи и вхожу в её влажное лоно. Я ещё не трахал её так — лицом к лицу. Я многое упустил. Смотреть, как она запрокидывает голову, как её глаза закрываются, когда она стонет, — это подарок от Создателя Костей.

Я наклоняюсь, чтобы покусывать её приоткрытые губы, смакуя тихие стоны, слетающие с её губ. Я жажду каждого изменения в выражении её лица, каждого взмаха её ресниц, каждого лёгкого вздоха. Я покачиваю бёдрами, толкая член в неё в медленном, тяжёлом ритме.

— Быстрее, — шепчет она. Я целую ее и подчиняюсь, ускоряя толчки. Через мгновение я выхожу из нее и зарываюсь лицом между ее ног, лаская ее сладкий маленький клитор языком, облизывая ее вход, пока она не выдыхает: — Дракон, если ты не возьмешь меня прямо сейчас, я тебя убью.

С низким рычанием я снова вхожу в неё. Ощущения от члена невыносимо возбуждают, и я почти кончаю, просто войдя в неё.

— Не играй со мной, Серилла, — хрипло говорю я ей. — Только не это.

Она запускает пальцы в мои волосы, притягивает меня ближе, чтобы поцеловать.

— На этот раз я не буду тебя мучить. Я решила. Я приму твоих маленьких драконов.

Я хочу запеть, но не знаю песен, которые могли бы выразить всю мою радость. Я проникаю в неё глубже, просто чтобы увидеть, как её глаза затуманиваются от блаженства.

— Боже, с тобой так хорошо, — хнычет она. — О черт, я сейчас кончу…

Ухмыляясь, я набираюсь сил и трахаю её так быстро, как только могу, доводя её до оргазма.

Смотреть, как она кончает, — всё равно что наблюдать за восходом солнца. Все цвета страсти, красоты и восторга сливаются в изысканном умиротворении. Я стону, присоединяясь к ней, и моя сперма стекает глубоко в её тело.

Я остаюсь внутри, пока полностью не расслабляюсь. Когда я выхожу, из её розовой щели вытекает струйка спермы, и я загоняю её обратно большим пальцем. Она вздрагивает и вздыхает, когда я провожу рукой по её клитору, поэтому я слегка и быстро массирую его кончиками пальцев, пока она снова не кончает, на этот раз лишь слегка вздрогнув.

— Я никогда так сильно не хотела секса, — шепчет она, краснея. — Я чувствую себя такой слабой, наполненной и совершенной одновременно.

Я устраиваюсь рядом с ней и провожу ладонью по её плоскому животу. Совсем скоро он округлится, наполняясь новой жизнью… если только она действительно говорила всерьёз.

— Значит, в этот раз ты не станешь пить травы?

— Нет.

— Что заставило тебя передумать?

— Две вещи. — Она поднимает два пальца. — Во-первых, когда ты сказал, что отпустишь меня. Во-вторых, когда ты сражался с самим собой во время брачного жара — и сумел сохранить контроль. В тебе есть доброта и милосердие. Тебе просто нужно научиться проявлять их чаще — и не только к своим сородичам.

— Знаю.

Слова даются мне с трудом, но она права.

Я не настаиваю на разговоре о потомстве, и она тоже не требует от меня объяснений. Спустя несколько минут Серилла выбирается из гнезда и осматривает оставшуюся тушу оленя, подвешенную в глубине пещеры.

— Нужно приготовить это мясо, пока оно не испортилось. Здесь прохладно, но недостаточно холодно. Если его зажарить, оно дольше продержится.

Мы проводим несколько часов, занимаясь готовкой. Она пытается научить меня, объясняя множество правил, которых я не понимаю, рассказывая о разных котлах, сковородах и инструментах, которые обычно использует, перечисляя свои любимые приправы. Я слушаю, пока не чувствую, что голова вот-вот лопнет от избытка информации. Чтобы заставить её замолчать, я подхватываю её, усаживаю на свои плечи, прижимая к стене пещеры, её горячая плоть оказывается перед моим лицом — и я пожираю её, доводя до крика. А затем опускаю её на четвереньки и вхожу в неё, пока звуки наших тел не начинают эхом разноситься по пещере.

Эти звуки слышны часто в последующие дни. Я одержим её мягким телом, изгибом её груди, тугим теплом её промежности и сияющим счастьем в её глазах, когда она смотрит на меня.

Когда я в драконьем обличье, жар уже не такой нестерпимый, как в первый раз. Её запах слегка изменился, и каким-то образом я знаю — она уже носит моё потомство. Из-за этого потребность оплодотворить её ослабевает, но желание обладать остаётся неукротимым.

К четвёртому дню её живот заметно округлился. Она молчит об этом, и иногда я ловлю её на том, что она проводит рукой по выпуклости, неуверенно хмурясь.

Я пытаюсь помочь.

— Всё будет хорошо. Телисе сказала, что яйца будут достаточно маленькими, чтобы ты могла легко их отложить.

— Я знаю, — она бросает на меня раздражённый взгляд. — И я рада сделать это для тебя, но всё равно это… странное чувство. Я люблю детей, всегда хотела их, но я никогда не представляла, что всё произойдёт вот так. Это так быстро…

Я складываю крылья за спиной и подхожу ближе, с любопытством глядя на неё.

— Сколько длится беременность у людей?

— Девять месяцев.

— Девять грёбаных месяцев? Самки носят потомство в себе почти год? Это жестоко.

Серилла смеётся, и это мне нравится, хоть я вовсе не пытался пошутить.

— Это и правда жестоко, — говорит она. — Кому-то нравится, кто-то ненавидит это время, но так или иначе, девять месяцев — это очень долго. А роды… это больно. Иногда настолько, что рвутся ткани. Бывает, случаются осложнения, и тогда погибает либо ребёнок, либо мать.

— Кладка у драконов безболезненна. Яйца выходят легко. Но иногда… они так и не вылупляются.

— У людей нет яиц. Дети рождаются из плода, который развивается в материнском теле. Всё это… кроваво и покрыто слизью.

— Звучит отвратительно.

Она снова смеётся и легко касается пальцами моего носа.

— А ты думал, что появление на свет — это красиво? Скажи, какого размера обычно бывают драконьи яйца?

— Я давно видел яйца своего брата и сестры, но… наверное, вот такие.

Я когтем черчу на каменном полу пещеры продолговатый овал.

— О, — облегчённо вздыхает она. — Примерно с человеческую голову. И Телисе говорила, что наши яйца будут даже меньше. Значит, детёныши должны быть совсем крошечными.

— Крошечными. Но они растут удивительно быстро. И почти сразу после рождения говорят на драконьем языке. Они слышат его ещё в яйце, понимаешь?

— Умные малыши, — шепчет Серилла. — Интересно, как будут выглядеть наши… и что они подумают обо мне, если я…

Она замолкает, прикусывая губу.

— Если ты что?

Она поднимает на меня взгляд, и её синие глаза полны вины.

— Я думала… возможно, будет лучше, если я вернусь на материк до того, как они вылупятся. Было бы жестоко дать им привыкнуть ко мне, если я всё равно собираюсь уйти.

В груди вспыхивает глухая, жгучая боль — чистый инстинкт, первобытная реакция на мысль о её уходе. Я не должен удивляться, что она подняла этот разговор — в конце концов, я сам предложил отпустить её. Но за последние дни я позволил себе наивно надеяться, что она может передумать. Что принцесса останется здесь, в пещере, с драконом, который пожирает окровавленные туши, справляет нужду с утёса, и изрыгает пламя, когда злится или тревожится…

Чёрт, если подумать, звучит это нелепо. Я вёл себя как глупец.

Моя человеческая форма не даёт ей ничего большего, чем драконья. Я лишь лучше контролирую превращения, но у меня нет других умений, которые могли бы быть ей полезны. Единственное, на что я годен в этом теле — как следует трахать свою пленницу.

Нет ничего удивительного в том, что она предпочла не оставаться.

Она смотрит на меня, ожидая ответа.

— Да, возможно, так будет лучше, — тихо говорю я. — Маленькие драконы запоминают своих родителей с первого взгляда. Если они никогда не увидят тебя, им будет проще.

Я замечаю, как на её лице мелькает боль, но она тут же её подавляет. С того момента, как начался брачный жар, я стал острее чувствовать её эмоции, стал осознавать, где она находится, даже во сне. Отец рассказывал мне, что после первого сезона спаривания самцы драконов обретают связь со всеми самками — могут ощущать их присутствие, их состояние. Сначала это смутное чувство, но с возрастом оно становится сильнее.

Я не был уверен, будет ли у меня такая связь с Сериллой — ведь она не дракон. И теперь радуюсь, что чувствую её.

Других пленниц я не ощущаю. Значит, всё дело в том, что я спаривался с ней слишком часто.

Я хочу спросить её, почему она так отчаянно стремится уйти. Но ответ и так очевиден. Услышать его вслух — значит сделать только хуже.

— А как же остальные женщины? — спрашивает она. — Они тоже смогут уйти?

— Почему бы и нет? — Я угрюмо направляюсь к ручью и пью жадными глотками.

Мы больше не возвращаемся к этому разговору три дня.

Мы готовим еду, трахаемся и спим. Я обучаю Сериллу простым фразам на драконьем языке и примитивной поэзии, а она учит меня игре с каменными фишками на сетке, которую я вырезаю на полу пещеры по её указаниям. Её живот становится всё больше, но Мордворрен не утихает. Порой мне кажется, что буря стихает, но затем налетает новый шквал, вспарывая скалы молниями, сотрясая остров раскатами грома, будто пытаясь разорвать его на части. Словно весь океан вылился с небес, и я начинаю бояться, что когда мы, наконец, выберемся наружу, то обнаружим, что весь остров ушёл под воду, оставив лишь несколько острых пиков, торчащих из моря.

Запасы еды тают, и меня всё больше тревожит судьба немногих оставшихся на острове животных. Овцы и козы могут забраться повыше, а дикие кабаны умеют находить выход из любой ситуации, но неужели все они погибли? А что с теми, кто жил на островах Мерринволд? Уцелели ли их стада? Если буря унесла слишком многих, мы окажемся в том же положении, что и перед войной. А это значит, что всё, что я сделал, было напрасно.

Чем дольше бушует буря, тем глубже я погружаюсь в мрачные мысли. Что, если, выйдя наружу, мы не найдём ничего съестного? Что, если мои драконы причинили вред своим женщинам в брачном безумии? По закону, который я сам объявил перед бурей, мне придётся убить таких самцов. Что, если потоп, молнии и камнепады унесли множество жизней — и женщин, и драконов? Что, если из всех отложенных яиц выживут лишь немногие, и даже они погибнут от голода?

Я должен был поговорить с Телисе перед бурей, спросить, могла ли её магия хоть как-то помочь против Мордворрена. Но, похоже, ничего бы это не изменило. Эта буря древнее и могущественнее всех нас.

Мясо закончилось. Овощи почти на исходе. Остались лишь семена, орехи и горстка помятых ягод. Если Мордворрен не уйдёт в ближайшее время, мы умрём с голоду. Я уже давно ем меньше, чем мне нужно, чтобы Серилле хватало. Она всё время голодна, и это неудивительно — малыши в её чреве растут с пугающей скоростью.

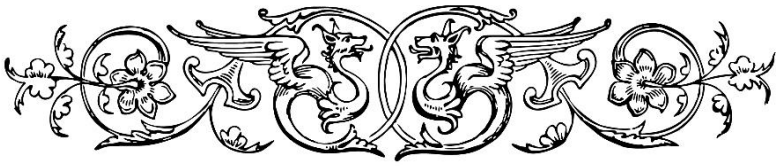
Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Я лежу у входа в пещеру, нахмурившись, наблюдаю за дождём, гадая, действительно ли он становится слабее, или мне это только кажется. В этот момент Серилла подходит ко мне и осторожно касается края моего крыла.

Я оборачиваюсь и вижу, как она сжимает руками свой округлившийся живот, её глаза широко распахнуты — в них смешались страх и трепетное ожидание.

— Ки, кажется, что-то происходит, — шепчет она.

26. Серилла



Киреаган вскидывает голову, мрачность мгновенно исчезает из его взгляда.

— Что значит «что-то происходит»?

— У меня болит живот. Это похоже на спазмы, которые бывают во время месячных, но сильнее. И ещё… какое-то давление.

Я обхватываю живот руками, словно поддерживаю его. Он, конечно, не такой огромный, как у женщин, вынашивающих человеческих младенцев, но всё равно пугает. Особенно потому, что у меня не было времени привыкнуть к нему, а теперь…

— Кажется, яйца выходят.

Даже в самых смелых фантазиях я не представляла, что мне придётся сказать подобное.

— Слишком рано, — возражает Киреаган. — У тебя должен быть ещё день-два.

Меня снова пронзает острая боль, и я сгибаюсь пополам, с трудом подавляя стон.

— Скажи это моему чёртову телу! Всё, пора их вытаскивать. И ты мне поможешь.

Он таращится на меня, с приоткрытым от шока ртом, настолько, что это даже кажется забавным.

— Я… я не знаю, что делать. Откладывание яиц должно быть безболезненным и происходить в уединении…

— К чёрту это! — ору я. — Ты их в меня засунул, так что, клянусь богами, ты мне поможешь, слышишь?!

— Да, да! — вскрикивает он, выглядя совершенно напуганным. — Идём в гнездо.

Он взмывает вперёд, кончиком крыла задевая моё плечо. Я ковыляю следом, уже ощущая, как нечто внутри начинает пробиваться наружу. Киреаган помогает мне забраться в гнездо, неуклюже подталкивая мордой под зад.

Я дважды была свидетельницей родов во дворце. Однажды это случилось с моей горничной — схватки начались неожиданно, и ей пришлось рожать в моей собственной постели. Второй раз я видела, как на свет появился Тарен, сын Хули, второй поварихи на дворцовой кухне. Когда Хули пришлось лежать два последних месяца беременности, я уговорила мать продолжать выплачивать ей жалование. Потом Хули спросила, не хочу ли я присутствовать на родах и стать крестной её ребёнка. Я с радостью согласилась.

Моя мать никогда об этом не узнала — ей бы показалось это неподобающим. Но мне нравилось смотреть, как в мир приходят крошечные, скользкие, красные создания, помогать их очищать, слышать их первые крики, видеть, как они прижимаются к груди матери. И больше всего — видеть выражение лица женщины, впервые держащей своего ребёнка.

Интересно, где теперь эти дети и их матери? Особенно Хули и Тарен. Надеюсь, с ними всё хорошо. Хотя теперь «хорошо и в безопасности» для меня означает совсем другое. Сейчас я сижу в огромном гнезде, задрав юбки, а напротив — дракон, нервно пускающий дым из ноздрей. И всё же, несмотря на странность ситуации, я действительно в безопасности. И мне… хорошо.

Ребекка Кенни - Змеи Неба и Пламени
Rebecca F. Kenney - Serpents of Sky and Flame

Во время одних из родов, на которых я присутствовала, повитуха рекомендовала роженице сидеть на корточках. Я пробую — и быстро понимаю, что мне так неудобно. Бёдра начинают ныть, а мне и без того хватает боли. Так что я откидываюсь к краю гнезда, разводя ноги, тяжело дышу, обливаясь потом. Ещё одна схватка пронзает меня, и я сжимаю зубы.

Киреаган опускает голову, внимательно осматривая пространство между моих ног.

— Ненавижу тебя за это, — рычу я.

Он тут же отдёргивается, выпуская облачко горячего дыхания.

— Ты сама согласилась, — бурчит он.

— Заткнись. Заткнись нахрен… О боги, как же это больно!

Он снова приближается и нежно трётся мордой о моё бедро. Затем высовывает язык и аккуратно облизывает мою промежность.

На мгновение боль отступает.

— Ещё, — выдыхаю я. — Это помогает.

Воодушевлённый, он продолжает, вылизывая кожу вокруг. Может, в слюне самцов-драконов есть что-то, что притупляет боль. А может, дело в том, что я расслабляюсь. Но разница ошеломительная. Спустя несколько секунд яйцо растягивает меня, а потом с лёгким толчком выскальзывает наружу, падая в траву.

Оно чуть меньше, чем показывал рисунок Киреагана. Гладкая скорлупа отливает мерцающим фиолетовым, покрытая влажной плёнкой.

— Хвала Костяному Создателю, — сипло выдыхает Киреаган.

— Поблагодари меня, — говорю я ему. — И продолжай. Кажется, там ещё одно.

Послушно он снова ласково облизывает воспалённые края моей плоти. В этом нет ничего чувственного — только чистая нежность, чистая забота.

Я тянусь вперёд и сжимаю один из его рогов, когда мой живот снова сводит судорогой.

— Я вижу яйцо, — глухо говорит он, низкий голос вибрирует, как раскаты грома.

И в этот миг я вспоминаю, как впервые увидела его — парящего над полями, ведущего свою армию, чтобы обречь мой город на гибель.

— Ты справляешься великолепно, красавица, — взгляд его жёлтых глаз встречается с моим. — Ты такая сильная.

Глаза наполняются слезами.

— Раньше ты называл меня слабой, — шепчу я.

— Это было до того, как я понял, как сильно ошибался.

Я резко втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, сжимаю его рог ещё крепче. С силой напрягаюсь, и моё тело снова растягивается, позволяя яйцу выйти наружу.

Киреаган ласково проводит языком по моему телу, очерчивая контуры яйца. Я чуть расслабляюсь, набираю воздух, делаю последнее усилие, с силой сжав его рог.

С мягким влажным звуком яйцо выскальзывает и падает в гнездо. Это яйцо глубокого, насыщенного синего цвета, прорисованного белыми узорами, словно мрамор.

— Они такие красивые… оба, — шепчу я.

Киреаган не прекращает нежных движений, успокаивая чувствительную плоть.

— Вот умница, — бормочет он. — Ты была потрясающей. Теперь отдыхай.

Спазмы всё ещё прокатываются по животу, но уже не так резко, не так неумолимо. Теперь это скорее судорожные подёргивания — мышцы медленно

возвращают мой живот в его прежнюю форму. Я уверена, на это уйдут дни, если не недели. А на коже останутся тонкие серебристые линии — напоминание обо всём, что случилось.

И всё же я по-прежнему собираюсь уйти. Оставить своего дракона и наших детей.

С каждым днём тревога о тех, кого я оставила в Элекстане, растёт. Я не могу избавиться от мысли, что подвела их. Я была их принцессой. Если я не попытаюсь собрать армию и вернуть им свободу, кто я после этого?

Неважно, что меньше всего на свете я хочу править — дело не в этом. Возможно, моё имя до сих пор что-то значит для южных королевств. Если я предложу себя в жёны одному из их принцев, он, возможно, поможет мне вернуть трон и спасти мой народ от короля Ворейна. Драконы больше не нападут — Киреаган не позволит.

Я могла бы защитить всех, кого люблю, всех, кто заставлял меня чувствовать себя значимой и нужной, когда моя мать презирала меня. Разве я не обязана хотя бы попытаться?

Но сейчас... Сейчас я ощущаю, как волны удовольствия разливаются по телу, пока драконий принц почтительно ласкает меня языком. Я чувствую его благодарность, его преданность. Он сделает для меня всё.

— Киреаган, хватит, — шепчу я. — Мне так хорошо, но я не могу... Не сейчас. Пожалуйста.

Он поднимает голову, проводя языком по губам.

— Как пожелаешь.

Как только эти слова срываются с его уст, в пещеру проникает луч мягкого, бледно-жёлтого света.

Я поднимаю взгляд, поражённая. Дождь ослаб, превратившись в тонкую сверкающую вуаль, а на стенах, покрытых древними письменами Драконьего Наречия, играют радужные тени.

— Всё кончено, — выдыхаю я.

Киреаган резко разворачивается и бросается к выходу из гнезда так быстро, что я не могу удержаться от смеха.

Он не летал несколько дней, и я знаю, как сильно его тянет в воздух. Он рвётся проверить, что стало с его народом.

Но на мгновение он замирает, бросая на меня взгляд.

— Тебе нужно свежее мясо и фрукты, — говорит он. — Это может быть непросто, но я постараюсь. И мне нужно навестить других драконов. И женщин.

— Иди, — говорю я. — Я в порядке. Крови нет, повреждений нет. Всё будет хорошо.

Но он возвращается. Подбирает покрывала, неловко укрывает меня ими своими когтями.

— Вернусь как можно скорее. Проверю, что случилось, и найду тебе еды.

— Когда ты вернёшься, нам нужно поговорить, — говорю я ему.

Его губы подергиваются над клыками, и он отводит взгляд. Он ждет этого разговора не больше, чем я.

— Поговорим, — соглашается он.

— Мне нужно как-то согревать яйца? Ну, знаешь... сидеть на них или что-то вроде того?

Он фыркает.

— Нет. Мы не птицы. Им не нужен уход, пока они не начнут вылупляться.

— О, отлично. Тогда иди уже.

С радостным прыжком — больше похожим на щенячий, чем на драконий — он спрыгивает с уступа и уносится в сияющий дождь, прямо в солнечный свет.

Я устраиваюсь в гнезде, закутываюсь в одеяла. Всё тело ломит, но боли почти нет. В целом, эти роды оказались куда легче, чем человеческие, которые мне доводилось видеть.

Посмотрев на яйца несколько мгновений, я придвигаюсь к ним ближе.

Трудно поверить, что, если нам повезёт, через неделю или около того они раскроются, и на свет появятся два маленьких дракона.

А что, если магия Телисе сработала неправильно? Если они окажутся какой-то странной, неестественной смесью человека и дракона?

Крыло, растущее из спины, человеческая рука вместо лапы, чешуя на голове вместо волос…

Хватит, Серилла, одёргиваю я себя.

— Какими бы вы ни родились, он всё равно будет вас любить, — говорю вслух.

А потом замираю и прижимаю ладонь ко рту.

Если я собираюсь оставить яйца, мне, наверное, не стоит с ними разговаривать.

А может, наоборот — стоит.

— Вам будет трудно понять, почему я должна уйти, — говорю я, глядя на яйца. — Видите ли, мне нужно помочь тем, кто заботился обо мне, уважал меня, любил меня. Я должна позаботиться о своём королевстве в первую очередь… а это значит отказаться от своих… своих детей… Чёрт. – Я запинаюсь. — Это неправильно, да? Потому что так я стану похожа на свою мать. Она всегда ставила королевство выше семьи. Хотя нет, это не совсем так. Она ставила выше всего себя. — Я сглатываю. — Но если я поступлю так же… не станет ли это первым из множества решений, которые в итоге превратят меня в неё?

Яйца неподвижно лежат в гнезде, сверкая в солнечных лучах.

— К чёрту всё это, — шепчу я.

А потом хмурюсь.

— И даже не смейте повторять это слово, пока не станете старше, поняли? Оно только для взрослых… не для малышей.

Тень заслоняет солнце, и в устье пещеры с тяжёлым грохотом опускается огромная крылатая фигура.

Я прищуриваюсь, пытаясь разглядеть её.

— Ты уже вернулся?

Но силуэт, приближающийся к гнезду… не Киреаган.

Это массивный, покрытый шрамами дракон цвета камня.

— Приветствую, принцесса, — его голос гулким раскатом прокатывается по пещере. В этой медленной, растяжной манере слышится нечто зловещее. — Я Фортуникс.

Фортуникс.

Тот самый дракон, что использовал заражённых кровяных жуков, чтобы истреблять добычу и вынудить свой клан примкнуть к Ворейну.

Если слухи верны, он беспощаден. Жестокий, мстительный.

А я — наследная принцесса королевства, которое он ненавидел.

Его взгляд падает на яйца.

Но в ту же секунду я двигаюсь вперёд, оказываясь между ним и гнездом.

Это происходит на чистом инстинкте — я даже не осознаю, что сделала это, пока не оказываюсь там.

Стою.

Защищаю их.

Фортуникс фыркает.

— Уродцы, — с презрением бросает он. — Наш клан осквернён. Поздравляю, принцесса. Твоя семья ответственна за вымирание драконов. Ты, наверное, так гордишься собой.

— Нет, — отвечаю я ровно. — И драконы не вымерли. Они просто станут другими.

— Испорченными, — рычит он, обнажая клыки. Его огромные когтистые лапы тяжело ступают по камню, приближая его ко мне. — Ты, твоя мать, её маг, всё твоё грёбаное королевство — вы уничтожили нас.

Он уродлив, грубосложен, покрыт боевыми отметинами.

Монстр, от которого я не смогу ни убежать, ни победить.

Я не должна с ним спорить.

Но всё равно говорю:

— Ты тоже сыграл свою роль. Ты распространил чуму, загнал свой народ в голодную ловушку, вынудил их ввязаться в войну на материке. Всё началось именно с этого.

Массивные гребни на хмуром лбу дракона опускаются ниже, придавая его глазам жестокое выражение.

— Значит, Киреаган знает.

Он прищуривается.

— Я почувствовал его запах в своей пещере. Догадался, что он мог что-то заподозрить, поэтому не стал рисковать. Скрывался в одной пещере, о которой Киреаган не знает, — она соединяется с подземной рекой. Неплохое место, чтобы переждать бурю. Там полно угрей, а они очень даже ничего на вкус. Это один из моих маленьких секретов… как и моя сделка с королём Ворейна.

По спине пробегает ледяной озноб, а в горле застревает страх, мешая дышать.

— Какая сделка?

— Та, что уберёт тебя с пути Киреагана и положит конец твоему человеческому влиянию.

Фортуникс ухмыляется, обнажая зубы.

— Я люблю этих двух принцев, как если бы они были моими собственными детёнышами. Но иногда тех, кого любишь, приходится направлять. Если они свернули не на тот воздушный поток, их нужно подтолкнуть в нужном направлении. А иногда и хорошенько ударить, чтобы исправить их поведение.

Он скалит зубы.

— Посмотри, в какую грязь они уже вляпались! Маленькие человечьи черви в наших гнёздах, несущие мелкие, жалкие яйца?

Фортуникс склоняет свою тяжёлую, каменную морду ко мне.

— Не могу поверить, что Киреаган так низко пал, что трахнул тебя. Хотя, наверное, ничего не мог с собой поделать — брачный жар и всё такое.

Он рывком выпрямляется.

— Но твой путь здесь окончен, девочка. Я забираю тебя в твой новый дом.

Голос дрожит.

— Король Ворейна сделает со мной ужасные вещи.

Фортуникс оскаливается в жестокой драконьей ухмылке.

— Именно. С нетерпением жду рассказов о том, как он тебя сломает.

Я отчаянно оглядываюсь в поисках хоть чего-то, что могло бы мне помочь.

Но всё, что у меня есть, — простое белое платье, а рядом лишь яйца и одеяла.

— Веди себя тихо, может, тогда я не вырублю тебя перед полётом, — говорит Фортуникс. — Но прежде чем мы отправимся, я вонжу коготь в каждое из этих яиц.

— Нет! — вырывается у меня.

Я задыхаюсь.

— Прошу… Ты же говоришь, что любишь Киреагана. Если ты уничтожишь их, это разобьёт ему сердце. — Я лихорадочно подбираю слова. — Послушай, они могут вообще не вылупиться… Прошу. Оставь их. — Дыхание сбивается, но я заставляю себя говорить ровно: — Я пойду с тобой добровольно. Не буду кричать, не буду звать на помощь. Не стану сопротивляться.

Фортуникс раздумывает.

— Было бы жаль случайно убить тебя, пытаясь заткнуть. Мне за тебя обещана щедрая награда. — Он фыркает. — Ладно, червяк. Если будешь вести себя тихо, оставлю уродцев в покое.

— Договорились.

Я осторожно выползаю из гнезда.

Фортуникс захватывает меня передней лапой, когти чуть сжимают моё тело. Я не успеваю даже вдохнуть, прежде чем он с силой отталкивается от камня, поднимая нас в воздух. Когда мы вылетаем за край уступа, он смыкает вторую лапу, сковывая мои движения.

Грохот его крыльев почти оглушает меня. После стольких дней в темноте солнце режет глаза, и я зажмуриваюсь, сдерживая крик. Фортуникс поднимается всё выше и выше, тяжело взмахивая крыльями. Ветер хлещет мои волосы по лицу.

Я могла бы нарушить слово. Закричать что есть сил.

Вдруг услышит кто-то из драконов?

Но даже если кто-то бросится мне на помощь, Фортуникс успеет вернуться и раздавить яйца.

Его тело словно высечено из гранита — в одиночку его не одолеть.

Это слишком большой риск. Я остаюсь молчаливой. И заставляю себя открыть глаза хотя бы на миг.

Синий небосвод. Ни следа шторма. Странно. Я должна была увидеть, как он уходит в море… Но его просто нет.

Вдалеке, над горными вершинами Уроскелле, кружат несколько драконов. Один из них — Киреаган? Или он всё ещё в пещерах, проверяет остальных? Что он подумает, когда обнаружит, что меня нет? Допустит ли, что я ушла сама? Он знает, что я собиралась уйти. Может, решит, что я нашла другого дракона, чтобы добраться до материка? Может, даже не станет искать. Ведь у него есть всё, что ему нужно. Два прекрасных яйца, которые мы создали вместе.

Даже если захочет, он не сможет меня догнать. Ему нужно оставаться на Уроскелле: следить за последствиями шторма, охранять яйца, разведать новые острова, кормить детёнышей. На погоню за надоедливой принцессой у него просто не будет времени.

Часть меня понимает, что я его недооцениваю. Что слишком драматизирую. Но мне уже всё равно. Я измотана — и телом, и разумом. Я устала от этого вихря событий.

Я истощена после стремительной беременности. Я слаба после родов. Мне больно от грубых когтей, сжимающих моё тело. Меня снова похищают. Я имею полное право на драму, чёрт возьми.

Я уже пережила одно похищение. Страх, неизвестность, лишения. Да, теперь меня ведут к тому, кто куда опаснее Киреагана… Но я не позволю королю Ворейна сломать меня. Я буду следить. Я буду ждать. Я буду искать способ сбежать.

Это ещё не конец. Я слишком упряма для этого.